

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 3 (19) 2017

Главный редактор:

Буряков С.К., канд. полит. наук

Зам. главного редактора:

Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, доцент

Ответственный за выпуск:

Авдюшкин Е.Г.

Состав редакционного совета:

Абызов Р.М., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Анисимов П.В., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Арыстанбеков М.А., д-р юрид. наук, доцент
Афанасьев В.С., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор
Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор
Корякин И.П., д-р юрид. наук
Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор
Попов Е.А., д-р филос. наук, доцент
Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент
Федулов Б.А., д-р пед. наук, профессор
Шарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционной коллегии:

Анохина С.Ю., канд. юрид. наук, доцент
Бублик И.Г., канд. юрид. наук, доцент
Галиев Р.С., канд. юрид. наук
Ермаков С.В., канд. юрид. наук
Ермакова О.В., канд. юрид. наук, доцент
Кругликова О.В., канд. юрид. наук
Москвитин Ю.Н., канд. ист. наук
Репьев А.Г., канд. юрид. наук
Семенюк Р.А., канд. юрид. наук, доцент
Суверов Е.В., д-р ист. наук, профессор
Чесноков А.А., канд. юрид. наук, доцент
Яценко С.В., канд. юрид. наук

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Редактура: О.Н. Татарниковой, Ю.С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О.Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с ОАО «Роспечать» 70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru).
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 09.08.2017.
Выход в свет 21.08.2017.
Заказ № 395. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 19,0. Тираж 107 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2017

Altai Law Journal

Science Journal of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 3 (19) 2017

Editor-in-Chief:

Buryakov S.K., PhD. (Candidate of Political Sciences)

Deputy Editor-in-Chief:

Anokhin Yu.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences),
assistant-professor

Responsible for Issue:

Avdyushkin Ye.G.

Editorial Advisory Board:

Abyzov R.M., PhD. (Doctor of Juridical Sciences),
professor, Honored lawyer of Russia
Anisimov P.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences),
professor, Honored lawyer of Russia
Afanasiev V.S., PhD. (Doctor of Juridical Sciences),
professor, Honored lawyer of Russia
Arystanbekov M.A., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Gerasimenko Yu.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences),
professor, Honored lawyer of Russia
Goncharov I.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Derishev Yu.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Kim D.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Koryakin I.P., PhD. (Doctor of Juridical Sciences)
Mazunin Ya.M., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Popov Ye.A., PhD. (Doctor of Philosophical Sciences),
assistant-professor
Sumachev A.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences),
assistant-professor
Fedulov B.A., PhD. (Doctor of Pedagogical Sciences),
professor
Sharapov R.D., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor

Editorial Review Board:

Anokhina S.Yu., PhD. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Bublik I.G., PhD. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Galiev R.S., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Ermakov S.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Ermakova O.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Kruglikova O.V., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)
Moskvitin Yu.N., PhD. (Candidate of Historical Sciences)
Repev A.G., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Semenyuk R.A., PhD. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Suverov E.V., PhD. (Doctor of Historical Sciences),
professor
Chesnokov A.A., PhD. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Yatsenko S.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Executive Secretary:

Zholobova Yu.S.

Proofreading: O.N. Tatarnikova, Yu.S. Zholobova

Desktop publishing: O.N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere
of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications.

Registration certificate
PI No. FS77-57487 dated
27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Ph.D.
(Doctor and Candidate of sciences)

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog
of «RosPechat»
Agency Ltd is 70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,
Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Chkalovastr., 49.
www. <http://vestnik.buimvd.ru>.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 09.08.2017.
Issue date 21.08.2017.
Order 395. Format 60x84/8.
Conventional printed sheets 19,0.
Issue 107 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2017

Содержание

История государства и права

<i>Антропов В.М.</i> Предпосылки возникновения, становление и развитие подразделений вневедомственной охраны на Алтае	7
<i>Колосович М.С.</i> Механизмы реализации гласности сторон уголовного судопроизводства (историко-правовой анализ)	12
<i>Морозов В.А., Шатилова О.А., Ермаков Е.Г.</i> Взаимодействие органов милиции, общественных организаций и населения по охране общественного порядка в годы Великой Отечественной войны	19
<i>Семёнов В.В., Медведев И.В.</i> Развитие огневой и физической подготовки в советских правоохранительных органах (1953-1964 гг.)	24
<i>Суверов Е.В.</i> Подготовка кадров для рабоче-крестьянской милиции Новосибирской области (1937-1941 гг.)	28

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

<i>Аничкин Е.С., Коваленко К.Е.</i> Формирование оценки регулирующего воздействия в сфере российского образования	31
<i>Коновалова Л.Г.</i> «Модифицированный» парламентаризм в зарубежных странах в XX – начале XXI в.: история становления конституционно-правового института	36
<i>Лоос Е.В.</i> К вопросу о чести и достоинстве коллективных субъектов	43

Административное право и административный процесс

<i>Опальский А.П., Смирнов А.И.</i> О деятельности информационно-поисковой системы по противодействию дистанционному мошенничеству	47
<i>Пивоваров Д.В.</i> Освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях	56
<i>Равнюшкин А.В.</i> О проблемных аспектах административной ответственности за причинение побоев (ст. 6.1.1 КоАП РФ)	61
<i>Щеглов А.И.</i> Некоторые проблемы профилактической работы участкового уполномоченного полиции с лицами, больными алкоголизмом или наркоманией	66

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

<i>Борисов С.В., Чугунов А.А.</i> Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа как новелла уголовного и уголовно-процессуального права Российской Федерации	73
<i>Гулиева Н.Б.</i> Уголовно-правовая охрана чести, достоинства, репутации специальных субъектов: современное состояние, проблемные вопросы квалификации	78
<i>Заборовский В.В.</i> Некоторые проблемные аспекты привлечения адвоката к уголовной ответственности за совершение им преступлений в соответствии с украинским законодательством	83
<i>Комаров В.Б.</i> Совершенствование уголовной ответственности за получение взятки за общее покровительство или попустительство по службе	89
<i>Курсаев А.В.</i> Личность преступника, использующего рабский труд	93
<i>Семенюк Р.А.</i> Некоторые проблемы предупреждения участковыми уполномоченными полиции семейно-бытовых правонарушений, совершаемых в состоянии опьянения	98

**Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза,
оперативно-разыскная деятельность**

<i>Ермаков С.В.</i> Оперативно-разыскная характеристика взяточничества в сфере здравоохранения как основа для выявления и документирования указанных преступлений (содержание)	102
<i>Ким Д.В.</i> Типичные способы противодействия уголовному преследованию по уголовным делам о мошенничестве в сфере сельскохозяйственного страхования (по материалам практики Алтайского края).....	108
<i>Климачков А.В.</i> Оперативно-разыскная характеристика личности участников незаконного сбыта наркотических средств, совершаемого с использованием сети Интернет	111
<i>Комбаров К.Ю.</i> Понятие и структура криминалистической характеристики коррупционных преступлений, совершаемых в сфере оказания медицинских услуг	117
<i>Черепанова Л.В.</i> О процессуальных проблемах осмотра, копирования электронного сообщения до возбуждения уголовного дела	124

Гражданско-правовые отношения

<i>Головизнин А.В.</i> Обязательства по возмещению вреда, причинённого транспортному средству пешеходом в результате дорожно-транспортного происшествия	129
<i>Минкина Н.И.</i> Современная роль локальных нормативных актов	134
<i>Раченкова О.Н.</i> К вопросу о согласовании юридических актов в частном праве	139
<i>Хужин А.М., Чесноков А.А.</i> К вопросу об использовании институционального подхода к анализу экономико-правовых явлений	145

CONTENTS

HISTORY OF STATE AND LAW

<i>Antropov V.M.</i> Preconditions of the Formation and Development of Subdivisions of Police Security Service in the Altai.....	7
<i>Kolosovich M.S.</i> Mechanisms for the Transparency of Criminal Justice (Historical and Legal Analysis).....	12
<i>Morozov V.A., Shatilova O.A., Ermakov E.G.</i> Interaction of the Police, Public Organizations and the Public on the Protection of Public Order during the Great Patriotic War.....	19
<i>Semenov V.V., Medvedev I.V.</i> Development of the Firearms and Physical Education in the Soviet Law Enforcement Agencies (1953-1964).....	24
<i>Suverov E.V.</i> Training of the Worker-Peasant Militia of the Novosibirsk Region (1937-1941).....	28

STATE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

<i>Anichkin E.S., Kovalenko K.E.</i> Formation of Regulatory Impact Assessment in Russian Education.....	31
<i>Konovalova L.G.</i> «Modified» Parliamentarism in Foreign Countries in the 20 th – Early 21 st Centuries: History of the Formation of the Constitutional-Legal Institute.....	36
<i>Loos E.V.</i> On the Honor and Dignity of Collective Bodies.....	43

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

<i>Opalskiy A.P., Smirnov A.I.</i> On the Activity of the Search Engine on Remote Fraud Counteraction.....	47
<i>Pivovarov D.V.</i> Alcoholic Intoxication Examination and Appointment for Alcoholic Intoxication Examination as Measures of Legal Proceedings on Administrative Violations.....	56
<i>Ravnyushkin A.V.</i> About Problematic Aspects of Administrative Responsibility for Causing of Beating (Article 6.1.1 of the Code on Administrative Offences of the Russian Federation).....	61
<i>Scheglov A.I.</i> Some Problems of District Police Officer's Preventive Work with Persons Addicted to Alcohol or Drugs.....	66

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

<i>Borisov S.V., Chugunov A.A.</i> Discharge from Criminal Liability with Infliction of Penalty as a New Law of Criminal Law and Criminal Procedure Law of the Russian Federation.....	73
<i>Gulieva N.B.</i> Criminal Law Protection of Honour, Dignity and Reputation of Special Subjects: Modern State, Problems of Qualification.....	78
<i>Zaborovsky V.V.</i> Some Problematic Aspects of Bringing a Lawyer to Criminal Responsibility for the Commission of Crimes under Ukrainian Legislation.....	83
<i>Komarov V.B.</i> Improving Criminal Liability for Bribery for General Patronage or Connivance in the Service.....	89
<i>Kursaev A.V.</i> The Identity of the Offender Using Slave Labor.....	93
<i>Semeniuk R.A.</i> Some Problems of Precinct Police Preventing from Family and Domestic Crimes Committed in a State of Intoxication.....	98

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSICS ENQUIRY, INVESTIGATIVE ACTIVITY

<i>Ermakov S.V.</i> Operational and Investigative Characteristics of Health Care Bribery as the Basis for Exposition and Documentating of the Specified Crimes (Content).....	102
<i>Kim D.V.</i> Typical Ways of Criminal Prosecution Counteraction in Criminal Cases of Fraud in Agricultural Insurance Sphere (on the Practice Materials of the Altai Territory).....	108
<i>Klimachkov A.V.</i> Operational and Investigative Personal Characteristics of the Participants of the Illegal Narcotic Drugs Trafficking Accomplished by Means of Internet Network.....	111

<i>Kombarov K.Yu.</i> The Concept and Structure of the Criminalistic Characteristics of Corruption Crimes Committed in the Health Care Services Provision	117
<i>Cherepanova L.V.</i> On Procedural Problems of Inspection, Copying an Electronic Message Prior to a Criminal Case Initiation	124

CIVIL LEGAL RELATIONS

<i>Goloviznin A.V.</i> Obligations to Compensate for Damage Caused to a Vehicle by a Pedestrian as a Result of a Traffic Accident.....	129
<i>Minkina N.I.</i> The Contemporary Role of Local Regulatory Acts.....	134
<i>Rachenkova O.N.</i> On the Issue of Legal Acts Coordination in Private Law	139
<i>Khuzhin A.M., Chesnokov A.A.</i> On the Use of the Institutional Approach to the Analysis of Economic and Legal Phenomena	145

История государства и права

УДК 351.74(571.150)

В.М. Антропов

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: altai_police@mail.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ВНЕВЕДОМСТВЕННОЙ ОХРАНЫ НА АЛТАЕ

Статья посвящена вневедомственной охране Алтайского края. Автор характеризует предпосылки ее возникновения и этапы развития, рассматривает организационно-штатную структуру и основные направления деятельности.

Ключевые слова: вневедомственная охрана, Алтайский край, национальная гвардия.

V.M. Antropov

a postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: altai_police@mail.ru

PRECONDITIONS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF SUBDIVISIONS OF POLICE SECURITY SERVICE IN THE ALTAI

The article is devoted to the police security service of the Altai territory. The author describes the preconditions for its formation and development stages, considers the organization structure and main activities.

Key words: police security service, Altai territory, national guard.

29 октября 2017 г. вневедомственная охрана отмечает свое 65-летие. Отправной точкой ее создания принято считать 1952 г., когда было принято Постановление Совета Министров СССР № 4633-1835с «Об использовании в промышленности, строительстве и других отраслях народного хозяйства работников, высвобождающихся из охраны, и мерах по улучшению дела организации охраны хозяйственных субъектов министерств и ведомств». В соот-

ветствии с этим нормативным правовым актом при органах милиции начали создаваться специальные подразделения вневедомственной наружной сторожевой охраны, на которые возлагалась охрана мелких торговых и хозяйственных объектов различного подчинения [10, с. 128].

Однако подразделения, выполнявшие сходные задачи, существовали в системе правоохранительных органов и в более ранние исторические периоды.

В период бурного развития капитализма в России в конце XIX – начале XX в., нередко называемый «золотым веком российского предпринимательства», появилось большое количество частных предприятий. Общая полиция не могла в полной мере обеспечить их защиту от противоправных посягательств вследствие своей недостаточной численности. В связи с этим «в виде временной меры» с 1900 г. было разрешено учреждение должностей пеших и конных полицейских стражников по ходатайствам частных обществ и лиц во всех губерниях европейской и азиатской России с возмещением издержек казны на содержание таких должностей за счет упомянутых частных обществ и лиц [5, л. 297]. Полицейские, назначенные на эти должности, охраняли заводы,

мануфактуры, финансовые учреждения, крупные торговые заведения, частные имения своих учредителей.

В частности, в Барнауле в 1903 г. по 5 городовых содержались на средства банков и владельцев частных магазинов, 7 городовых и 1 околоточный надзиратель, содержавшиеся за счет барнаульских пароходовладельцев, в период навигации несли службу на пристанях. В период строительства Алтайской железной дороги (1913-1915) для охраны главной кассы ее Управления было нанято двое «сверхштатных» городовых [16, с. 17].

Данные о количестве чинов полиции, содержавшихся за счет частного капитала на территории Бийского уезда к началу 1916 г., представлены в таблице 1.

Таблица 1

Чины Бийского уездного полицейского управления, содержавшиеся за счет частных средств (по состоянию на январь-апрель 1916 г.)¹

№ п/п	Населенный пункт	Наименование должности	Кол-во	Учредитель	Годовой оклад (руб.)
1	г. Бийск	Полицейский стражник	2	Бийское отделение Сибирского торгового банка	300
2	г. Бийск	Полицейский стражник	1	Торговый дом братьев А.Н. и Н.Н. Бородиных	300
3	с. Соколово	Полицейский стражник	1	Компания И.К. Платонова и Е.И. Судовской (Иткульский винокуренный завод)	180
4	с. Улала	Конно-полицейский стражник	1	Торговцы с. Улалы	350
5	с. Усть-Чарышская Пристань	Полицейский стражник	1	Торговый дом «А.Г. Морозов и сыновья»	300
6	с. Усть-Чарышская Пристань	Полицейский урядник	1	Торговцы с. Усть-Чарышская Пристань	450
7	с. Быстрый Исток	Полицейский урядник	1	Торговцы с. Быстрый Исток	420
8	Не указан	Полицейский стражник	1	Концессионер Лесин	240

В 1908 г. в Барнауле появилась ночная стража, включавшая 150 пеших охранников – «обходных», каждый из которых патрулировал участок, «простиравшийся» от 120 до 150 саженей² в центральных кварталах и до 250 саженей на окраинах. Для «поверки постов и подачи в случае надобности помощи» имелось 15 конных охранников.

Введению этого института предшествовали многолетние дискуссии гласных Барнаульской городской думы, которые с 1880-х гг., «признавая все несовершенство организации ночного обхода в го-

роде, вместо того, чтобы реформировать это дело», тем не менее голосовали за то, чтобы «оставить все по-прежнему» [4, л. 148].

Поскольку учреждение ночного караула увеличивало расходы городской казны с 9,9 до 24 тыс. руб., дума приняла решение о частичном их возмещении за счет обывателей, обязав выплачивать жалованье обходным домовладельцев тех районов города, где они несли службу. Критерием определения суммы сбора являлась стоимость недвижимого имущества [13, с. 20]. При этом подчеркивалось, что каждый из домовладельцев «не только не лишен возможности, а, напротив, обязан о замеченных не-

¹ ГААК. Ф. 170. Оп. 1 Д. 1072. Л. 14 об.

² 1 сажень = 2,1336 метра.

порядках или вообще проступках караульного заявлять городской управе или полиции, которые и принимают немедленные меры к устранению этого путем увольнения, штрафов караульного и т.п.». Кроме этого, на территории каждого участка имелся попечитель, выбиравшийся местными жителями или назначавшийся городской управой, обязанностью которого являлось наблюдение за добросовестным исполнением обходными своих служебных обязанностей [4, л. 149].

В первые годы советской власти остро встал вопрос об охране социалистической собственности. Для охраны промышленных объектов, запасов продукции и сырья 3 марта 1920 г. были созданы подразделения промышленной милиции. Им вменялась в обязанность охрана гражданских учреждений и сооружений общегосударственного и исключительного значения (телеграфа, почты, водопровода), а также фабрик, заводов, рудников, сопровождение грузов и ценностей [1, с. 21].

6 февраля 1924 г. Совет Народных Комиссаров принял постановление о создании ведомственной милиции. Ее задачей являлись охрана имущества государственных предприятий и учреждений, а также частных организаций, имевших государственное значение, и охрана правопорядка в пределах территории, занимаемой этими объектами. Подразделения ведомственной милиции создавались на договорных началах с администрацией охраняемых объектов и содержались за их счет. Инструкция о порядке организации ведомственной милиции, изданная 21 февраля 1925 г., запрещала милицейским руководителям при заключении соответствующих договоров об учреждении ведомственной милиции принимать на себя материальную ответственность «за потери и убытки, кои могут быть причинены учреждению или предприятию в случае неправильного несения должностными лицами ведомственной милиции службы охраны» [7, с. 96].

В конце 1920-х гг. было разрешено содержать ведомственные милицейские формирования за счет домовых комитетов, дачных товариществ и т.д., вследствие чего численность ведомственной милиции превысила численность общей милиции. К началу 1950-х гг. в Алтайском крае при общей численности краевого Управления милиции 2006 чел. в штате ведомственной милиции насчитывалось 296 должностей, большинство из которых занимали сотрудники подразделений, охранявших здания советских и партийных органов, а также учреждения Госбанка. Кроме этого, за счет ведомств и организаций финансировались отделение милиции по обслуживанию трамвайных маршрутов в Барнауле численностью 13 человек и ми-

лиция по обслуживанию леспромхозов, насчитывавшая 7 участковых уполномоченных [12, л. 214, 216]. Однако качественный состав сторожевой охраны не отвечал предъявляемым требованиям: среди них было много лиц, достигших пенсионного возраста и инвалидов (особенно после Великой Отечественной войны).

Уменьшить количество сторожей и направить их в другие отрасли народного хозяйства, в первую очередь промышленность и строительство, стало возможным после принятия упоминавшегося выше постановления Совета Министров СССР от 29 октября 1952 г. Необходимость кардинального пересмотра организации охраны государственной и общественной собственности была вызвана и осложнением криминогенной обстановки в послевоенные годы [15, с. 87].

В Алтайском крае приказом начальника УМГБ от 13/14 января 1953 г. в штаты отдела милицейской службы введена должность начальника отдела вневедомственной сторожевой охраны. На нее был назначен майор милиции Д.А. Сахаров [14, с. 318]. Первоначально отдел располагался в трех кабинетах в здании по адресу: пр-т Социалистический, 19. Аппарат вневедомственной охраны состоял из четырех вольнонаемных сотрудников. Они осуществляли руководство деятельностью 300 сторожей, охранявших 120 объектов.

В 1957 г. при отделах внутренних дел Центрального, Октябрьского, Железнодорожного райисполкомов в городах Бийске, Славгороде, Рубцовске, Алейске и Благовещенском районе были созданы отделы вневедомственной охраны (далее – ОВО), в других населенных пунктах края – 11 отделений.

В 1959 г. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР вместо ранее существовавших многочисленных видов охраны было установлено два: военизированная охрана – для охраны особо важных и режимных объектов и сторожевая – для охраны остальных предприятий, учреждений и организаций [14, с. 368]. В 60-е гг. объекты государственной торговли массово оборудовались системами автономной сигнализации. Постановление Совета Министров СССР от 8 февраля 1965 г. обязало министерства и ведомства передать под вневедомственную охрану все объекты, расположенные в городах, рабочих поселках и районных центрах, за исключением объектов оборонного значения.

В марте 1965 г. в Барнауле в однокомнатной квартире жилого дома № 62 по ул. Димитрова был введен в эксплуатацию первый пульта централизованного наблюдения охранной сигнализации. Для выезда по сигналам о срабатывании сигнализации

выделены два работника Октябрьского ОВО и автомобиль ГАЗ-М-20 «Победа» [8, с. 46].

Постановлением Совета Министров СССР от 18 февраля 1966 г. № 129 утверждается «Положение о службе вневедомственной охраны при органах милиции» [9, с. 491]. Положение закрепило принципы самофинансирования и самокупаемости службы. В 1967 г. Государственным арбитром при Совете Министров СССР был утвержден «Типовой договор на охрану объектов подразделениями вневедомственной охраны». Договор вменил в обязанность хозяйственным руководителям принимать меры по инженерно-техническому укреплению объектов и оборудованию их средствами сигнализации, устанавливал ответственность сторон. В городах края вводится патрулирование оборудованных сигнализацией объектов, которое осуществлялось вольнонаемными инспекторами охраны на арендуемых такси.

В 1970 г. в 12 районах Алтайского края были организованы взводы милиции общей численностью 411 человек, содержащиеся на средства вневедомственной охраны. Для них было разработано 76 маршрутов по охране 1,1 тыс. объектов. В городах Барнауле, Бийске, Рубцовске, Славгороде, Алейске, Новоалтайске, Горно-Алтайске и р.п. Тальменка появились пункты централизованной охраны, на которые было подключено 1,2 тыс. объектов народного хозяйства и 190 квартир и иных домовладений граждан. Для своевременного реагирования на срабатывание сигнализации были созданы первые группы задержания, обеспеченные автотранспортом и радиостанциями.

В 1983 г. краевой отдел охраны реорганизуется в управление вневедомственной охраны (далее – УВО) при УВД Алтайского крайисполкома [8, с. 90]. К середине 80-х гг. под охраной находилось 5,5 тыс. объектов и 1,3 тыс. квартир.

В 1985-1992 гг. были образованы 16 подразделений охраны, ее численность достигла 10,7 тыс. чел., в т.ч. 1,7 тыс. аттестованного состава. Оснащенность средствами сигнализации составила 94,8%. На 64 пульта централизованной охраны было подключено 16,1 тыс. объектов и обособленных помещений [14, с. 368]. В 1986 г. в состав вневедомственной охраны вошли подразделения ведомственной милиции. В штаты краевого отдела были включены дивизион милиции по охране советских и партийных органов и издательство «Алтайская правда» численностью 48 человек, а также дивизион милиции по охране завода «Кристалл» численностью 97 человек [8, с. 87-88, 107]. Позже приняты под охрану филиалы завода в районных центрах Алтайское, Бурла, Троицкое.

В 1990-е годы в связи с появившимися многочисленными частными охранными структурами остро встала задача повышения конкурентоспособности охраны. С этой целью был существенно обновлен автопарк групп задержания, созданы монтажные участки по оборудованию и обслуживанию средств сигнализации, приобретены современные технические средства: пульта централизованного наблюдения по радиоканалу, системы передачи извещений нового поколения, комплекты аппаратуры управления уплотнения занятых телефонных линий [14, с. 368]. Построено новое административное здание УВО в Барнауле по адресу: ул. Северо-Западная, 157а, сдан в эксплуатацию 85-квартирный жилой дом для сотрудников. Значительно расширился перечень охранных услуг, предоставляемых собственникам.

В 1995 г. появился новый вид охраны – СпецВОХР. Его сотрудники, вооруженные огнестрельным оружием и специальными средствами, несли службу по охране офисов частных фирм, магазинов, учреждений Сбербанка и бюджетных организаций, включая такие крупные предприятия, как ООО «Барнаульский водоканал» [8, с. 161]. Начиная с 1998 г. физическим и юридическим лицам стали предоставляться услуги по хранению ценностей в индивидуальных сейф-ячейках. Для этого в УВО и ряде ОВО были оборудованы специальные хранилища. В 2003 г. вводится в эксплуатацию система отслеживания и охраны подвижных объектов «Арго-Страж», а с 2009 г. стала применяться аналогичная система «ГЛОНАСС».

К середине 2000-х гг. вневедомственная охрана стала одной из ведущих служб милиции общественной безопасности, являясь при этом крупнейшей государственной организацией по защите предприятий и учреждений всех форм собственности, а также квартир граждан от преступных посягательств. С 1 января 2004 г. служба была переведена на финансирование из федерального бюджета. В 2005 г. на базе сторожевой, военизированной охраны и инженерно-технического персонала создано федеральное государственное унитарное предприятие «Охрана» МВД России (в Алтайском крае – филиал ФГУП «Охрана»). Из подразделений вневедомственной охраны во вновь образованную структуру переданы 1,3 тыс. стрелков, сторожей и электромонтеров, а на техническое обслуживание – свыше 7,5 тыс. объектов и около 30 тыс. квартир [2, с. 8].

В результате реформирования органов внутренних дел в 2011 г. численность работающих во вневедомственной охране края сократилась на 22%, из самостоятельных в межрайонные преобразуются 12 отделений вневедомственной охраны. В конце 2015 г. в результате организационно-штатных мероприятий

на территории края было сокращено 10 пунктов централизованной охраны, полностью ликвидировано 7 филиалов ФГКУ УВО, численность аттестованных сотрудников подразделений вневедомственной охраны полиции уменьшилась на 40% [6].

5 апреля 2016 г. вневедомственная охрана была включена в состав вновь образованного федерального органа исполнительной власти – Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации [12]. Возглавлявший вневедомственную охрану Алтайского края полковник полиции А.В. Мауль был назначен на должность начальника Управления Росгвардии по Алтайскому краю [3].

Руководителем УВО, получившего новое наименование – федеральное государственное казенное учреждение «Управление вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации по Алтайскому краю», стал полковник полиции Ю.А. Бондаренко.

В настоящее время идет период становления вневедомственной охраны Росгвардии, однако, несмотря на кардинальные организационные изменения, она продолжает играть важную роль в реализации комплекса мероприятий по защите экономических интересов государства и обеспечению государственной защиты имущества граждан.

Литература

1. Вневедомственная охрана Министерства внутренних дел Российской Федерации. М., 2002.
2. В потоке времени: 55 лет вневедомственной охране Алтайского края. Барнаул, 2007.
3. В Росгвардии назначены руководители территориальных органов // Официальный сайт Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации. URL: <http://rosgvard.ru/ru/news/article/v-rosgvardii-naznacheny-rukovoditeli-territorialnykh-organov> (дата обращения: 24.06.2017).
4. ГААК (Государственный архив Алтайского края). Ф. 51. Оп. 1. Д. 6.
5. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1072.
6. История вневедомственной охраны Алтайского края // Официальный сайт ФГКУ «Управление вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации по Алтайскому краю». URL: <http://www.uvoalt.ru/index.php/istoriya/istoriya-vnevedomstvennoy-okhrany-kрая.html> (дата обращения: 16.06.2017).
7. Климова О.Г. Милиция Западной Сибири: ее развитие и деятельность в условиях НЭПа (1921-1925). Барнаул: БЮИ МВД России, 2005.
8. Мартынов А.Ф., Леонтьев К.В., Орлов И.С. 50 лет с охраной. Барнаул, 2002.
9. Министерство внутренних дел. 1902-2002. Исторический очерк. М., 2004.
10. Моруков Ю.Н. История органов правопорядка России в точных датах. Хронологический справочник. М., 2007.
11. Москвитин Ю.Н., Антропов В.М. Проблемы охраны общественного порядка в городах Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Алтайский юридический вестник. 2016. № 2 (14). С. 16-21.
12. Отдел по реабилитации и архивной информации информационного центра ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 82.
13. Подписан указ о Федеральной службе войск национальной гвардии // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/51648> (дата обращения: 30.06.2017).
14. Служба Отечеству: имена, даты. Барнаул, 2007.
15. Суверов Е.В. История алтайской милиции (1917-1953): учебное пособие. Барнаул, 2013. Ч. 1.
16. Тарасов Н.Г., Антропов В.М. Нормативно-правовые и организационные основы деятельности патрульно-постовой службы полиции (милиции) в г. Барнауле в середине XVIII – начале XXI в. // Алтайский юридический вестник. 2016. № 4 (16). С. 16-20.

УДК 343.1

М.С. Колосович, канд. юрид. наук, доцент
докторант Волгоградской академии МВД России
E-mail: 270619@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАСНОСТИ СТОРОН УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Автором в ретроспективе рассматриваются научные воззрения правоведов Российской империи, советского государства и современности относительно гласности уголовного судопроизводства и ее классификации на общую гласность и гласность сторон. Одновременно автором проведен анализ действующего УПК РФ и аргументирован вывод о правомерности возвращения приведенной классификации в науку уголовного процесса.

Ключевые слова: гласность уголовного судопроизводства, общая гласность, гласность сторон.

M.S. Kolosovich, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
doctoral candidate of Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: 270619@mail.ru

MECHANISMS FOR THE TRANSPARENCY OF CRIMINAL JUSTICE (HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS)

The author examines the scientific conception of the historical community of the Russian Empire, the soviet state and modernity on the publicity of criminal proceedings and its classification into the transparency and openness of the parties. At the same time, the author analyzes the existing code of criminal procedure and sets forth forcefully conclusion on the validity of return of the criminal process classification into science.

Key words: publicity of criminal proceedings, transparency, transparency of the parties.

В 1864 г. Александр II подписал Учреждение судебных установлений [19], регламентирующее общие вопросы судопроизводства и закрепляющее публичность судебных заседаний по уголовным и гражданским делам (ст. 153). В тот же день утверждается Устав уголовного судопроизводства [18] (УУС), впоследствии названный современниками «нерукотворным памятником Александра II» [10, с. 28; 3, с. 39]. Кроме норм, обеспечивающих реализацию принципа гласности уголовного судопроизводства, были закреплены принципы состязательности, права обвиняемого на защиту, презумпции невиновности, независимости суда и несменяемости судей.

Появление нового института гласности вызвало особый интерес у научной общественности, по-

святившей немало трудов изучению его норм. Так, И.Я. Фойницкий гласность разделял на гласность общую (дозволение присутствовать в суде всем желающим) и на гласность сторон (право присутствовать при процессуальных действиях только тех лиц, которые участвуют в деле в качестве сторон). В свою очередь, общая гласность делилась на посредственную (избранным представителям общества) и непосредственную (для каждого гражданина), полную (в течение всего процесса) и ограниченную (по лицам: «для всех кроме...», например, женщин, вооруженных лиц и т.п.; по объему: например, ограничения на стадии предварительного расследования). При этом общая гласность предполагала право оглашения и обсуждения в печати происходящего в суде, некото-

рых частей производства или всего дела. К проявлениям гласности сторон на стадии предварительного расследования И.Я. Фойницкий относил право присутствия при производстве следственных действий: прокурора (ст. 249, 278, 280 УУС 1864 г.), частных обвинителей (ст. 316, 444, 446 УУС 1864 г.), обвиняемых (ст. 316, 444, 446, 448, 456 УУС 1864 г.) [20, с. 103-104].

Аналогично рассуждал и С.И. Викторский, выделяя гласность сторон и общую гласность (или в широком смысле), полную и ограниченную, непосредственную и посредственную. Однако ограничение гласности, по его мнению, имело три вида: по роду лиц (малолетние), по роду дел (например, дел, касающихся женской чести) и по стадиям процесса (гласно проводится одно судебное следствие) [11, с. 7]. Приведенная классификация гласности рассматривалась и другими современниками УУС [14, с. 40-41; 13, с. 50, 56; 2, с. 37].

После Октябрьской революции 1917 г. вся правовая система Российской империи была упразднена, на смену ей пришло революционное правосознание, применяемое одновременно с незначительными нормативными актами Рабоче-Крестьянского Правительства и не уделившее внимания регламентации вопросов гласности сторон. Упущение на непродолжительное время было устранено УПК РСФСР 1922 г. [7], нормы которого содержали рассматриваемые механизмы. К ним учеными [4, с. 153-154] прежде всего было отнесено право обвиняемого (потерпевшего) присутствовать при осмотрах, допросах и других следственных действиях и задавать вопросы свидетелям и экспертам. Данное право не было безусловным и предусматривало ограничения отказом следователя в его реализации в случае признания присутствия и участия названных лиц при производстве следственных действий, препятствием для раскрытия истины, а также в целях сохранения в тайне тех сведений, преждевременное оглашение которых может помешать ходу предварительного следствия (ст. 117 УПК РСФСР 1922 г.). Как элемент гласности сторон воспринимались и обязательность допроса обвиняемого не позже 24-х часов с момента явки или привода (ст. 137 УПК РСФСР 1922 г.), разъяснения сущности самого обвинения (ст. 138 УПК РСФСР 1922 г.), а также участие защитника.

Перечисленные механизмы гласности были названы Н.В. Крыленко (являющимся одним из идеологов репрессивной политики советского государства) либеральным пережитком [4, с. 154], в связи с чем в УПК РСФСР 1923 г. [9] раскрытые положения были включены частично, продублировав лишь закрепление принципа гласности судебного

разбирательства и норм, ограничивающих его реализацию, а также ограничение гласности предварительного следствия (ст. 19-21, 115 УПК РСФСР 1923 г.).

Значительно позже Прокурор СССР в приказе № 61/19 от 1936 г. предложил следователям «при производстве экспертизы предоставлять обвиняемому возможность давать объяснения эксперту, ставить перед ним вопросы (под контролем следователя) и знакомиться с актом экспертизы», что также было воспринято М.А. Чельцовым-Бебутовым как проявление гласности сторон [22, с. 372].

УПК РСФСР 1960 г. фактически не содержал норм, реализующих гласность сторон, однако наделявших стороны некоторыми правами, позволяющими узнавать о деятельности следователя по уголовному делу лишь по его окончании (ст. 200, 201, 236, ч. 5 ст. 264 УПК РСФСР 1960 г.). Интересно, что потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители при осуществлении дознания были лишены и этого права (п. 2 ст. 120 УПК РСФСР 1960 г.).

Правом присутствия при производстве следственных действий, однако с разрешения следователя, был наделен защитник, причем только в тех действиях, в производстве которых участвовал его подзащитный или которые проводились по ходатайству последних (п. 1, 2 ст. 51, п. 7 ст. 202, ст. 204 УПК РСФСР 1960 г.). С разрешения следователя также допускалось присутствие обвиняемого при производстве экспертизы (п. 4 ст. 185 УПК РСФСР 1960 г.).

Фактически безальтернативным была обязательность присутствия привлекаемого к ответственности лица, у которого производились обыск или выемка (ст. 169 УПК РСФСР 1960 г. [15]), а также подсудимого в судебном заседании и при производстве судьей осмотра помещения или местности (ст. 263 293 УПК РСФСР 1960 г.).

Думается, что незначительная, однако, возможность сторон процесса наблюдать за деятельностью должного лица, в производстве которого находилось уголовное дело, позволила некоторым советским ученым продолжить рассмотрение вопросов гласности сторон [11, с. 33; 21, с. 151; 24, с. 76]. К сожалению, в рассматриваемый период развития нашей страны высказывались и противоположные точки зрения, согласно которым анализируемые нормы – это механизмы обеспечения прав и обязанностей участников уголовного процесса, а не принципа гласности [23, с. 12; 12, с. 33]. Приверженцев данной позиции можно встретить и на современном этапе развития правовой мысли [5]. Здесь необходимо отметить, что в целом в работах,

посвященных принципу гласности советского уголовного процесса, сам термин «гласность сторон» и его элементы были преданы забвению и больше не упоминались.

С уважением относясь ко всем рассмотренным научным воззрениям, хотелось бы обратить внимание на последовавшее за распадом СССР изменение общественных отношений, а затем и подходов законодателя и научной общественности к реализации прав участников уголовного судопроизводства. Преобладание государственных интересов над интересами частного лица было значительно нивелировано. Конституция РФ выступила надежным гарантом невмешательства государства в частную жизнь лица, преобладания личных интересов над публичными, защиты прав и свобод человека и гражданина.

Вследствие новой политики государства из УПК РФ [17] «выпали» нормы, регламентирующие участие представителей общественности, общественных обвинителей и защитников, передачу обвиняемого на поруки коллективу, осуществление выездных судебных заседаний и др., что значительно ослабило контроль за правомерностью деятельности должностных лиц по уголовному делу. С устранением названных институтов отдельный участник уголовно-процессуальных отношений, наконец-то получив ранее требуемую от государства суверенность и самостоятельность, фактически остался один на один с системой правосудия. В этих условиях возросла роль правовых механизмов, позволяющих сторонам самостоятельно контролировать деятельность должностных лиц по уголовному делу, что вряд ли возможно при отсутствии открытости этой деятельности.

Современная действительность обусловила возвращение правоведов к вопросам гласности сторон. Так, авторитетные процессуалисты А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский в своих трудах вновь указали на деление гласности на общую и для сторон. При этом общая гласность связывается учеными с обеспечением присутствия на суде всех желающих, а также освещением всего происходящего на суде в средствах массовой информации, а гласность сторон – с правом обеих сторон присутствовать при проведении процессуальных действий, знакомиться со всеми материалами дела и делать заявления [18, с. 78-79].

Разделяя приведенную точку зрения, отметим, что ныне действующий УПК РФ не стал исключением, закрепив механизмы открытого уголовного судопроизводства для сторон **на всех** его стадиях. Названные механизмы можно условно разделить:

на 1) предоставление сторонам права на принятие участия в проводимых по уголовному делу процессуальных действиях; 2) ознакомление сторон с материалами уголовного дела; 3) получение сторонами информации об осуществляемом судопроизводстве. Причем объем таких прав может различаться в зависимости от процессуального статуса лица и стадии уголовного процесса, в которой находится дело.

В соответствии с действующим УПК РФ участие сторон процесса предусмотрено в судебных разбирательствах при рассмотрении материалов:

1) о применении мер принуждения: подозреваемого (п. 4 ст. 108 УПК РФ); обвиняемого (п. 16 ч. 4 ст. 47, п. 4, 13 ст. 108 УПК РФ); подсудимого (ч. 4 ст. 389.11 УПК РФ); осужденного (ч. 4 ст. 389.11 УПК РФ); защитника (п. 4, 13 ст. 108 УПК РФ); законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, осужденного (п. 4 ст. 108, ч. 4 ст. 389.11 УПК РФ); прокурора (п. 8 ч. 2 ст. 35, п. 8 ч. 2 ст. 37, ч. 4 ст. 389.11 УПК РФ); руководителя следственного органа (п. 4 ст. 108 УПК РФ); следователя (п. 4 ст. 108 УПК РФ); дознавателя (п. 4 ст. 108 УПК РФ);

2) о получении разрешения на производство следственных действий: подозреваемый, обвиняемый, их защитники и (или) законные представители (п. 16 ч. 4 ст. 47, ч. 4 ст. 115.1, ч. 3.1 ст. 165 УПК РФ); потерпевший (ч. 4 ст. 115.1 УПК РФ); гражданский истец (ч. 4 ст. 115.1 УПК РФ); лицо, на имущество которого наложен арест (ч. 4 ст. 115.1 УПК РФ); собственник или иной законный владелец предмета, признанного вещественным доказательством по уголовному делу (ч. 3.1 ст. 165 УПК РФ); близкий родственник или родственник покойного, тело которого подлежит эксгумации (ч. 3 ст. 178 УПК РФ); прокурор, следователь, дознаватель (п. 8 ч. 2 ст. 35, п. 8 ч. 2 ст. 37, ч. 1 ст. 115, ч. 4 ст. 115.1, ч. 3 ст. 165 УПК РФ);

3) о наложении денежного взыскания, обращении залога в доход государства: лицо, допустившее нарушение: потерпевший, свидетель, гражданский истец, гражданский ответчик, эксперт, специалист, переводчик и (или) понятой (ч. 2 ст. 111, ст. 117 УПК РФ); поручитель (ч. 4 ст. 103, ч. 3 ст. 105 УПК РФ), залогодатель (ч. 9 ст. 106 УПК РФ), присяжный заседатель (ч. 3 ст. 333 УПК РФ); обвиняемый (подозреваемый) (ст. 10.2.2 Приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 [8]); следователь (дознаватель) (ч. 3 ст. 118 УПК РФ); прокурор (ст. 10.2.2 Приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36);

4) о поступивших в порядке ст. 125 УПК РФ жалобах: заявителя¹ (ч. 3 ст. 125 УПК РФ); гражданского истца (п. 20 ч. 4 ст. 44 УПК РФ); иных лиц, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) или решением (ч. 3 ст. 125 УПК РФ); защитника, законного представителя или представителя вышеуказанных лиц (ч. 3 ст. 125 УПК РФ); прокурора (п. 8 ч. 2 ст. 37, ч. 3 ст. 125 УПК РФ); следователя (ч. 3 ст. 125 УПК РФ); руководителя следственного органа (ч. 3 ст. 125 УПК РФ);

5) о рассмотрении дел в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций, при рассмотрении заключения прокурора о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: потерпевшего (п. 14 ч. 2 ст. 42, ч. 3 ст. 417 УПК РФ); обвиняемого (ч. 5 ст. 35, п. 16 ч. 4 ст. 47 УПК РФ); подсудимого (ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ); осужденного (п. 2 ч. 1 ст. 389.12, ч. 1 ст. 401.2, ч. 2 ст. 401.13, ч. 3 ст. 417 УПК РФ); оправданного (п. 2 ч. 1 ст. 389.12, ч. 1 ст. 401.2, ч. 2 ст. 401.13, ч. 3 ст. 417 УПК РФ); лица, в отношении которого прекращено уголовное дело (п. 2 ч. 1 ст. 389.12 УПК РФ); гражданского истца (п. 14 ч. 4 ст. 44, ч. 1 ст. 401.2, ч. 2 ст. 401.13, ч. 3 ст. 417 УПК РФ); гражданского ответчика (п. 10 ч. 2 ст. 54, ч. 1 ст. 401.2, ч. 2 ст. 401.13, ч. 3 ст. 417 УПК РФ); частного обвинителя (п. 3 ч. 1 ст. 389.12, ч. 1 ст. 401.2, ч. 2 ст. 401.13, ч. 3 ст. 417 УПК РФ); законных представителей и представителей вышеуказанных участников (ч. 3 ст. 45, п. 3 ч. 1 ст. 389.12, ч. 2 ст. 55, ч. 1 ст. 401.2, ч. 2 ст. 401.13, ч. 3 ст. 417, п. 4, 6 ч. 1 ст. 428 УПК РФ); защитника (ч. 5 ст. 35, п. 9 ч. 1 ст. 53, п. 4 ч. 1 ст. 389.12 УПК РФ); иных лиц², чьи права и законные интересы затрагиваются

¹ То есть любого участника уголовного судопроизводства или иного лица в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают его интересы, иного лица в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их права и законные интересы (поручитель, лицо, которому несовершеннолетний отдан под присмотр, залогодатель, заявитель, которому отказано в возбуждении уголовного дела, лицо, чье имущество изъято или повреждено в ходе обыска или выемки) – п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ»).

² Иные лица – это лица, не признанные в установленном законом порядке теми или иными участниками процесса, но исходя из своего фактического положения нуждающиеся в судебной защите (заявитель, которому отказано в возбуждении уголовного дела, залогодатель, лицо, на имущество которого наложен арест, и другие) – п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 2 «О применении норм главы 47.1 УПК РФ, регулирую-

решением суда (ч. 1 ст. 401.2, ч. 2 ст. 401.13, ч. 3 ст. 417 УПК РФ); прокурора (ч. 5 ст. 35, ч. 3 ст. 37, п. 1 ч. 1 ст. 389.12, ч. 2 ст. 401.13 УПК РФ); государственного обвинителя (ч. 3 ст. 37, ч. 2 ст. 246, п. 1 ч. 1 ст. 389.12 УПК РФ);

6) связанных с исполнением приговора: потерпевшего (п. 14 ч. 2 ст. 42, ч. 3 ст. 399 УПК РФ); защитника (п. 9 ч. 1 ст. 53 УПК РФ); реабилитированного (ч. 2 ст. 399 УПК РФ); обвиняемого (п. 20 ч. 4 ст. 47 УПК РФ); осужденного (ч. 2 ст. 399 УПК РФ); гражданского истца; гражданского ответчика; законного представителя, представителя потерпевшего (ч. 2.1 ст. 399, ч. 3 ст. 399 УПК РФ); адвоката (ч. 4 ст. 399 УПК РФ); органа внутренних дел или учреждения (органа) уголовно-исполнительной системы по месту задержания осужденного (ч. 2 ст. 399 УПК РФ); представителя учреждения, исполняющего наказание, или компетентного органа, по представлению которого разрешается вопрос, связанный с исполнением наказания (ч. 2 ст. 399 УПК РФ); прокурора (ч. 6 ст. 399 УПК РФ);

7) о снятии судимости: лица, отбывшего наказание (ч. 2 ст. 400 УПК РФ); прокурора (ч. 3 ст. 400 УПК РФ);

8) о выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора: лица, в отношении которого принято решение о выдаче (ч. 4 ст. 463 УПК РФ); его защитника (ч. 4 ст. 463 УПК РФ); прокурора (ч. 4 ст. 463 УПК РФ);

9) о возбуждении уголовного дела в отношении судьи либо о привлечении его в качестве обвиняемого по другому уголовному делу: судьи, в отношении которого решается один из названных вопросов (ч. 3-5 ст. 448 УПК РФ); председателей и заместителей председателей судов, руководителей Судебного департамента при Верховном Суде РФ и входящих в его систему органов, председателей и заместителей председателей советов судей, других квалификационных коллегий судей или их представителей (ч. 6 ст. 21 ФЗ от 14.03.2002 № 30-ФЗ [6]).

Особого внимания заслуживает обеспечение присутствия сторон в судебных заседаниях, проводимых исключительно в закрытом режиме: а) предварительное слушание; б) формирование коллегии присяжных заседателей; в) рассмотрение представлений о даче заключений о наличии преступления в действиях лиц, определенных ст. 448 УПК РФ: Генеральный прокурор РФ; Председатель Следственного комитета РФ; их адвокаты; стороны уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 234, ч. 23 ст. 328, ч. 2 ст. 448 УПК РФ).

ющих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. 2014. 7 фев. № 27.

Для проводимого исследования важно и то, что участие сторон в процессуальных действиях, осуществляемых в досудебном производстве по уголовному делу, не ограничивается только судебными заседаниями. Стороны наделяются правом ходатайства о производстве следственных действий и участия в них, однако с разрешения следователя: потерпевший (п. 9 ч. 2 ст. 42, п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ); подозреваемый (п. 9 ч. 4 ст. 46, п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ); обвиняемый (п. 10 ч. 4 ст. 47, п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ); гражданский истец (п. 10 ч. 4 ст. 44 УПК РФ); законный представитель и представитель вышеуказанных участников (ч. 3 ст. 45, ч. 2 ст. 55, п. 5 ч. 1 ст. 198, п. 3 ч. 2 ст. 426 УПК РФ); защитник (п. 5 ч. 1 ст. 53, п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ).

Кроме того, некоторые участники уголовного судопроизводства наделены безусловным правом участия при предъявлении обвинения (законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (п. 2 ч. 2 ст. 426 УПК РФ)); защитник (п. 4 ч. 1 ст. 53 УПК РФ).

В свою очередь, участие в процессуальных действиях позволяет реализовать право задавать вопросы его участникам: защитник (ч. 2 ст. 53, ч. 2 ст. 425 УПК РФ); сами участники процессуального действия (ч. 2 ст. 192, ч. 1, 4 ст. 275, ч. 3 ст. 278, ч. 4 ст. 280, ч. 2 ст. 282 УПК РФ).

Элементы открытости для сторон процесса деятельности должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело (в т.ч. дознавателя и следователя), можно встретить и в других положениях УПК РФ. Так, стороны и заинтересованные в исходе дела лица в обязательном порядке уведомляются о принятых по делу решениях: о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, о передаче сообщения по подследственности (ч. 2 ст. 145, ч. 4 ст. 146, ч. 2 ст. 147, ч. 7 ст. 148, ч. 4.1 ст. 319, ч. 6 ст. 321 УПК РФ); о решении, принятом по жалобе, и дальнейшем порядке его обжалования (ч. 3 ст. 124 УПК РФ); о подозрении в совершении преступления (ст. 223.1 УПК РФ); о привлечении в качестве обвиняемого и сущности обвинения (ст. 172 УПК РФ); о принятых мерах попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества (ч. 3 ст. 160 УПК РФ); о производстве предварительного следствия следственной группой и ее составе (ч. 2 ст. 163 УПК РФ); о продлении срока предварительного следствия, дознания (ч. 8 ст. 162, ч. 3 ст. 226.6 УПК РФ); о прекращении уголовного преследования (ч. 2 ст. 174 УПК РФ); об эксгумации (ч. 3 ст. 178 УПК РФ); о выемке заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи (ч. 6 ст. 183 УПК РФ); о заявленных

по делу ходатайствах и принятых в связи с этим решениях (п. 1-2, 18-19 ч. 4 ст. 47, ч. 4 ст. 219, ч. 5 ст. 226.4 УПК РФ); о приостановлении производства по уголовному делу (ч. 1 ст. 209 УПК РФ); об окончании производства следственных действий (ч. 1-2 ст. 218, ч. 2 ст. 219 УПК РФ); о прекращении уголовного дела или направлении его в суд для решения вопроса о применении принудительной меры медицинского характера (ч. 3 ст. 439 УПК РФ); о направлении прокурором уголовного дела в суд (ч. 1 ст. 222, ч. 3 ст. 226.8 УПК РФ); о выдаче иностранного гражданина или лица без гражданства, находящегося на территории РФ (ч. 5, 7 ст. 462, ч. 3 ст. 464 УПК РФ).

Более того, о задержании подозреваемого и месте его содержания, а также месте содержания осужденного также уведомляются лица, не являющиеся сторонами процесса, а именно: близкие родственники, родственники или близкие лица, командование воинской части, начальник органа внутренних дел, в котором проходит службу задержанный, секретарь Общественной палаты РФ, общественная наблюдательная комиссия, Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, адвокатская палата субъекта РФ, посольство или консульство иностранного государства (ч. 3.2 ст. 28.1, ст. 96, ч. 12 ст. 108, ч. 1 ст. 394 УПК РФ).

При этом законодатель не ограничивается одним уведомлением об осуществленных по уголовному делу мероприятиях, предоставляя возможность личного ознакомления с материалами уголовного дела в ходе как досудебного, так и судебного производства следующим участникам процесса:

- подозреваемому (п. 8 ч. 4 ст. 46, ч. 3 ст. 195, п. 6 ч. 1 ст. 198, ч. 1 ст. 206 УПК РФ);
- обвиняемому (п. 11-13, 17 ч. 4 ст. 47, п. 5-7 ст. 108, ч. 3 ст. 195, п. 6 ч. 1 ст. 198, ч. 1 ст. 206, ч. 1 ст. 215 УПК РФ);
- защитнику (п. 6-7 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 195, п. 5-7 ст. 108, ч. 1 ст. 206 УПК РФ);
- потерпевшему (п. 10, 12, 17 ч. 2 ст. 42, ч. 3 ст. 195, п. 6 ч. 1 ст. 198, ч. 1 ст. 206, ч. 3 ст. 399, ч. 3 ст. 439 УПК РФ);
- гражданскому истцу (п. 12, 16 ч. 4 ст. 44 УПК РФ);
- гражданскому ответчику (п. 9, 13 ч. 2 ст. 54 УПК РФ);
- осужденному (ч. 3 ст. 399 УПК РФ);
- представителю, законному представителю несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) (ч. 3 ст. 45, ч. 3 ст. 45, ч. 3 ст. 195, ч. 1 ст. 206, ч. 3 ст. 399, п. 4, 7 ч. 2 ст. 426 УПК РФ);
- свидетелю (ч. 2 ст. 198 УПК РФ);

- лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, его законному представителю и защитнику (ч. 3 ст. 439 УПК РФ);

- судье, в отношении которого начато производство квалификационной коллегией судей (ч. 2 ст. 21 ФЗ от 14.03.2002 № 30-ФЗ).

Кроме того, важным правообеспечительным механизмом является обязанность должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, предоставлять копии процессуальных решений, затрагивающих интересы сторон, таким образом создавая условия беспрепятственному и аргументированному их обжалованию:

- о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 13 ч. 2 ст. 42, п. 1 ч. 4 ст. 47, ч. 4 ст. 148 УПК РФ);

- о возбуждении в отношении лица уголовного дела (п. 1 ч. 4 ст. 46, п. 1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ);

- о признании потерпевшим (п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

- протокола задержания (п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ);

- о привлечении в качестве обвиняемого (п. 2 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

- о применении меры пресечения (п. 1 ч. 4 ст. 46, п. 2 ч. 4 ст. 47, ч. 2 ст. 101, ч. 8 ст. 108 УПК РФ);

- об отказе в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу (п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

- о применении меры принуждения (ч. 3 ст. 114 УПК РФ);

- о наложении денежного взыскания (ч. 4 ст. 118 УПК РФ);

- поступивших жалоб и представлений (п. 19 ч. 4 ст. 47 УПК РФ);

- о направлении уголовного дела по подсудности (п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

- протокола обыска, выемки, наложения ареста на имущество (ч. 8 ст. 115, ч. 15 ст. 182, ч. 2 ст. 183 УПК РФ);

- о приостановлении производства по уголовному делу (п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

- о прекращении уголовного дела (п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

- обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления (п. 2 ч. 4 ст. 47, ч. 3 ст. 226.8 УПК РФ);

- о назначении предварительного слушания, судебного заседания (п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);

- приговора, определения и постановления суда (п. 13 ч. 2 ст. 42, п. 18 ч. 4 ст. 47 УПК РФ);

- постановления о передаче кассационных жалоб, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, копий кассационных жалобы, представления (ч. 1 ст. 401.12 УПК РФ).

Таким образом, современными механизмами обеспечения гласности сторон является их право: на присутствие при производстве следственных действий (производимых по их ходатайству) и в судебных заседаниях; обязательность уведомления о поступивших ходатайствах и направленных жалобах другой стороны; право на ознакомление с материалами уголовного дела в ходе и по окончании предварительного расследования и судебного разбирательства; обязательность предоставления сторонам копий принятых по уголовному делу решений. Осведомленность о поступивших ходатайствах (жалобах), возможность участия в процессуальных действиях, ознакомление с материалами уголовного дела позволяют участникам уголовного судопроизводства своевременно выявлять допущенные нарушения своих прав и незамедлительно требовать их восстановления.

Перечисленные механизмы открытости уголовного судопроизводства позволяют констатировать о существовании гласности сторон, воспринимаемой, и раньше, и в наши дни как право сторон присутствовать при производстве процессуальных действий, а также знакомиться со всеми материалами дела и делать заявления.

Литература

1. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. Изд. второе, исправ. и доп. М.: Типография Императорского Московского Университета, 1912. 439 с.

2. Гессен И.В. Судебная реформа. СПб.: Типо-Литография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905. 265 с.

3. Кони А.Ф. Русское уголовное судопроизводство. СПб.: Русская Литография Курочкина, 1877-1878. 711 с.

4. Крыленко Н.В. Суд и право в СССР: теоретический и практический комментарий к основам судопроизводства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. Ч. 2: Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 157 с.

5. Макарова З.В. Конституционный принцип гласности уголовного судопроизводства. URL: <http://www.iuaj.net/node/240>.

6. Об органах судейского сообщества в Российской Федерации: федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ // Российская газета. 2002. 19 марта. № 48.

7. Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 25.05.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.
8. Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 // Российская газета. 2004. 5 нояб. № 246.
9. Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 15.02.1923 // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
10. Окс М.А. О публичности или гласности суда. Одесса: Типография «Одесскаго Вѣстника». 1889. 28 с.
11. Перлов И.Д. Подготовительная часть судебного разбирательства в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1956. 184 с.
12. Петрухин И.Л. Гласность судопроизводства – гарантия социалистического правосудия // Гарантия прав личности в социалистическом уголовном процессе. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1981. С. 31-46.
13. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судопроизводство. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1892. 452 с.
14. Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. Киев: Товарищ. печ. дела торг. и торг. И.Н. Кушнерев и К, 1889. Т. 1. 318 с.
15. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 613.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008. 704 с.
18. Устав уголовного судопроизводства: закон от 20.11.1864 № 41476 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XXXIX. Отделение 2. 1864 г. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. 822 с.
19. Учреждение судебных установлений: Высочайшее утверждение Александра II от 20.11.1864 № 41475 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XXXIX. Отделение 2. 1864 г. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. 821 с.
20. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Изд. четвертое. СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1912. Т. 1. 578 с.
21. Чангули Г.И. Конституционные принципы уголовного судопроизводства зарубежных социалистических государств / отв. ред. В.В. Леоненко. Киев: Наук. думка, 1981. 211 с.
22. Чельцов-Бебутов М.А. Уголовный процесс. М.: Юридическое издательство Министерства Юстиции СССР, 1948. 624 с.
23. Шушанишвили А.А. Гласность в советском уголовном процессе. Тбилиси: Мецниереба, 1969. 105 с.
24. Якупов Р.Х. Правоприменение в уголовном процессе России. М.: МВШМ МВД РФ, 1993. 195 с.

УДК 351.74

В.А. Морозов, канд. пед. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России;

О.А. Шатилова, канд. ист. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России;

Е.Г. Ермаков, канд. юрид. наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ МИЛИЦИИ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И НАСЕЛЕНИЯ ПО ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе архивных материалов дается историко-правовой анализ взаимодействия органов милиции и общественных организаций (групп охраны общественного порядка, бригад содействия милиции, отрядов местной противовоздушной обороны), а также населения (сельских исполнителей, членов уличных и домовых комитетов и дворников) по осуществлению охраны общественного порядка в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: органы милиции, группы охраны общественного порядка, бригады содействия милиции, сельские исполнители.

V.A. Morozov, Ph.D. (Candidate of Pedagogical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

O.A. Shatilova, Ph.D. (Candidate of Historical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

E.G. Ermakov, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot

INTERACTION OF THE POLICE, PUBLIC ORGANIZATIONS AND THE PUBLIC ON THE PROTECTION OF PUBLIC ORDER DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

In the article, basing on archival materials, a historical and legal analysis is given of the interaction between the police and public organizations (public order groups, police assistance teams, local air defense units), as well as the public (rural executives, members of street and house committees and janitors) in public order implementation during the Great Patriotic War.

Key words: militia bodies, public order protection groups, police assistance teams, rural executors.

В годы Великой Отечественной войны охрану общественного порядка обеспечивали не только правоохранительные органы, но и население страны. Участие населения как индивидуально (сельские исполнители, дворники), так и в составе народных общественных формирований (бригад

содействия милиции, групп охраны общественного порядка, органов местной противовоздушной обороны, комсомольских полков, уличных и домовых комитетов) по охране общественного порядка в годы войны, по нашему мнению, стало возможным как минимум по двум причинам. Во-первых,

благодаря постоянной и глубоко продуманной оборонно-массовой и целенаправленной военно-патриотической работе партийных органов со всеми категориями граждан СССР и развитию у них чувства патриотизма и гражданской ответственности. Во-вторых, массовое чувство личной ответственности у советских граждан за судьбу своей Родины, основанное на признании большинством населения страны успехов и достижений Советского государства во внутренней и внешней политике, социальная однородность населения, сложившаяся в стране, явились фундаментом и условием формирования правового и политического сознания, материализовавшегося в массовом участии населения в противодействии врагу как на фронте, так и в тылу [18, с. 87].

Бригады содействия милиции были созданы еще в довоенный период в результате реорганизации общества содействия милиции на основании Постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 29 апреля 1932 г. «О реорганизации обществ содействия милиции и уголовного розыска» [12]. В довоенный период деятельность бригад содействия милиции была не столь необходимой, поэтому во многих регионах страны они просто отсутствовали. Работа по организации бригад содействия милиции была вновь начата в условиях военного времени. Так, в конце 1941 г. в десяти отделениях милиции Казанского гарнизона еще не было ни одной бригады содействия, а к концу 1943 г. их насчитывалось уже 84 общей численностью в 1140 чел. [7, с. 98].

В годы войны возникла необходимость расширения организационно-правовых форм участия населения в охране общественного порядка. Так, согласно Директиве НКВД СССР от 25 августа 1941 г. № 205 во всех городских и сельских населенных пунктах начинают создаваться из «советско-партийного актива» группы охраны общественного порядка [8, с. 143-144]. Целью создания таких групп являлась борьба со шпионами, диверсантами в местностях, прилегающих к железнодорожным линиям, водным путям, шоссейным и грунтовым дорогам.

Бригады содействия милиции и группы охраны общественного порядка создавались непосредственно при органах милиции и находились в их подчинении. В их состав входили представители комсомольского и партийного актива, молодежь непризывного возраста, женщины, пенсионеры и лица, непригодные к службе в армии. Следует от-

метить, что состав бригад содействия милиции и групп охраны общественного порядка постоянно изменялся [17, с. 44].

В годы войны группы охраны общественного порядка (далее – ООП) обладали большей самостоятельностью и компетенцией, чем бригады содействия милиции.

Группы ООП выполняли следующую работу по охране общественного порядка: проверяли документы у всех лиц, вызывающих подозрение, и имели право их задерживать и доставлять в ближайшее отделение милиции; следили за соблюдением правил светомаскировки; совместно с сотрудниками милиции принимали участие в выставлении заслонов на станциях железных дорог, пристанях водного транспорта, шоссейных и проселочных дорогах. В сельской местности группы ООП осуществляли охрану скотных дворов, складов, сельскохозяйственных угодий; во время весеннего сева и уборки урожая активно боролись с расхитителями колхозного хлеба [13, с. 153].

Все мероприятия, проводимые группами ООП, проходили в тесном взаимодействии с оперативным составом городских отделений милиции, а в сельской местности – с участковыми уполномоченными. Все масштабные мероприятия согласовывались с командованием воинских частей. Сотрудники милиции еженедельно докладывали в республиканские, областные и краевые управления НКВД о проделанной работе группами охраны общественного порядка.

Численность групп ООП и их членов в годы войны увеличилась и в 1943 г. достигла более 1 млн чел. Так, в 1941 г. количество групп составило 15058, членов – 143719 чел.; в 1942 г. количество групп – 46755, членов – 476740 чел.; в 1943 г. количество групп – 198230, членов – 1108905 чел.

Только в первой половине Великой Отечественной войны группы ООП провели значительную работу по охране общественного порядка, что отражено в таблице 1 [4, с. 323].

Многие члены групп ООП при задержании уголовно-преступных элементов проявили самоотверженность и пренебрежение опасностью. Так, 27 июля 1943 г. на территории Котельничского района Сталинградской области совершил посадку немецкий самолет, экипаж которого скрылся. Группа ООП в составе четырех человек обнаружила скрывшихся фашистских летчиков, задержала их и передала в ближайшую воинскую часть.

Результаты деятельности групп охраны общественного порядка с 1941 по 1943 гг.

Работа, проделанная группами охраны общественного порядка	Год			Всего
	1941	1942	1943	
Задержано (чел.):				
за антисоветскую агитацию	114	1198	161	1473
по подозрению в шпионаже и диверсии	182	829	341	1352
дезертиров и уклоняющихся от военной службы	7709	60915	25221	93845
дезертиров с предприятий военной промышленности	10889	16662	–	27551
уголовно-преступных элементов	–	45595	34333	79928
Изъято и собрано у населения (шт.):				
пулеметов	14	147	27	188
винтовок	1469	7633	2594	11696
револьверов, пистолетов	933	3569	168	4670
патронов	110718	490692	86837	688247
холодного оружия	249	1276	259	1784
радиоприемников	181	467	–	648
гранат	405	1615	609	2629

Члены группы ООП Мангажского района Сарсинского сельсовета Свердловской области И.Н. Вогинский и В.А. Ильинская вскрыли хищение 450 пудов зерна, принадлежавшего колхозу «Чапман». Расхитители в составе 7 чел. сбывали зерно по спекулятивным ценам (3500-4000 руб. за пуд). Они были привлечены к ответственности по ст. 107 УК РСФСР 7 августа 1932 г. [3, л. 7-8].

Постановлением СНК Союза ССР от 7 октября 1940 г. при Наркомате внутренних дел СССР во всех крупных городах и промышленных центрах были созданы отряды местной противовоздушной обороны [1, с. 94]. В предвоенный период руководством страны были определены приоритетные направления боевой подготовки подразделений местной противовоздушной обороны, приведена в порядок система оповещения населения об угрозе воздушных нападений, организовано строительство защитных сооружений, утверждены планы перевода, согласно которым системы МПВО в кратчайшие сроки были переведены на военный лад, кроме того, была увеличена численность штатов войсковых частей МПВО.

В годы войны на органы местной противовоздушной обороны были возложены следующие обязанности: осуществлять защиту мирного населения,

а также хозяйственных объектов от авиационных налетов; проводить работу по устранению последствий, связанных с авиационными бомбардировками; заниматься строительством защитных сооружений, командных пунктов, узлов связи и иных объектов противовоздушной обороны; проводить работу по организации режима светомаскировки в городах и населенных пунктах; оказывать первую медицинскую помощь пострадавшим от воздушных налетов; обеспечивать охрану общественного порядка и безопасности в ходе авиационных налетов [15, с. 14-18].

Решение задач, обусловленных войной, вызвало необходимость увеличения органов местной противовоздушной обороны, поэтому к осени 1942 г. в городах и поселках городского типа уже действовало 230 отрядов [10, с. 113]. Всего в системе МПВО в годы Великой Отечественной войны насчитывалось около 7 млн чел. [6, с. 6].

В годы войны правоохранительные органы смогли выполнить свои служебно-боевые задачи благодаря привлечению молодежи к охране общественного порядка.

Так, стали создаваться комсомольские полки противопожарной обороны. В августе 1941 г. в Ленинграде был сформирован полк, который со-

стоял из 15 рот и 3 отдельных взводов и насчитывал 1 600 человек [11, с. 189]. В Москве, Харькове, Калинин, Горьком были также организованы комсомольские полки противопожарной обороны. Эти формирования состояли из комсомольцев, находившихся на казарменном положении, которые по возрасту не подлежали призыву [5, с. 361]. В 1941 г. был сформирован комсомольский полк по охране революционного порядка в г. Москве, основной задачей которого была помощь органам милиции в поддержании общественного порядка при выполнении оперативных заданий. Более 2 тысяч комсомольцев по окончании работы на предприятиях несли службу по охране порядка в городе [14, с. 36].

В годы войны основными помощниками участковых уполномоченных в сельской местности были сельские исполнители. Назначению на должность сельских исполнителей подлежали лица, проживавшие на территории сельского совета: мужчины – в возрасте от 18 до 50 лет, женщины – в возрасте от 18 до 45 лет. Не могли привлекаться к осуществлению обязанностей сельских исполнителей: лица, имевшие судимость; сосланные; депортированные; в отношении которых проводилось предварительное расследование; в отношении которых дела находились в суде; женщины, находившиеся в декретном отпуске или имевшие детей в возрасте до 8 лет; инвалиды; лица, временно утратившие трудоспособность; учащиеся; рабочие и служащие, не имевшие на территории сельского совета своего хозяйства [9, л. 18]. Срок службы сельских исполнителей составлял три месяца. В течение этого периода они выполняли следующие обязанности: оказывали помощь органам милиции в охране общественного порядка; осуществляли наблюдение за охраной государственного, колхозного и кооперативного имущества; проводили мероприятия, направленные на предупреждение пожаров; следили за санитарным состоянием обслуживаемого участка.

В годы Великой Отечественной войны численность сельских исполнителей значительно сократилась: в 1941 г. их было 137212 чел., в 1942 г. – 109462 чел., в 1943 г. – 118882 чел. Однако это не помешало им достигать высоких результатов в ох-

ране общественного порядка. Так, за первые три года войны сельскими исполнителями была проделана следующая работа: отконвоировано арестованных в 1941 г. 37668 чел., в 1942 г. – 33682 чел., в 1943 г. – 41654 чел.; задержано спекулянтов в 1941 г. 1885 чел., в 1942 г. – 1698 чел., в 1943 г. – 2072 чел.; задержано скотокрадов, воров и хулиганов в 1941 г. 7520 чел., в 1942 г. – 6978 чел., в 1943 г. – 8082 чел.; выявлено шинкарей и самогонщиков в 1941 г. 2260 чел.; в 1942 г. – 2169 чел., в 1943 г. – 2352 чел.; задержано бежавших из мест заключения и дезертиров в 1941 г. 1748 чел.; в 1942 г. – 1939 чел., в 1943 г. – 1558 чел.; предупреждено преступлений в 1941 г. 4674, в 1942 г. – 4731, в 1943 г. – 4618 [2, л. 80].

В городах участковые уполномоченные также привлекали к своей деятельности население и общественный актив (уличные и домовые комитеты, дворников). В частности, дворники проводили следующую работу по охране общественного порядка на обслуживаемой ими территории: пресекали совершение правонарушений; выявляли лиц, проживавших без прописки, занимавшихся незаконной торговлей, ночевавших на чердаках, лестницах и в подвалах; помогали лицам, пострадавшим от несчастных случаев; выявляли беспризорных и безнадзорных детей, после чего доставляли их в детские комнаты милиции [16, с. 31-32]. О всех случаях нарушений общественного порядка дворники должны были сообщать сотрудникам милиции.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что обеспечение общественного порядка в стране в годы Великой Отечественной войны стало возможным в том числе в результате эффективного взаимодействия органов милиции с общественными организациями (группами охраны общественного порядка, бригадами содействия милиции, отрядами местной противовоздушной обороны), а также населением (сельскими исполнителями, членами уличных и домовых комитетов и дворниками), и как следствие, это привело к значительным положительным результатам в борьбе с вражеской агентурой, шпионами, лазутчиками, парашютистами, распространителями провокационных и ложных слухов, дезертирами и преступниками.

Литература

1. Афанасьев А.В., Галкин Ю.В. Российская милиция. Краткая хроника (октябрь 1917-2000 гг.). Саратов, 2001.
2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 9415. Оп. 3с. Д. 12а.
3. ГАРФ. Ф. С-9415. Оп. 3с. Д. 778.
4. История Советского государства и права. М., 1985. Кн. 3.
5. Министерство внутренних дел России. 1802-2002. Исторический очерк: в 2 т. СПб., 2002. Т. 2.

6. Моисеев В.В. Партийное руководство МПВО НКВД СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. М., 1988.
7. На страже порядка. Казань, 1997.
8. О реорганизации обществ содействия органам милиции и уголовного розыска: постановление СНК РСФСР от 29 апреля 1932 г. // СУ РСФСР. 1932. № 38. Ст. 173.
9. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по АК (Отдел реабилитации и архивной информации Главного управления Министерства внутренних дел России по Алтайскому краю). Ф. 6. Оп. 2. Д. 4.
10. Порфирьев Ю.Б. Органы внутренних дел в Кировской области в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.
11. Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энциклопедический справочник. М., 1992.
12. Сборник постановлений СНК СССР. 1932. № 38. Ст. 173.
13. Скилягин А.Т. Советская милиция в годы войны // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны. Л., 1976.
14. Ханин С.А. Опыт взаимодействия милиции и населения в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30).
15. Ханин С.В., Вирабов В.С. Организационные и правовые основы взаимодействия милиции и населения в межвоенный период и годы Великой Отечественной войны // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22.
16. Шатилов С.П. Борьба милиции с преступлениями, связанными со злоупотреблениями продовольственными и промышленными карточками, в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2008. № 7.
17. Шатилов С.П. Деятельность милиции районов тыла по обеспечению исполнения конституционных обязанностей гражданами СССР в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2006. № 3.
18. Шатилов С.П., Шатилова О.А., Ипполитов П.Л. Роль правоохранительных органов в реализации функции защиты Советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Барнаул, 2016.

УДК 351.74:351.753.3

В.В. Семёнов, канд. техн. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: 1972sem@mail.ru;

И.В. Медведев, канд. пед. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

РАЗВИТИЕ ОГНЕВОЙ И ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В СОВЕТСКИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ (1953-1964 ГГ.)

В статье анализируется исторический аспект развития профессиональной подготовки правоохранительных органов, устанавливается взаимосвязь между преобразованиями МВД и кадровым обеспечением в период 1953-1964 гг. Определяется содержание методик огневой и физической подготовки в указанный период и нормативные документы, регламентирующие огневую подготовку. Анализируются архивные материалы практической деятельности некоторых подразделений советской милиции, приводятся выводы.

Ключевые слова: профессиональная подготовка правоохранительных органов, история развития профессиональной подготовки, методика огневой подготовки, анализ практики применения огнестрельного оружия.

V.V. Semenov, Ph.D. (Candidate of Technical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: 1972sem@mail.ru;

I.V. Medvedev, Ph.D. (Candidate of Pedagogical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

DEVELOPMENT OF THE FIREARMS AND PHYSICAL EDUCATION IN THE SOVIET LAW ENFORCEMENT AGENCIES (1953-1964)

The article analyzes the historical aspect of the development of the Soviet militia professional training, establishes the relationship between the transformations of the Ministry of Internal Affairs and personnel provision in the period of 1954-1960. The content of fire and physical training methods during the specified period and normative documents regulating fire training are given. The archival materials of practical activity of some Soviet militia units are analyzed, conclusions are given.

Key words: professional training of law-enforcement agencies, history of vocational training development, methodology of fire training, analysis of firearms practice using.

В период с 1953 по 1964 гг. в Советском Союзе происходило дальнейшее развитие профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел. Этот период характеризуется смертью И.В. Сталина 5 марта 1953 г. и приходом к власти нового государственного лидера Н.С. Хрущева, смещенного в 1964 г. Смена власти в СССР изменила внутреннюю государственную политику, негативно отразившись на деятельности всего правоохранительного блока.

6 марта 1953 г. состоялось заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР, на котором принято решение об объединении МВД и МГБ в МВД СССР [7]. Амнистия заключенных, проведенная в 1953 г., спровоцировала увеличение количества совершенных преступлений более чем в 2 раза. Результатом внутривластной борьбы стал арест и расстрел в 1953 г. руководителя МВД СССР Л.П. Берия.

Проводилась реорганизация карательной системы, начиналась очередная «чистка» личного состава, под увольнение попадали и профессиональные работники, честно выполняющие свои служебные обязанности. Постановлением ЦК КПСС «Об основных задачах МВД» от 12 марта 1954 г. органы госбезопасности были преобразованы в Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете Министров СССР. Следующим шагом в рамках курса на разукрупнение системы МВД стало образование 22 февраля 1955 г. МВД РСФСР. Возрождалась система двойного подчинения органов внутренних дел местным Советам и вышестоящим органам МВД СССР. Политика по децентрализации системы МВД завершилась ликвидацией МВД СССР в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 13 января 1960 г. Функции ликвидированного общесоюзного министерства передавались МВД союзных республик.

Недостаточное финансирование милиции не давало возможности должным образом развивать систему учебных заведений МВД. Ведомственные школы выпускали в год примерно 2500 специалистов, и около 1500 человек с соответствующим образованием поступали в органы внутренних дел по плану межведомственного распределения. При таком положении дел рассчитывать на быстрое укомплектование кадров подготовленными специалистами не приходилось. В данный период был отмечен рост раненых и убитых сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей.

Несмотря на имеющиеся трудности, происходит постепенное расширение сети ведомственных учебных заведений. С 1956 по 1958 гг. было открыто 12 средних специальных школ милиции (всего в стране к этому времени функционировало 25 средних специальных школ, 9 школ переподготовки начальствующего состава и 4 высшие школы милиции – в Москве, Киеве, Ташкенте, Омске). В 1956 г. была введена обязательная первоначальная подготовка для всех принимаемых на должности милиционеров, командиров взводов, участковых уполномоченных и дежурных по органам милиции. В 1957 г. такую подготовку прошли 17 тыс. человек. В августе 1953 г. была создана Калининградская школа милиции, Елабужская школа милиции, в июне 1957 г. была образована Барнаульская специальная средняя школа подготовки начальствующего состава МВД СССР (БССШПНС), в июле 1957 г. в г. Тавде Свердловской области была создана специальная средняя школа подготовки начальствующего состава [4].

Задачей данных учебных заведений являлась профессиональная подготовка сотрудников с учетом потребностей практики. Прилагались все усилия к тому, чтобы в кратчайшие сроки сформировать основные навыки оперативно-разыскной работы, наружной службы, надзирательского состава.

Физической подготовке сотрудников правоохранительных органов придавалось большое значение. С первых дней в Барнаульской спецшколе культивировался спортивный дух, создавались многочисленные спортивные кружки, курсанты начинают принимать участие в различных спортивных соревнованиях [10]. В 1958 г. в ней функционировали следующие спортивные секции: русский хоккей, коньки, лыжи, тяжелая атлетика, шахматы, борьба (самбо), волейбол, баскетбол, стрелковый спорт. Курсанты, задействованные в спортивных секциях, освобождались от нарядов и работ в дни тренировок [1]. Проводились регулярные занятия по огневой подготовке. В 1960 г. выполнялись личным составом следующие упражнения:

1. МВ-4. Стрельба из 3-х положений, 30 выстрелов (3 на 10). Дистанция – 50 метров. Мишень № 7, 3 учебных и 10 зачетных. Время на пробную серию – 20 минут.

2. АВ-4. Стрельба из 3-х положений, 30 выстрелов (3 по 10). Дистанция – 300 метров. Мишень № 3, 3 учебных и 10 зачетных. Время на пробную серию – 20 минут.

3. РП-4. Стрельба по мишени № 4. Дистанция – 25 метров. Выстрелов 30 (9 пробных). Стрельба ведется стоя со свободной вытянутой руки. Время: на пробную серию – 8 минут, на зачетную – 6 минут на серию в 5 выстрелов.

4. МП-3. Стрельба по мишени № 4, 30 выстрелов. Дистанция – 50 метров. Пробных – 9. Время на стрельбу – 1 час 30 мин., включая пробные и зачетные [2].

Огневая и физическая подготовка сотрудников правоохранительных органов всегда являлась наиболее важной для решения профессиональных задач. Особую популярность в подразделениях силового блока занимал один из видов спортивного единоборства – Самбо (самозащита без оружия), созданный еще в 1938 г. Занятие этой борьбой способствовало развитию не только бойцовских и профессиональных качеств у сотрудников милиции, но и главным образом морально-волевых качеств и чувства патриотизма.

В 50-60 гг. прошлого века самбо становится популярным видом спорта как в нашей стране, так и за рубежом. Один из основоположников самбо А.А. Харлампиев в своих работах указывал, что

применение приемов самозащиты зависит от конкретных обстоятельств, складывающихся в момент их применения, от степени подготовленности работника милиции, а также от знания им разного рода ухищрений, уловок, применяемых преступниками.

Определенную ценность представляли рекомендации автора, которые можно было эффективно использовать при обучении боевому разделу. Он выделял несколько форм ведения борьбы: нападение, преследование, активная оборона, встречная борьба, разведка и маневрирование. Кроме этого, установлены методы ведения борьбы: внезапность, подавление, изматывание, отвлечение вызова. Эти формы и методы тактики использовали при разработке модельных ситуаций задержания противника. Такие ведущие специалисты, как В.М. Андреев, В.П. Волков, В.А. Спиридонов, А.А. Харлампиев, Е.М. Чумаков, определили необходимость построения обучения самозащите на основе изучения практики и внедрения этих ситуаций в учебный процесс [9].

Однако физическая подготовка была далеко не у всех сотрудников на высоком уровне. В приказах МВД нередко отмечается, что в условиях осложнения оперативной обстановки, в экстремальных ситуациях работники органов внутренних дел нередко проявляют растерянность и беспомощность, уступают правонарушителям в умении применять приемы самозащиты. Это свидетельствует о недостаточно эффективной системе их подготовки для успешных действий в ситуациях защиты и задержания правонарушителей [8].

Серьезно сдерживала качественную работу органов внутренних дел нерешенная кадровая проблема [11]. Нередки были случаи и несанкционированного использования табельного оружия милиционерами в алкогольном опьянении, приводившие к жертвам среди местного населения [12].

Ночью 14 ноября 1955 г. милиционер 6-го городского отделения милиции города Барнаула сержант милиции З. самовольно оставил свой пост и направился в квартиру гражданки Р., где стал распивать с ней спиртные напитки. Спустя некоторое время в состоянии алкогольного опьянения сержант стал ломиться в соседнюю квартиру и требовать водки. Проживавший там гражданин Т. и находящийся у него в гостях Е. вывели милиционера на улицу и пытались проводить его на автобусную остановку. Неожиданно З. без всяких оснований выхватил свой пистолет и произвел выстрел в гражданина Е., ранив его в грудь. Беспорядочно стреляя, горе-милиционер еще ранил стоявшего на остановке гражданина Б. в левую паховую область и руку [6].

В отношении огневой подготовленности в данный период отчетливо просматривается отсутствие

серьезных изменений в подготовке сотрудников советской милиции. Так, Курс стрельб 1949 г. изменился только в 1975 г. Это означало, что за значительный временной период, в т.ч. и рассматриваемый, система огневой подготовки в подразделениях правоохранительных органов оставалась прежней, не всегда соответствовала предъявляемым требованиям нового времени.

Наиболее широко применялся такой вид стрелкового оружия, как пистолет или револьвер. В Курс стрельб 1949 г. входило всего 4 практических упражнения стрельб для пистолета (револьвера), что даже меньше, чем в КС-1947, в котором содержалось 7 упражнений для этого типа оружия. Если рассматривать эти упражнения с точки зрения их направленности на формирование профессиональных навыков стрельбы, то все они выполнялись только с места с одной руки. Отсутствовали упражнения с передвижением. По сути, это соответствовало технике спортивной стрельбы, которая сформировалась в спортивном обществе «Динамо» и послужила основой базовой техники практических сотрудников милиции еще в 30 годы XX в. Н.Н. Ознобишин акцентировал внимание на значительных отличиях спортивной стрельбы и стрельбы, которой обучали в системе военной подготовки, от так называемой «милицейской» стрельбы. Специальная милицейская стрельба, по его мнению, отличалась от обычных систем стрельбы главным образом тем, что производится с очень короткой дистанции по движущимся на стрелка или убегающим от него нескольким мишеням. Кроме того, стрельба в городской черте (например, при преследовании преступного элемента) всегда сопряжена с опасностью ранения проходящих мирных граждан [3].

Обучению стрельбе и владению револьвером в органах милиции отводилось особое место. Что касается тактических элементов стрельбы, отражающих сущность применения огнестрельного оружия сотрудниками милиции, то в КС-1949 для пистолета (револьвера) не было ни одного упражнения, включающего в себя разные положения для стрельбы, стрельбу после физической нагрузки, в условиях затрудненной видимости, с переносом огня по фронту, из-за укрытия, со сменой магазина, с разворота, с транспортного средства, сдвоенными выстрелами, с коротких расстояний, инстинктивную стрельбу. Таким образом, огневая подготовка КС-1949 не соответствовала условиям и типичным ситуациям применения огнестрельного оружия сотрудниками милиции, не формировала двигательную модель действий в требуемых условиях.

Подготовка сотрудников владению табельным оружием по устаревшим методикам снижала эф-

фективность работы всей правоохранительной системы, приводила к гибели и ранению сотрудников, мирных граждан, давала возможность побегов заключенных из-под стражи.

9 апреля 1956 г. заключенные 230 строгорезимного лагерного пункта У. и М. совершили побег с объекта работ «Лесоповал» в Иркутской области. Предупредительные выстрелы часовых с целью остановить побег положительных результатов не дали, заключенные продолжали дальше углубляться в лес, тогда рядовые К. и Д. перенесли огонь на поражение, но ввиду резко пересеченной местности и густой заросли леса применяемое оружие результатов не дало [5].

Происходившие политические события в стране в рассматриваемый период, изменения в структуре МВД, в т.ч. и организационно-штатные, негативно сказались на профессиональной подготовке сотрудников милиции, несмотря на увеличение численности образовательных организаций, возникших в

период 1953-1964 гг. Как следствие, организация профессиональной подготовки проходила по упрощенной программе, меньше внимания уделялось развитию навыков обращения и применения огнестрельного оружия, соответствующих реальным ситуациям применения огнестрельного оружия сотрудниками милиции. Основу программ подготовки составляли Наставления по огневой подготовке, разработанные еще в конце 20 – середины 30 гг. XX в., носящие спортивно-прикладной характер. Однако, несмотря на существовавшие трудности объективного и субъективного характера в рассматриваемый период, следует отметить качественные изменения в физической подготовке в связи с популяризацией занятий самбо среди сотрудников правоохранительной системы. Положительно влияло на развитие огневой и физической подготовки в советских правоохранительных органах (1953-1964 гг.) расширение сети ведомственных учебных заведений, постепенное улучшение качества профессиональной подготовки.

Литература

1. Архив ОДиР БЮИ МВД России. 1958. Д. 9. Л. 157.
2. Архив ОДиР БЮИ МВД России. 1960. Д. 8. Л. 65.
3. Медведев И.В., Семенов В.В. Становление и развитие физической подготовки в правоохранительных органах в 1920-1940 гг. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2014. Ч. 2. С. 180-182.
4. Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/edu>.
5. ОАИиР ИЦ ГУ МВД России по Иркутской области. Ф. 39л. Оп. 1. Д. 200. Л. 1.
6. ОРИАИ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 90. Л. 15.
7. Реформирование системы МВД в 1953-1964 гг. URL: <http://helpiks.org/2-42562.html>.
8. Рыжков С.Н., Новиков А.Н. История развития системы боевой и физической подготовки сотрудников ОВД: лекция. Домодедово, 2002.
9. Семёнов В.В., Медведев И.В. Огневая и физическая подготовка в подразделениях советской милиции в 1946-1953 гг. // Алтайский юридический вестник. 2016. № 4 (16). С. 12-15.
10. Суверов Е.В. Становление барнаульской спецшколы МВД СССР // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. Ч. 2. С. 272.
11. Суверов Е.В., Миронов Е.В. Деятельность органов внутренних дел Алтайского края в первые годы освоения целинных и залежных земель (1954-1956 гг.) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. Ч. 2. С. 257.
12. Суверов Е.В. Правонарушения, совершенные милиционерами в Алтайском крае в 50-е годы XX века // Вестник Костромского государственного университета. 2015. Т. 21. № 4. С. 216.

УДК 351.74(571.14)

Е.В. Суверов, доктор ист. наук, профессор
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: suverov69@mail.ru

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ (1937-1941 ГГ.)

В статье изучается процесс подготовки кадров для органов рабоче-крестьянской милиции в Новосибирской области в предвоенные годы. Автор подчеркивает те трудности, которые мешали пополнению высококвалифицированными кадрами милицейские подразделения в Новосибирской области.

Ключевые слова: рабоче-крестьянская милиция, кадры, курсы, обучение, Новосибирская область.

E.V. Suverov, Ph.D. (Doctor of Historical Sciences), professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: suverov69@mail.ru

TRAINING OF THE WORKER-PEASANT MILITIA OF THE NOVOSIBIRSK REGION (1937-1941)

The article studies the process of personnel training of workers and peasants militia in the Novosibirsk region during the pre-war years. The author emphasizes the difficulties that prevented the reinforcement of police units with highly qualified personnel in the Novosibirsk region.

Key words: worker and peasant militia, personnel, courses, training, Novosibirsk region.

Новосибирская область была образована Постановлением ЦИК СССР 28 сентября 1937 г. путем разделения Западно-Сибирского края на Новосибирскую область и Алтайский край. Практически сразу стало формироваться Управление НКВД по Новосибирской области.

Качественная подготовка кадрового потенциала имела большое значение для выполнения поставленных задач перед личным составом новосибирской милиции. Увольнение из органов внутренних дел в связи с несоответствием к предъявленным требованиям, по болезни, переводу в другие регионы создавало кадровый дефицит.

Новосибирские милиционеры ежегодно призывались на воинскую службу. Так, с 1 августа 1938 г. были направлены в Рабоче-Крестьянскую Красную армию (РККА) бывшие сотрудники рабоче-крестьянской милиции (далее – РКМ) г. Но-

восибирска: Д.С. Виноградов, М.Г. Погребняков, С.Л. Гришкин.

Присутствие в рядах сибирских административных органов криминальных элементов оказывало отрицательное влияние на милицейский аппарат [1, л. 84].

Серьезным потрясением для сотрудников НКВД стало усиление политических репрессий после убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. Под подозрение мог попасть любой сотрудник. Нарастающая волна репрессий прокатилась по всей стране. Под клеймо «врага народа» попадали многие ни в чем невинные советские граждане [13, с. 81].

Ужесточался контроль представителями властных структур за лояльностью к советской власти. Принадлежность к выходцам из слоев беднейшего крестьянства и пролетариата являлась доминирующей при кадровых назначениях и приеме на службу.

С октября 1939 г. весь оперативный состав органов НКВД Новосибирской области должен был немедленно сообщать рапортом в отдел кадров обо всех своих изменениях в партийной, семейной жизни [7, л. 6].

Чрезвычайные законы 1930-х гг. широко использовались для увольнения со службы милиционеров. Из РКМ удалялись «чуждые по классовой принадлежности» и связанные с ними работники. Вместе с тем увольнению подлежали милиционеры, замеченные в пьянстве, морально разложившиеся, находящиеся в панибратских отношениях с подчиненными, а также не прошедшие службу в армии. Следует отметить, что репрессирование сотрудников не всегда было обоснованным, а проводилось в связи с выполнением поставленных плановых задач. На освободившиеся места набирались в основном лица из числа «активистов», проявивших себя в процессе раскулачивания и борьбы с «вредителями» начала 1930-х гг. [5, с. 63, 64].

Дискредитировавшие звание сотрудника органов внутренних дел немедленно увольнялись. Помощник оперуполномоченного Тимошенко А.К. при производстве обыска на квартире обвиняемого в шпионаже Лещука 29 июня 1938 г. в городе Новосибирске незаконно изъял две книги «Похождения бравого солдата Швейка» и присвоил их себе [8, л. 1]. 8 июня 1938 г. младший лейтенант Василевич В.Д., будучи в должности начальника опергруппы г. Мариинска Новосибирской области, при ведении следствия по делу № 2857 подделал подписи обвиняемых [8, л. 158].

Проблема нехватки компетентных кадров в милицмейской сфере была решена с помощью создания специализированных школ и спецкурсов по обучению сотрудников милиции. Учебный процесс включал в себя общеобразовательную, политическую, правовую, милицмейскую, военную, физическую подготовку.

Важным достижением исследуемого периода в области ведомственного образования стало принятие многочисленных нормативно-правовых актов, регламентировавших деятельность учебных заведений. К ним можно отнести положения о курсах и школах милиции; учебные планы, программы и прочие документы, а также формирование основополагающих принципов системы, многие из которых не теряли актуальности и в последующие годы [4, с. 66].

Создавались различные курсы подготовки милиционеров. Отдел кадров УНКВД проводил курсы-семинары, где обучался весь оперативный состав РО НКВД. 1-й созыв курсов начался 15 января 1940 г. 2-й созыв приступил к учебе 15 февраля

1940 г. Продолжительность курсов составляла 15-17 дней [7, л. 155].

В г. Новосибирске действовали курсы переподготовки проводников служебных собак. В г. Томске Новосибирской области функционировали областные курсы по переподготовке участковых. С 16 марта 1940 г. туда для обучения было направлено 42 человека [9, л. 324]. Отправлялись новосибирские милиционеры на обучение и в другие регионы. Так, были откомандированы на шестимесячные ленинградские курсы по переподготовке оперуполномоченных и помощников оперуполномоченных с 28 марта 1940 г. Коршунов Е.П., Плеханов Е.Ф., Красовский И.П., Кальшин В.А. [9, л. 321]. С 28 марта 1940 г. были командированы 9 новосибирских милиционеров на шестимесячные омские курсы по переподготовке оперуполномоченных и помощников оперуполномоченных [9, л. 322].

Большую роль в подготовке квалифицированных кадров сыграла новосибирская школа служебно-розыскного собаководства рабоче-крестьянской милиции [9, л. 215].

Омская межобластная школа рабоче-крестьянской милиции готовила кадры для подразделений милиции Новосибирской области, но была не в состоянии полностью удовлетворить кадровый голод.

Однако в ведомственной образовательной системе накапливались многочисленные проблемы, решение которых должно было быть неотложным. Слабый педагогический состав, случайный подбор командного строевого состава, ограниченность времени на практические занятия, большая загруженность курсантов, составлявшая до 12-15 часов в день, а также перегрузка в общественной и культурно-просветительной работе негативно сказывались на функционировании данных учебных заведений [2, л. 105]. Часть милиционеров обучались заочно в гражданских вузах.

В преддверии мировой войны особый упор был сделан на изучении иностранных языков сотрудников НКВД (особенно немецкого). Так, за опоздание и непосещение занятий по изучению немецкого языка 29 ноября, 4 декабря и 6 декабря 1940 г. сержанту милиции Патракееву был объявлен выговор [10, л. 242].

В практику вводилась новая форма обучения – летние лагерные сборы, где сотрудники милиции изучали политическую и профессиональную подготовку, отрабатывали в полевых условиях необходимые навыки. В июле 1940 г. были организованы лагерные сборы для работников РКМ Новосибирской области, Алтайского края, Томской железнодорожной милиции. На сборах занимались строевой,

специальной, физической, огневой и политической подготовкой [11, л. 16].

Огромную роль в совершенствовании профессиональной деятельности милиционеров играла политико-воспитательная и культурно-просветительная деятельность. К ней относились: публичное чтение газет и журналов, коллективное радиослушание, беседы, вечера вопросов и ответов, политические бои и политические лотереи, кружки, агитхудожественные бригады, живые газеты, художественно-политические вечера, вечера и слеты ударников и т.д. [3, с. 53].

Отменная физическая подготовка, уверенное владение огнестрельным оружием были неотъемлемой частью профессиональной подготовки сотрудников НКВД.

Становление процесса огневой подготовки осуществлялось по методикам, существовавшим в вооруженных силах. Были предприняты попытки обратить внимание при обучении сотрудников милиции стрелковой подготовке на правомерность применения и использования оружия. Зарождалась методика боевой подготовки: обучались милицеейской тактике, грамотным действиям в процессе оперативно-служебной деятельности [12, с. 109, 110].

Физическая подготовка была провозглашена как неотъемлемая часть профессиональной подготовки. Перед войной в органах и частях милиции произошло заметное улучшение системы текущей боевой и служебной подготовки личного состава. В целом физическая подготовка в правоохранительных органах в довоенный период в большей части строилась по общевойсковой системе [6, с. 181].

Таким образом, подготовка кадров для рабочей крестьянской милиции в Новосибирской области в 1937-1941 гг. проходила с помощью ведомственной образовательной системы. Обучение было организовано на различных курсах, летних лагерных сборах, школах. Ряд сотрудников получали образование в высших учебных заведениях гражданской направленности. Усиленное внимание уделялось политико-воспитательной, огневой, физической подготовке и обучению иностранным языкам. Однако меры по укреплению кадрового потенциала Новосибирской области не всегда достигали своей цели в связи с накопившимися проблемами в ведомственной образовательной системе, классовым приоритетом в подборе кандидатов на службу и не прекращавшимися массовыми репрессиями в отношении сотрудников правоохранительных органов.

Литература

1. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 23.
2. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 78. Д. 47. Л. 105.
3. История ОВД Советского государства. М.: Академия МВД СССР, 1986.
4. Кожевина М.А. Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование: 1918-1991 гг.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
5. Кузнецов Д.Е. Деятельность советской милиции по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016.
6. Медведев И.В., Семенов В.В. Становление и развитие физической подготовки в правоохранительных органах в 1920-1940-е гг. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2014. № 12. Ч. 2. С. 181.
7. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 264.
8. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 253.
9. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 278.
10. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 275.
11. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 287.
12. Семенов В.В. Становление огневой подготовки в подразделениях советской милиции (1918-1925 гг.) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2013. № 1 (14). С. 109-110.
13. Суверов Е.В. Репрессии в Алтайском крае в 1937-1938 гг. // Наследие российской государственно-сти: мат-лы международного круглого стола / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: Изд-во ААЭП, 2012. С. 81.

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

УДК 37:34

Е.С. Аничкин, доктор юрид. наук, профессор

Алтайский государственный университет

E-mail: anichkin@email.asu.ru;

К.Е. Коваленко, канд. юрид. наук

Алтайский государственный университет

E-mail: kovalenko1288@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

В статье рассмотрено формирование, значение и современное состояние оценки регулирующего воздействия нормативных актов в сфере образования. Выявлены дефекты образовательного законодательства, общие и специальные виды правовых последствий нормативных актов в сфере образования, а также перечень позитивных показателей реализуемости нормативных актов.

Ключевые слова: оценка регулирующего воздействия, правовые последствия, дефект законодательства, показатель реализуемости.

E.S. Anichkin, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor

Altai State University

E-mail: anichkin@email.asu.ru;

K.E. Kovalenko, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Altai State University

E-mail: kovalenko1288@mail.ru

FORMATION OF REGULATORY IMPACT ASSESSMENT IN RUSSIAN EDUCATION

The authors consider the formation, significance and current state of the assessment of the regulatory impact of normative acts in the sphere of education. The authors point out defects in educational legislation, general and special kinds of legal effects of laws and regulations in the sphere of education and draw a list of positive indicators of laws and regulations' feasibility.

Key words: regulatory impact assessment, legal effects, defect in legislation, feasibility indicator.

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта РГНФ 16-03-00065 «Оценка регулирующего воздействия нормативных правовых актов и государственных программ в сфере профессионального образования России».

В качестве одной из наиболее сложных и динамично развивающихся отраслей российского законодательства выступает образовательное законодательство. Состояние образовательного законодательства предопределяет необходимость повышения качества его содержания и эффективности действия. В этих целях используются различные правовые инструменты, одним из которых является оценка регулирующего воздействия (ОРВ).

Под ОРВ следует понимать систематический процесс выявления и оценки возможных последствий (экономических, политических, социальных, правовых) введения, изменения и отмены тех или иных норм права. В более широком смысле ОРВ иногда дефинируют как «процесс, в рамках которого определяются основные проблемы и цели регулирования, идентифицируются основные опции достижения цели, а также анализируются преимущества и недостатки каждой опции» [14, с. 237]. Нормативные правовые акты, регулирующие образовательные отношения, стали объектом исследования ОРВ недавно.

В 1985 г. в Великобритании был начат первый крупномасштабный проект с применением принципов ОРВ. Начиная с 1998 г. ОРВ стала применяться в Великобритании, где ежегодный обзор Национального Бюро Аудита способствовал улучшению процессов государственного управления [2, с. 19].

В Австрии ОРВ проводится на федеральном и региональном уровнях. Там «существует официальное распоряжение правительства, согласно которому министерства должны следовать "Манделькернскому докладу", т.е. проводить регулярную оценку регулирующего воздействия. ОРВ в этой стране является обязательным условием принятия новых законов и подзаконных актов» [3].

Процедура ОРВ существует и в других странах, таких как Германия, Нидерланды, Италия, Швеция и другие. В начале XXI в. страны Европейского Союза предприняли ряд мер, направленных на улучшение государственного управления. «Так, в 2001 г. Европейской Комиссией приняты два важных политических решения, оказавших серьезное влияние на внедрение систематической ОРВ. Во-первых, признана необходимость подвергать оценке все законопроектные и предложения, касающиеся государственных программ и политик, для определения их влияния на окружающую среду, экономику и социальную сферу. Во-вторых, Европейская Комиссия призвала правительства стран ЕС упростить и улучшить управленческую среду в каждом государстве» [3].

С различной долей успеха процедура ОРВ была внедрена во многих странах с переходной экономи-

кой (Польша, страны Латинской Америки, Африки). Систематически ОРВ стала применяться в России только с 2010 г. Министерством экономического развития [3]. Положительный опыт использования оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов на федеральном уровне необходимо транслировать в регионы, что и было определено Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [13].

Последние десять лет система образования в Российской Федерации переживает период активной модернизации. Безусловно, это требует существенной перестройки действующего законодательства. В период деятельности Государственной Думы четвертого созыва (2004-2007 гг.) было принято 28 федеральных законов, внесших изменения в Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» [12]. Восемнадцать федеральных законов касались изменений Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» [8]. Кроме этого, был принят целый ряд серьезных изменений в гражданское, бюджетное, налоговое и другие отрасли, в значительной степени затрагивающих деятельность образовательных организаций.

Реализация принятых законов требовала разработки и утверждения многочисленных подзаконных актов на уровне Российской Федерации, а также серьезного пересмотра законов об образовании и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации в области образования. Таким образом, период работы Государственной Думы пятого созыва совпал с периодом значительного обновления законодательства Российской Федерации в области образования. Развитие нормативно-правового регулирования в этот период не могло ограничиться простой реализацией законов, принятых Государственной Думой четвертого созыва. Требовалось, с одной стороны, внесение с учетом правоприменительной практики уточнений в законы, принятые Государственной Думой четвертого созыва, а с другой – дальнейшее системное обновление законодательства в области образования с учетом потребностей развития российского общества и отечественной экономики.

С 2014 года ОРВ стала обязательной в Российской Федерации [15]. Однако ее применение требует серьезного институционального и методического обеспечения, определения и формализации функций участников и применяемых процедур, что и определяет целесообразность исследования теоретических основ, опыта и лучших практик оценки регулирующего воздействия.

В России теоретическими и практическими исследованиями в данной области занимаются Институт оценки программ и политик (ИОПП), Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), Ассоциация специалистов по оценке программ и политик. Основные направления и результаты научно-практических исследований в области оценки регулирующего воздействия отражены в работах И.Е. Брэдера, Н.В. Брюхановой, В.В. Буева, Х. Вольманна, Д.О. Дермана, О.В. Козловской, А.И. Кузьмина, Д.Б. Цыганкова и др.

А.Е. Голодникова и Д.Б. Цыганков, например, выделяют три вида фильтров, устанавливающих критерии отбора проектов нормативных актов: первый определяет виды правовых актов, второй отбирает акты по степени их значимости и исключения. Авторы отмечают, что «в России по мере появления у государственных служащих четкого понимания сути процедуры как кооперации с бизнесом и экспертами формальные критерии будут сокращаться, а отбор проектов для оценки будет происходить в значительной степени по усмотрению чиновников, исходя из базовых критериев – значимости воздействия и возможности выбора альтернатив» [4].

О.В. Козловская и Р.А. Эльмурзаева полагают, что «при ОРВ необходимо применять логико-структурный подход в целях установления причинно-следственной связи между инструментами регулирования и решением проблемы, на которую оно направлено». Ими рассмотрен «методический подход обоснования мер государственного вмешательства в социально-экономические процессы с позиции анализа заинтересованных сторон и формирования оценки ожиданий целевых групп в рамках основных направлений государственной политики». Обращается особое внимание на «необходимость коллективного взаимодействия для конкретизации представления об организационных и социальных механизмах взаимодействия бизнеса, власти и общества на этапах принятия и контроля за исполнением управляющих воздействий» [7].

Большинство исследований ориентированы на ОРВ государственных программ и нормативных актов в сфере предпринимательской и инвестиционной деятельности, бюджетно-налогового и таможенного регулирования, государственного надзора и технического регулирования, корпоративного законодательства. Проблемы регулятивной политики и последствий принятия нормативных правовых актов в сфере образования не выделены в отдельное направление для исследований.

Вместе с тем практика позволяет сосредоточить внимание на оценке последствий нормативных правовых актов в сфере образования, а юридическая

направленность данной публикации обязывает обратиться к анализу правовых последствий.

Как известно, типичными правовыми последствиями могут стать: 1) недопустимость принятия нормативного правового акта при отрицательном заключении об ОРВ; 2) необходимость внесения поправок в иные нормативные правовые акты, регулирующие образовательные отношения; 3) принятие новых нормативных правовых актов; 4) отмена действующего (действующих) нормативного правового акта (актов); 5) корректировка практики применения норм права; 6) подготовка конкретизирующих и дополняющих актов нижестоящего по юридической силе уровня и др. Например, в первый год после вступления в силу Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ) [11] в целях его реализации было отменено 440 нормативных актов, принятых в разные годы федеральным органом управления образованием, и принято порядка 400 приказов Министерства образования и науки России.

Существуют и более масштабные правовые последствия реализации нормативных правовых актов, которые, по мнению Ю.А. Тихомирова, могут выражаться в оценках гражданами и их объединениями положений нормативных правовых актов; в изменениях типов правомерного и неправомерного поведения; в степени реализации актов; в динамике правонарушений; в изменениях уровня законности в регионах, в отраслях экономики и социальной сферы [16, с. 147].

Вместе с тем в рамках проведения ОРВ внимание концентрируется на особом роде последствиях, установленных в Правилах проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, которые утверждены Постановлением Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318. Согласно п. 27 Правил в заключении об ОРВ делаются выводы о наличии либо отсутствии положений, устанавливающих избыточные обязанности, запреты и ограничения для физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности или способствующих их введению, а также положений, приводящих к возникновению необоснованных расходов физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а также бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации, о наличии либо отсутствии достаточного обоснования решения проблемы предложенным способом регулирования [9].

Соответственно, правовыми критериями допустимости или недопустимости действия соответствующего нормативного правового акта, в т.ч. регулирующего образовательные отношения, являются: а) положения, устанавливающие избыточные обязанности, запреты и ограничения для физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; б) положения, способствующие введению п. «а»; в) положения, способствующие появлению необоснованных расходов физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; г) положения, увеличивающие необоснованные расходы бюджетов всех уровней бюджетной системы РФ; д) существование обоснованного решения проблемы предложенным способом регулирования. Немногочисленные примеры проведения ОРВ в отношении нормативных правовых актов в области образования свидетельствуют о действенности вышеуказанных критериев определения правовых последствий соответствующих нормативных правовых актов [5, 6].

Кроме того, соблюдение данных критериев является залогом эффективного действия нормативного правового акта в сфере образования, и, напротив, их игнорирование порождает негативную реализацию нормативного правового акта. Представляется, что позитивными показателями реализуемости выступают, в частности, адекватная конкретизация положений нормативного акта (т.е. их соответствие вышестоящему акту), низкие количественные индикаторы правоприменительных актов, входящих в противоречие с нормами правового акта, отсутствие актов прокурорского реагирования, отсутствие прецедентов оспаривания акта в суде, отсутствие фактов признания отдельных норм акта неконституционными. Противоположные ситуации свидетельствуют о негативной реализации нормативных правовых актов, что обусловлено в том числе отсутствием проведения в отношении них процедуры ОРВ. Наиболее показательны в этом плане решения Верховного Суда РФ о признании недействующими отдельных положений нормативных правовых актов в области образования [10].

Вместе с тем образовательное законодательство продолжает сохранять ряд серьезных дефектов, обуславливающих необходимость его мониторинга и дальнейшего развития. К числу такого рода дефектов, как представляется, относятся следующие.

Во-первых, частая изменчивость и вызванная ею нестабильность основного в настоящее время

Федерального закона № 273-ФЗ и иных актов, регулирующих образовательные отношения. Во-вторых, неоправданно высокая динамика подзаконного правового регулирования образовательных отношений. В-третьих, коллизийность нормативных правовых актов федерального, регионального и местного уровней в соотношении между собой и в рамках соответствующего уровня правового регулирования. В-четвертых, несбалансированность объема правового регулирования образовательных отношений, т.е. пробельность законодательства при регулировании одного вида образовательных отношений при избыточно подробной регламентации другого вида отношений. В-пятых, широко распространённая практика дублирования норм федерального образовательного законодательства на региональном уровне при немногочисленности самостоятельных норм по вопросам, отнесённым к сфере ведения субъектов РФ. В-шестых, неопределённость содержания, расплывчатость и декларативность некоторых норм и правовых понятий. В-седьмых, ужесточение правового регулирования образовательных отношений, усиление его императивности и директивности, установление чрезмерных запретов и ограничений в отношении субъектов образовательной деятельности.

Каждый из указанных дефектов может быть проиллюстрирован конкретными примерами. В частности, более года сохранялись противоречия между Федеральным законом № 273-ФЗ и региональными актами об образовании. Из 83 субъектов РФ только 38 регионов привели свои акты в соответствие с Федеральным законом № 273-ФЗ до 01.09.2013. При этом основная их часть была принята с 3 июня по 30 августа 2013 г. Лишь 18 субъектов РФ завершили работу по согласованию регионального законодательства в период с 1 сентября по 31 декабря 2013 г. Более 11 субъектов РФ приняли акты об образовании в период с 1 января по 1 июля 2014 г., а остальные были приняты в конце 2014 г. [1]. Как видно, темпы по гармонизации региональных законов об образовании заметно различались.

Таким образом, оценка правовых последствий должна стать обязательной как в процессе принятия нормативного правового акта, регулирующего образовательные отношения, так и при мониторинге применения уже действующих нормативных актов в области образования. Систематическое использование ОРВ в отношении нормативных правовых актов образовательной сферы позволит снизить их дефективность и обеспечить эффективную реализацию.

Литература

1. Андриченко Л.В., Баранков В.Л., Булаевский Б.А. Образовательное законодательство России. Новая веха развития: монография / отв. ред. Н.В. Путило, Н.С. Волкова. М., 2015. 480 с.
2. Аничкин Е.С., Брюханова Н.В., Коваленко К.Е. Основные источники права в области оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3 (91). С. 18-22.
3. Брюханова Н.В., Чирков М.О. Правовое регулирование и методические подходы к оценке регулирующего воздействия нормативных правовых актов субфедерального уровня: монография. Барнаул, 2014. 174 с.
4. Голодникова А.Е., Цыганков Д.Б. «Таргетирование» оценки регулирующего воздействия: международные подходы и российская практика // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 4. С. 7-40.
5. Заключение об оценке регулирующего воздействия на проект постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в Положение о лицензировании образовательной деятельности». URL: <http://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=47101> (дата обращения: 01.01.2017).
6. Заключение об оценке регулирующего воздействия на проект постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в Положение о государственной аккредитации образовательной деятельности». URL: <http://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=19566> (дата обращения: 01.01.2017).
7. Козловская О.В., Эльмурзаева Р.А. Возможности применения логико-структурного подхода при оценке регулирующего воздействия // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 105-109.
8. О высшем и послевузовском профессиональном образовании: федеральный закон от 22.08.1996 № 125-ФЗ (утратил силу) // Российская газета. 1996. 29 авг. № 164.
9. О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7491.
10. О признании частично недействующим подпункта «е» пункта 68 Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2015/16 учебный год, утв. Приказом Минобрнауки России от 28.07.2014 № 839: решение Верховного Суда РФ от 21.01.2015 № АКПИ 14-1367 // Официальные документы в образовании. 2015. № 7.
11. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Российская газета. 2012. 31 дек. № 303.
12. Об образовании: Закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1 (утратил силу) // Российская газета. 1992. 31 июля. № 172.
13. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 // Российская газета. 2012. 9 мая. № 10.
14. Плаксин С.М., Бакаев В.В., Зуев А.Г. и др. Контрольно-надзорная деятельность в Российской Федерации: Аналитический доклад – 2013. М.: МАКС Пресс, 2014.
15. Руководство по применению оценки регулирующего воздействия на региональном уровне // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. URL: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/gia/info/news/doc20120116_00 (дата обращения: 01.01.2017).
16. Тихомиров Ю.А. Последствия правовых актов: оценка и коррекция // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 3. С. 140-148.

УДК 342.53

Л.Г. Коновалова, канд. юрид. наук, доцент

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: vaskova82@yandex.ru

«МОДИФИЦИРОВАННЫЙ» ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ В XX – НАЧАЛЕ XXI В.: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА

В статье рассматривается заключительный, по мнению автора, этап развития парламентаризма в зарубежных странах, который предлагается именовать «модифицированным» парламентаризмом. Автор задается вопросом о том, с каких методологических позиций рассматривать функционирование парламентов в XX-XXI вв. – как возвышение или падение роли парламентаризма, обосновывает свою позицию по этому поводу.

Ключевые слова: парламент, парламентаризм, разделение властей, депутат.

L.G. Konovalova, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

the Altai branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: vaskova82@yandex.ru

«MODIFIED» PARLIAMENTARISM IN FOREIGN COUNTRIES IN THE 20TH – EARLY 21TH CENTURIES: HISTORY OF THE FORMATION OF THE CONSTITUTIONAL-LEGAL INSTITUTE

The article deals with the final, according to the author, stage of parliamentarism development in foreign countries, which is proposed to call «modified» parliamentarism. The author wonders from what methodological position to consider the functioning of parliaments in the XX-XXI centuries – as rise or fall of the role of the parliamentary system, and proves the final position in this regard.

Key words: parliament, parliamentary system, separation of powers, deputy.

Становление парламентаризма в XX-XXI вв. сопряжено с массовым развитием парламентских учреждений во многих странах мира, а также с пристальным анализом их деятельности. В рассматриваемом периоде наблюдается ослабление роли парламента в первой половине XX в. на фоне фашистских антидемократических режимов и усиление в конце XX-XXI вв. Развитие представительных органов после 60 гг. XX в. в литературе зачастую именуют «возрождением парламентаризма» [27, с. 42; 13, с. 251; 24, с. 7-9], сравнивая с существующими декоративными парламентами стран с тоталитарным прошлым. Аргументируя эту позицию, ученые

обычно называют факты совершенствования структуры парламента, профессионализации его работы, изменения избирательной системы, усиления интереса граждан к деятельности парламента через посредничество средств массовой информации, увеличения количества межпарламентских организаций.

С другой стороны, существует мнение о падении в XX в. роли представительных учреждений в целом [17, с. 69; 18, с. 27]. В этом случае принято ссылаться на медлительность и громоздкость парламентских процедур, делегированное законодательство, некомпетентность депутатов во многих сфе-

рах законотворчества, требующих специальных познаний, недостаточность парламентского контроля или, напротив, эксцессы такого контроля, наличие лоббирования и популизма в деятельности представительного органа. Однако думается, что эти негативные моменты являются следствием их работы в современных условиях информационного общества, динамичных изменений сфер и методов государственного влияния, а также более пристального внимания к парламентам, обусловленного спектром анализа различных гуманитарных наук и воздействием средств массовой информации. Названные отрицательные факты свидетельствуют о модификации парламента в современных условиях и, очевидно, демонстрируют необходимость системного совершенствования их деятельности в совокупности с другими государственными и общественными институтами, показывают ценность юридической конструкции парламентаризма.

Наиболее явно рассматриваемый этап прослеживается на примере конституционно-правового опыта Германии. В начале XX в. в стране проводилась агрессивная военная политика, связанная с подготовкой к локальным войнам и мировой войне, которая приводила к неоднократным нарушениям конституции и парламентским кризисам. После ноябрьской революции 1918 г. и отречения Вильгельма II от престола была принята демократическая и социально ориентированная Веймарская конституция 1919 г., провозгласившая суверенитет народа и учредившая высший орган народного представительства, состоящий из избираемого Рейхстага и формируемого из представителей земель Рейхсрата. Однако на практике в связи с тяжелым послевоенным экономическим положением населения, безработицей, острым политическим противоборством политических группировок в парламенте [3, с. 7] Рейхсрат оказался не способным к отстаиванию конституционных ценностей, часто распускался и имел в формируемом прессой массовом сознании образ бесполезного института. В это же время в стране произошел фактический отказ от принципа верховенства закона и участия парламента в формировании органов власти. Так, в 1932 г. президент издал 66 чрезвычайных указов, в то время как Рейхсрат принял только 5 законов. Республиканское правительство не пользовалось доверием парламента, поэтому регулярно формировались «президентские кабинеты». В таких условиях была создана благодатная почва для прихода использующих методы дачи популистских обещаний нацистов к власти. Это было сделано за счет постепенного расширения социальной базы сторонников национал-социалистической партии, увеличения числа мандатов

депутатов от этой партии в Рейхстаге и назначения Гитлера в 1933 г. в качестве главы коалиционного правительства. После чего были попораны и другие принципы парламентаризма: произошел отказ от многопартийности, введен тотальный контроль над прессой, изжит институт свободного мандата депутата, ликвидировано разделение властей. Рейхстаг превратился в бесправное, лишенное властных полномочий марионеточное учреждение, участвовавшее в легальном оформлении всеобщей милитаризации, расизма и развязывании Второй мировой войны. А с 1942 г., лишившись окончательно всех властных полномочий, он вообще перестал существовать [11, с. 265-299]. Таким образом, история продемонстрировала пример использования парламента тоталитарной партией для прихода к власти и осуществления античеловеческой политики. Этот факт поставил перед мировым сообществом задачу легального противодействия распространению экстремистских идеологических течений и развития концепции парламентаризма.

О правильности обозначенного направления совершенствования государственности свидетельствовал опыт послевоенного восстановления Германии при участии стран – участниц Потсдамских соглашений, исходивших из необходимости демилитаризации, декартелизации, денацификации и демократизации контролируемой территории. Своеобразный парламент в западной зоне влияния был создан уже в 1947 г. в виде Экономического совета Бизонии, а затем Тризонии, формируемый из представителей ландтагов земель [11, с. 301-309]. А с принятием Основного закона ФРГ 1949 г. был учрежден высший орган народного представительства Бундестаг (а по признанию отдельных авторов – двухпалатный парламент, состоящий из Бундестага и Бундесрата) с признанием всех принципов парламентаризма. Такой подход к конструированию государственно-правовых институтов, наряду с эффективной экономической политикой, позволил Германии достаточно быстро преодолеть послевоенный кризис, а в дальнейшем пережить объединение Западной и Восточной частей.

Парламентаризм Германии на рубеже XX-XXI вв. отличается подробное конституционное и законодательное регулирование основных институтов и процессов, наличие правовых позиций Конституционного суда. По сравнению с предыдущим этапом произошло четкое установление правил формирования и компетенции Бундестага и Бундесрата, их взаимоотношений с иными органами власти, деятельности политических партий и общественных объединений, обеспечения свободы выражения мнений депутатами и гарантированности

их статуса. Но при этом юристы глубоко исследуют как плюсы, так и минусы работы парламента, а пресса регулярно вскрывает какие-либо скандалы, связанные с участием депутатов. В частности, немецкая правовая мысль задается вопросами о числе ветвей власти и их сбалансированности, соотношении права и закона, конфликтах между справедливостью и правовой безопасностью, влиянии международного права на национальную правовую систему, об усложнении предмета государственного регулирования, о влиянии технического развития на право, пределах делегированного законотворчества, об отсутствии у оппозиции реальной возможности подготавливать обоснованные законопроекты, излишнем давлении партий на депутатов и др. [26, с. 74-269; 9, с. 21-163; 29, с. 125-654]. Однако подобные дебаты имеют практическое значение, поскольку их результатом зачастую становится выработка универсальных юридических конструкций, таких как «оговорка о законе», легальный запрет произвольного исключения из партии и т.п.

Несколько схожей с Германией в рассматриваемый период была история Итальянского государства, также пережившего фашизм и пришедшего к ценностям парламентаризма. Аналогичным образом фашисты пришли к власти путем выборов, используя социальную демагогию и террор в условиях экономического кризиса, популяризируя идею «сильной власти». Но в истории фашистской Италии примечательным был опыт формирования парламента по корпоративному принципу, а также масштабного использования делегированного законотворчества. Однако в силу иллюзорности правовых процедур фактически члены представительного органа назначались лично диктатором, а делегированное законотворчество превратилось в институт неограниченных правительственных полномочий. Возвышение парламента началось с принятием демократической Конституции 1947 г., учредившей двухпалатный законодательный орган (Палата депутатов избирается на общенациональной основе, основной состав Сената избирается по областям) [21, с. 160-163]. Однако страна столкнулась с трудностями поиска политического компромисса в условиях многопартийности. За период с 1945 по 1991 гг. в Италии сменилось около 50 коалиционных правительств, действовавших в среднем по 10 месяцев. Во избежание такой политической нестабильности в 90 гг. XX в. были проведены реформы, сменившие пропорциональную избирательную систему на смешанную, установившие 4-процентный избирательный порог, увеличившие государственные дотации парламентским партиям, а в 2001 г. было установлено правило формирования правительства из чле-

нов самой большой по численности парламентской группы [11, с. 345-346].

Испания, пережившая тоталитарный режим Франко, в XX в. также укрепила роль представительной демократии и контрольных функций парламента [19, с. 4].

В Великобритании XX в. ассоциируется с некоторым падением роли парламента, обусловленным возвышением правительства при принятии государственно-властных решений. Это связано в первую очередь со снижением эффективности парламентского контроля: он стал осуществляться лишь в так называемых «процедурных формах» (поправки, предложения, вопросы министрам). Вотум недоверия в XX в. имел место лишь в двух случаях (в 1924 и 1979 гг.) [22, с. 112]. После Второй мировой войны система «правления Кабинета» трансформировалась в систему «правления премьер-министра», т.к. премьер-министр без консультаций с Кабинетом стал осуществлять важнейшие назначения и перемещения внутри правительства, решать вопросы о созыве и роспуске Палаты общин. Прерогативы Короны формально остались без изменения, но на практике вышли из употребления. Помимо контроля над законодательным процессом, в руках правительства сосредоточилась особая законодательная власть в виде делегированного законотворчества, которое по сравнению с XIX в. стало применяться намного масштабнее и привело к тому, что некоторые важнейшие сферы общественной жизни остались урегулированными лишь подзаконными актами [5, с. 84-97; 16, с. 185]. В 1882 г. была введена возможность правительства в любое время ставить вопрос о прекращении прений в парламенте. С формированием двухпартийной системы значительно усилилась роль политических партий и окончательно сформировался институт жесткой партийной дисциплины, что несколько подорвало отношение к парламенту как цельному органу [23, с. 31]. Вхождение Британии в Евросоюз также ограничивало всемогущество английского парламента, хотя формально рассматривалось как вариация делегированного законотворчества.

Процесс перемещения центра власти от парламента к правительству весьма остро поставил вопрос о самом предназначении представительного органа, его реальном положении в конституционной системе. Соответственно, в Англии были проведены реформы, направленные на общую демократизацию управленческих процессов и повышение эффективности деятельности парламента, обеспечение парламентариям более широких возможностей для участия в осуществлении основных функций представительного органа. Так, начиная с 1918 г. был

принят комплекс актов, предоставивших гражданам (в т.ч. женщинам) всеобщее избирательное право и в целом усовершенствовавших избирательный процесс, была реорганизована система парламентских комитетов, создана должность омбудсмана, введено жалование депутатам, ограничены prerogatives Палаты лордов по отклонению законопроектов, предложенных Палатой общин. В 1958 г. был узаконен институт пожизненного пэрства, а в 1999 г. произведен отказ от наследственного принципа формирования Палаты лордов [14, с. 66; 4, с. 173; 11, с. 41-51]. Законодательство страны стало носить более социально ориентированный характер.

В целом английская доктрина продолжает использовать традиционный принцип парламентского верховенства, хотя и ищет его актуальные обоснования. А британские авторы подчеркивают важность дискуссионного процесса в парламенте. Например, Д. Гарнер приводит пример того, как благодаря яркой критике оппозиционером лордом Чорлеемом при обсуждении в Палате лордов законопроекта о здравоохранении 1961 г. правительство убрало несколько его пунктов [5, с. 91].

XX-XXI вв. в США сопровождаются расширением prerogatives президента при одновременном усилении контрольных функций Конгресса и активном участии Верховного суда в разрешении конфликтов между исполнительной и законодательной ветвями власти. Рассматриваемый период в этой стране продемонстрировал возможности американской системы сдержек и противовесов к гибкому реагированию на политическую обстановку и способности диаметрально менять принимаемые решения. Например, в ходе политических дебатов неоднократно менялось восприятие конституционных норм о необходимости получения согласия Сената на назначение высших должностных лиц, одобрении Конгрессом ведения военных действий, пределах делегированного законодательства и возможности парламента отменять подзаконные акты. В основном в таких случаях приоритет оставался за исполнительной ветвью власти. Однако парламент продолжает сохранять значительные финансово-бюджетные полномочия, имеет возможность судебного обжалования административных распоряжений, кадровые функции, право импичмента, а также возможность непосредственно в законах регулировать правила деятельности ведомств. А во время «уотергейтского кризиса» Верховный суд на примере иммунитетов от предоставления информации продемонстрировал возможность серьезных ограничений prerogatives исполнительной власти [6, с. 165-253; 22, с. 121-153; 15, с. 293-342].

Поэтому в юридической литературе справедливо отмечается способность политических институтов США без революционных потрясений, эволюционным путем приспосабливаться к меняющейся политической обстановке. В то же время подчеркивается важнейшая роль в эволюционных процессах политического развития мощного экономического потенциала страны, дающего правящим кругам широкие возможности для социального маневрирования, а также общенациональной идеологии буржуазного прагматизма, организованных форм демократического движения, борьбы американцев за свои права [11, с. 117, 133].

В XX-XXI вв. в США произошло расширение избирательных прав граждан, постепенно была преодолена расовая дискриминация, утвердилась стабильная двухпартийная система (хотя роль партий несколько снизилась по сравнению с предыдущим периодом, т.к. кадровая политика стала смещаться с «системы добычи», при которой все ведущие посты предоставлялись членам победившей партии, на «систему заслуг», предполагающую учет деловых качеств кандидата [1, с. 51; 28 с. 54-55]), формализован институт лоббизма, возросло влияние предпринимательских союзов и групп давления при принятии политических решений, законодательство стало иметь направленность на поддержку слабо защищенных слоев населения, были апробированы различные варианты регулирования экономики. Однако обозначенные процессы имели сложную историю и обнажали не всегда лицеприятные механизмы государственного управления. Например, судебная система долгое время попустительствовала национальной сегрегации, безосновательно отправляла в тюрьмы значительное число людей во время «красной паники» в период «холодной войны», наряду с регулированием деятельности профсоюзов на практике проводилась дискриминация их прав, вскрывались факты прямого финансирования избирательных кампаний или отдельных законопроектов, в силу масштабного использования популизма на выборах в отдельных штатах даже были вынуждены ввести запрет на «безответственные и умышленно фальшивые утверждения» [10, с. 423-434; 22, с. 136-142; 2, с. 46-101; 25, с. 132-159; 8, с. 155-167] и т.п. Вместе с тем американская история импонирует отсутствием излишней унификации в построении политических институтов и их способностью к поиску компромисса.

Франция в XX-XXI вв. демонстрирует пример умаления роли парламента в системе управления государством. В преддверии Второй мировой войны в стране продолжала действовать Конституция Тре-

твеей республики 1875 г., поскольку она тезисно регулировала общественные отношения, что позволяло по-разному регулировать статус высших политических институтов, менять избирательное законодательство. И если изначально в Третьей республике присутствовала тенденция низведения полномочий президента до «церемониальных» и возвышения парламента, то экономический кризис 1930-х гг. был сопряжен с разочарованностью в парламентах, появлением тенденции к перекладыванию на исполнительную власть, не подконтрольную общественности, реализации заведомо непопулярных в народе мер, расширению делегированного законотворчества. Парламент стал почти ежегодно наделять правительство чрезвычайными полномочиями. Вследствие недолговечности самих кабинетов эти полномочия оказывались в руках высшей бюрократии. А судьба кабинетов стала зависеть не столько от парламентариев, сколько от внепартийных организаций, группировок предпринимателей, профсоюзов [10, с. 448].

Третья республика фактически пала под натиском фашистского завоевания. После освобождения страны от оккупации народ Франции проголосовал за принятие Конституции 1946 г., ознаменовавшей установление Четвертой республики. Конституция 1946 г. отличалась признанием значительного объема прав человека, демократизмом и учреждением парламентарной республики. При этом нижняя палата парламента – Национальное собрание – провозглашалась единственным законодательным органом без права делегации своих законодательных полномочий. Однако политическая система классической парламентарной республики в условиях многопартийного соперничества и возросших требований к управленческой деятельности оказалась неспособной адекватно реагировать на сложные социально-экономические проблемы и кризисные явления в обществе. Поэтому после конституционных реформ 1948 г., усиливших полномочия правительства, в 1958 г. в обстановке ультраправого антиправительственного мятежа в Алжире в спешном порядке была принята Конституция Пятой республики [11, с. 222-231].

В целях усиления независимости исполнительной власти от политических маневров различных партий в Конституции 1958 г. по инициативе генерала де Голля президенту был придан статус главы государства с широкими полномочиями, а парламенту отведена второстепенная роль. В результате соединения признаков президентской и парламентарной республики во Франции фигура президента оказалась сильнее, чем в президентской модели: ему принадлежит право роспуска нижней палаты

парламента – Национального собрания, возможность отстраниться от ответственности за решения Правительства. Однако в Пятой республике все же сохранились некоторые механизмы противодействия произволу исполнительной власти. В частности, исполнительная власть может эффективно проводить свою политику, лишь опираясь на большинство своих сторонников в Национальном собрании, поскольку Президент вынужден формировать Правительство из членов партии или блока, победивших на выборах. При этом возможность прихода в парламент оппозиционного президенту большинства, допускавшаяся на протяжении многих лет лишь гипотетически, стала реальностью в политической жизни Франции в 80-90 гг., обеспечив так называемые периоды «сожительства». Немаловажную роль в обеспечении современного парламентаризма Франции играет «сильная» верхняя палата парламента (Сенат), имеющая возможность блокировать многие законодательные инициативы правительства, а также Конституционный совет, осуществляющий эффективный конституционный контроль. После принятия Конституции 1958 г. во Франции было осуществлено достаточно много реформ, наиболее значимыми из которых являются установление в 1962 г. правил выборов президента всеобщим голосованием, возврат в 1988 г. к мажоритарной избирательной системе, сокращение президентских полномочий с 7 до 5 лет в 2000 г. [20, с. 404-410; 7, с. 10-91].

Отечественные юристы зачастую критикуют излишний примат исполнительной власти во Франции, но вместе с тем отмечают, что все же по сравнению с Францией при правлении де Голля современная Франция в большей мере ценит институт парламентаризма и является более демократичным государством, а парламент фактически не руководствуется ограниченной сферой законотворчества, установленной в Конституции, а принимает законы по любым вопросам [12, с. 2-9]. В любом случае в отличие от предыдущего этапа развития парламентаризма многие парламентарские институты получили подробное регулирование, включая вопросы компетенции палат парламента, совместимости депутатских должностей, профессиональной основы деятельности депутатского корпуса, свободного мандата, парламентарских процедур, избирательного законодательства и т.д.

В целом упрочнение позиций парламентаризма свойственно для стран Западной Европы начиная с 50-60 гг. XX в., причем многие из них избрали модель парламентарной республики или монархии. Страны Восточной Европы, пережив в начале XX в. череду революций, переворотов, территориальных

конфликтов, воздействия военных агрессоров, тоталитарные, авторитарные и советские режимы, к концу XX в. пришли к установлению демократических ценностей и признания значимости роли парламентов, хотя в юридической литературе все же подчеркивается имеющий место разрыв между юридической и фактической конституцией в этих государствах. Расширение парламентаризма наблюдается и в других частях мира. Страны Латинской Америки после периода военных переворотов, многократных конституционных преобразований в начале XX в. к концу столетия учреждают более демократичные политические режимы и переходят преимущественно к мирным методам преодоления разногласий в вопросах государственного управления. Большинству из них свойственно наличие парламента, разделение властей, многопартийность, хотя и с доминирующей ролью главы государства. Бывшие колониальные державы с обретением независимости также развивают у себя парламентские институты, равно как и страны Востока. При этом в некоторых из них наблюдаются очевидные прогрессивные тенденции в части практического воплощения концепции парламентаризма. Например, в Японии парламент из декоративного в начале XX в. после тоталитарных методов управления и милитаризации страны, поражения во Второй мировой войне и установления конституционной монархии с 1947 г. преобразуется в реально работающий институт.

Доктрина парламентаризма в XX – начале XXI в. переживает небывалый подъем, как и наука конституционного права в целом. Появляется огромное число работ, посвященных как формально-юридическому анализу отдельных институтов парламентаризма, так и пониманию принципиальных факторов, влияющих на эффективность деятельности парламента и государства в целом, справедливости государственного управления.

Таким образом, можно заключить, что с XX в. начинается возвышение и массовое распространение парламентаризма на практике, несмотря на то, что начало XX в. продемонстрировало примеры использования парламентских институтов для прихода к власти фашистов и проведения античеловеческой политики. Стало понятно, что антидемократические режимы являются не прямым следствием работы парламентов, а создаются сочетанием многих факторов: экономических кризисов, распространения экстремистских идеологических

течений, милитаризации, использования манипулирования ожиданиями различных социальных групп, их агрессией и страхами. Более того, установлению этих режимов предшествовал отказ от базовых постулатов парламентаризма – политического плюрализма, разделения властей, верховенства закона, свободы волеизъявления депутатов и т.д.

Не унижает роль представительных органов и обнаружившийся со всей очевидностью в двадцатом столетии однозначный примат органов исполнительной власти в механизме государства. Его следует трактовать как объективное преимущество современной бюрократии, предопределенное ее профессионализмом, оперативностью, возможностью распоряжаться всеми ресурсами государства. И он, напротив, заставляет обращать большее внимание на создание юридических рычагов противодействия произволу исполнительной власти главным образом через инструменты парламентаризма.

Именно поэтому парламенты к настоящему времени получают распространение в большинстве стран всех континентов, наблюдаются процессы совершенствования их деятельности (расширяются избирательные права, институционализируются политические партии, легализуются формы парламентского контроля, защищаются права оппозиции и т.п.). Парламент стал рассматриваться мировым сообществом как неотъемлемый институт демократической государственности, создаются органы межгосударственного парламентского сотрудничества.

Вместе с тем описываемый период демонстрирует «модификацию» современных парламентских учреждений под влиянием информационного общества, прогрессивно нарастающего и усложняющегося объема правового регулирования, профессионализации процессов управления, международной интеграции, порождая делегированное законотворчество, лоббизм, слабость институтов парламентского контроля, а зачастую и популизм, излишнее партийное давление и другие негативные явления, которые требуют переосмысления эффективности работы законодательных органов.

Поэтому доктрина конституционного права в XX-XXI вв. на стыке с другими науками, применяя различные методы анализа, подробно исследует парламентские учреждения и сопряженные с ними явления, существенно обогащая концепцию парламентаризма и предлагая пути совершенствования деятельности законодательных органов в системе всего механизма государства.

Литература

1. Алебастрова И.А. Основы американского конституционализма. М.: Юриспруденция, 2001.
2. Боботов С.В., Жигачев И.Ю. Введение в правовую систему США. М.: Норма, 1997.

3. Бойко А.В. Становление парламентаризма в России и Германии конца 19 – начала 20 в. // История государства и права. 2009. № 3.
4. Бромхед П. Эволюция британской конституции. М.: Юридическая литература, 1978.
5. Гарнер Д. Великобритания: центральное и местное управление / пер. с англ. Н.А. Шульженко, В.Л. Энтина; под ред. Г.В. Барабашева. М.: Прогресс, 1984.
6. Государственный строй США / отв. ред. А.С. Никифоров. М.: Юридическая литература, 1976.
7. Демишель А., Демишель Ф., Пикемаль М. Институты и власть во Франции / пер. с фр. М.А. Крутоголова. М.: Прогресс, 1977.
8. Егоров С.А. Современная наука конституционного права США / отв. ред. А.А. Мишин. М.: Наука, 1987.
9. Жалинский А., Рерихт А. Введение в немецкое право. М.: Спарк, 2001.
10. История государства и права зарубежных стран: учебник / отв. ред. И.А. Исаев, Т.П. Филиппова. М.: Проспект, 2012.
11. История государства и права зарубежных стран: учебник. Т. 2: Современная эпоха / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М.: Норма, 2008.
12. Керимов А.Д. Парламентское право Франции. М.: Норма, 1998.
13. Конституционное право зарубежных стран: учебник для вузов / под ред. В.О. Лучина, Г.А. Василевича, А.С. Прудникова. М., 2001.
14. Крылова И.С. Парламент Великобритании // Парламенты мира: сб. М.: Интерпракс, 1991.
15. Лафитский В.И. Конгресс США // Парламенты мира: сб. М.: Интерпракс, 1991.
16. Марченко М.Н. Правовые системы современного мира. М.: Зерцало-М, 2008.
17. Масленникова С.В. Народное представительство и права граждан в РФ. М., 2001.
18. Матвеева О.М., Савицкий П.И. Конституционный статус депутата в парламентах стран Западной Европы. Екатеринбург, 1993.
19. Окуньков Л.А. Конституционное развитие европейских государств // Конституции государств Европы: в 3 т.; т. 1 / под ред. Л.А. Окунькова. М.: Норма, 2001.
20. Пилипенко А.Н. Вводная статья к Конституции Французской Республики // Конституции государств Европы: в 3 т. / под общ. ред. Л.А. Окунькова. М.: Норма, 2001. Т. 3.
21. Попов Н.Ю. Парламент Италии // Парламенты мира: сб. М.: Интерпракс, 1991.
22. Разделение властей: учебное пособие / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Юрайт-Издат, 2004.
23. Сэмпсон А. Новая анатомия Британии. М.: Прогресс, 1975.
24. Фархутдинов И.З. Парламентаризм на службе народов // Право и политика. 2006. № 9.
25. Фридман Л. Введение в американское право: пер. с англ. / под ред. М. Калантаровой. М.: Прогресс, 1993.
26. Хессе К. Основы конституционного права ФРГ / под ред. Н.А. Сидорова. М.: Юридическая литература, 1981.
27. Якушев А.В. Конституционное право зарубежных стран: курс лекций. М., 1999.
28. Finegold K., Skocpol G. State and Party in America's New Deal. Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1995.
29. Jarass H.D. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland: Kommentar / von H.D. Jaras und B. Pieroth. 6. Aufl. München: Besk, 2002.

УДК 342.723

Е.В. Лоос

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: elev_01@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ СУБЪЕКТОВ

Статья посвящена проблеме употребления понятий чести и достоинства, обозначающих фундаментальные личные права человека, применительно к коллективным субъектам. Автор анализирует подходы к рассматриваемому вопросу, сложившиеся в научной литературе и отечественном законодательстве.

Ключевые слова: честь, достоинство, права человека, организации, коллективные субъекты, государственно-правовая защита, деловая репутация.

E. V. Loos

a postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: elev_01@mail.ru

ON THE HONOR AND DIGNITY OF COLLECTIVE BODIES

The article deals with the use of the concepts of honor and dignity, denoting the individual's fundamental human rights, in relation to organizations and groups. The author analyzes approaches to the issue, prevailing in the scientific literature and national legislation.

Key words: honor, dignity, human rights, organizations, collective bodies, state and legal protection, business reputation.

Право как универсальный регулятор общественных отношений обладает социальной ценностью, это признается всеми без исключения учеными – исследователями общества независимо от их подходов к правопониманию. В рамках подхода к пониманию права как системы норм, в основе которой лежат нравственные ценности: свобода, равенство, справедливость, честь, достоинство, право признается ценностью безусловной.

Взаимосвязь правовых и неправовых социальных норм, к которым относятся социальные традиции, обычаи, нормы морали, нравственности и т.д., прослеживалась и исследовалась неоднократно. Широкий подход к пониманию права позволяет закреплять морально-нравственные нормы в качестве норм права, таким образом, придавая им форму и силу общеобязательности. Кроме того, тенденцией развития правовых категорий является расширение их понятия за счет морально-нравственного компо-

нента. В этой связи некоторые авторы рассматривают честь и достоинство, являющиеся личными правами, применительно к коллективным субъектам [9, с. 5; 13, с. 15]. Так, Н.М. Кузнецов считает необходимым постановку вопроса о разработке защиты чести, достоинства и деловой репутации не только индивидуального лица (причем как физического, так и юридического), но и народа, нации в целом [9, с. 10].

Подобная точка зрения, по нашему мнению, характерна для авторов, проводящих исследования в рамках отраслевых юридических наук и характеризуется четко выраженным позитивистским подходом. Между тем исследование сложной природы рассматриваемых понятий не может осуществляться в рамках одного типа правопонимания. Кроме того, при рассмотрении чести и достоинства необходимо учитывать этимологию этих терминов, их исторически сложившийся смысл.

Человеческое достоинство признается Конституцией Российской Федерации в качестве абсолютной, охраняемой государством ценности. Честь сама по себе не является объектом конституционной охраны, однако статьей 23 Основного Закона закреплено право человека на ее защиту [8]. Являясь высшей ступенью в иерархической лестнице правовой системы нашего государства, Конституция Российской Федерации не выделяет такой категории, как честь или достоинство коллективных субъектов.

Отраслевой законодатель занимает в этом вопросе соответствующую позицию. В российском законодательстве рассматриваемые категории в основном применяются в сфере гражданского права. Гражданский кодекс Российской Федерации, оперирующий понятиями «честь» и «достоинство», вводит термин «деловая репутация», который существует исключительно в рамках гражданско-правовых отношений. Исходя из смысла ч. 7 ст. 152 ГК РФ, объектом гражданско-правовой защиты организаций является только их деловая репутация [6]. Аналогичное разъяснение дает Верховный Суд Российской Федерации, четко разграничивающий понятия «честь и достоинство граждан» и «деловая репутация граждан и юридических лиц» [12].

Однако такая ситуация складывалась в отечественном законодательстве не всегда. В период зарождения советского государства Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. уже включал в себя главу 5 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности», позиционируя достоинство личности, наряду с другими личностными правами, в качестве объекта уголовно-правовой охраны. Вместе с тем в качестве объекта гражданско-правовой защиты честь и достоинство в СССР длительное время не выделялись. В гражданском праве рассматривался и подлежал возмещению лишь имущественный вред. Вопрос о моральном вреде хотя и поднимался в теории права [15], но на практике решался исключительно в рамках идеологической доктрины: принцип компенсации морального вреда признавался классово чуждым социалистическому правосознанию. Аналогичной позиции придерживалась и судебная практика. Так, ГКК Верховного Суда РСФСР в определении по делу № 32628 от 17 января 1927 г. отметил: «Понятие денежного возмещения морального вреда чуждо советскому правосознанию» [7]. В 1923 г. Харьковским губернским судом было отменено решение одного из народных судов, который удовлетворил иск за бесчестье. Отмена решения была мотивирована тем, что «в советском государстве человеческое достоинство может быть охранено лишь нормами уголовного, но не гражданского законодательства, и в противополо-

жность капиталистическому строю, где все расценивается на деньги, личность выше того, чтобы ее достоинство можно было бы оплачивать» [7].

8 декабря 1961 г. Верховный Совет СССР утвердил Закон СССР «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик». В Основах впервые появились общие черты развития гражданско-правового регулирования неимущественных отношений. В соответствии со статьей 7 указанного документа гражданин или организация были вправе «требовать по суду опровержения порочащих их честь и достоинство сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности» [10, с. 13].

Пленум Верховного Суда СССР в своем Постановлении от 17 декабря 1971 г. № 11 «О применении в судебной практике статьи 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик о защите чести и достоинства граждан и организаций» дал ряд разъяснений по вопросу защиты чести и достоинства. К примеру, было дано определение порочащих сведений: «Порочащими являются такие сведения, которые умаляют честь и достоинство гражданина или организации в общественном мнении или мнении отдельных граждан с точки зрения соблюдения законов, правил социалистического общежития и принципов коммунистической морали» [2, с. 86]. Таким образом, законодатель признавал существование категорий чести и достоинства организаций, приравняв их к чести и достоинству граждан.

Указанное Постановление с изменениями и дополнениями более 20 лет действовало на всей территории страны. Лишь 18 августа 1992 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении № 11 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении судами дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» достаточно четко разграничил понятия чести и достоинства граждан и деловой репутации граждан и юридических лиц.

Вместе с тем право юридических лиц на компенсацию морального вреда сохранялось в российском законодательстве и применялось на практике вплоть до 2013 г. Так, в 2005 г. ОАО «Альфа-Банк» обратилось в арбитражный суд с иском о защите деловой репутации, требуя признать не соответствующими действительности и порочащими его деловую репутацию материалы, опубликованные в газете, и взыскать с ответчика – издательского дома «Коммерсант» – 300 млн рублей нематериального вреда, причиненного умалением его деловой репутации (дело № А40-40374/04-89-467). Арбитраж-

ный суд г. Москвы иски о возмещении морального вреда удовлетворил полностью, суд апелляционной инстанции с его решением согласился, а кассация лишь уменьшила размер компенсации до 30 млн. В 2012 г. ЗАО «Лес» обратилось в суд с требованиями к Российской Федерации в лице Федеральной таможенной службы о взыскании 100 млн рублей возмещения морального вреда, причиненного умалением его деловой репутации (дело № А45-22134/2010). Решением арбитражного суда действия таможенных органов были признаны незаконными, однако в удовлетворении иска Президиум ВАС Российской Федерации отказал, сославшись на выводы судов первой и апелляционной инстанций.

Федеральным законом Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» право юридических лиц на компенсацию морального вреда было отменено. Это представляется совершенно обоснованным, поскольку моральный вред, определяемый в законе как физические и нравственные страдания, юридическое лицо, в отличие от лица физического, претерпевать не может. Однако случаи удовлетворения исков юридических организаций о компенсации морального вреда случались и после внесения поправок в закон. В 2014 г. общество с ограниченной ответственностью «МХС групп» обратилось в арбитражный суд Пермского края с иском к Российской Федерации в лице Федеральной службы судебных приставов о взыскании за счет казны Российской Федерации 49 666 рублей 53 копейки в возмещение морального вреда. Решением арбитражного суда Пермского края от 17.12.2014, оставленным без изменения постановлением Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.02.2015 и постановлением арбитражного суда Уральского округа от 18.05.2015, иски о возмещении морального вреда ООО «МХС групп» были удовлетворены в полном объеме. Таким образом, суды проигнорировали изменения, внесенные в ст. 152 ГК РФ. Экономическая коллегия Верховного Суда Российской Федерации признала указанные выводы ошибочными, отменила принятые судебные акты и отказала в удовлетворении иска (определение № 309-ЭС15-8331 от 17.08.2015).

В научной литературе единодушно отмечается слабая разработанность понятийного аппарата в сфере защиты личных неимущественных прав. Законодатель не дает определения понятиям чести и достоинства, а также близких к ним по смыслу и употребляемых в нормативных правовых актах понятий деловой репутации и доброго имени. Одни авторы трактуют это как пробел в праве [3, 14], другие считают, что в законодательной формулировке

указанных понятий нет необходимости [4, 5]. Так, М.Л. Гаскарова полагает, что понятия чести и достоинства не могут быть закреплены в правовой норме с исчерпывающей полнотой, поэтому оправданным является предоставление широких полномочий суду в части создания правоконкретизирующих положений [5, с. 9-10]. Первая точка зрения представляется более правильной, т.к. употребляемые в законе в едином словосочетании понятия «честь», «достоинство» и «деловая репутация» дают повод для их отождествления. На их тождественность прямо указывают и некоторые источники толкования законодательства [1, с. 464]. Указанное обстоятельство, на наш взгляд, создает в числе прочих предпосылки для появления таких эфемерных феноменов, как честь и достоинство юридического лица или организации.

Между тем рассматриваемые понятия, хотя и являются комплементарными, – по сути, понятия разные. А.М. Эрделевский дает их довольно удачные определения. В его понимании «честь – это сопровождающееся положительной оценкой общества отражение качеств лица в общественном сознании; достоинство – сопровождающееся положительной оценкой лица отражение его качеств в собственном сознании; деловая репутация – сопровождающееся оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании» [16, с. 134]. Таким образом, в общих чертах честь – это положительная внешняя оценка качеств личности; достоинство – внутренне присущее качество личности, ее самооценка; деловая репутация – внешняя оценка (как положительная, так и отрицательная) деловых качеств личности.

Понятия «честь» и «достоинство» – в первую очередь категории морально-нравственные, поскольку моральное пространство шире правового. Потому честь подразумевает оценку обществом в первую очередь морально-нравственных качеств личности. Об обладании такими качествами организацией либо иным коллективным субъектом можно говорить весьма условно. Совершенно справедливой представляется позиция А.М. Эрделевского, полагающего, что «понятие "достоинство" вряд ли уместно применять к юридическому лицу – искусственному образованию, не обладающему собственным сознанием и психикой» [16, с. 134]. «Что же касается чести юридического лица, – считает ученый, – это понятие полностью охватывается понятием "деловая репутация", понимаемым в широком смысле, т.е. оценка обществом поведения юридического лица не только в гражданско-правовых, но и в любых других свойственных природе юридического лица отношениях» [16, с. 134].

В современных условиях рассматриваемая проблема представляется чисто теоретической, однако проявляется и в законодательстве. Так, в действующей редакции Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» категория «честь и достоинство организаций» по-прежнему присутствует [11].

Достаточно спорным остается также вопрос о смысле, вкладываемом в термин «деловая репутация», его корректности и круге субъектов, к которым он может быть отнесен. Однако этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи.

Следует все же отметить, что честь и достоинство коллективных субъектов в природе имеют ме-

сто. Широко распространены такие категории, как «достоинство нации», «достоинство коллектива» и т.д. Можно выделить честь коллектива в системе более масштабного сообщества (честь нации в мировом сообществе, честь организации в профессиональном сообществе и т.д.). Безусловно, все они имеют право на существование, но только как категории философские, этические, но никак не правовые. Как объекты правовой защиты значение имеют только категории «достоинство личности» и «честь личности». Что же касается коллективных субъектов, то в области обеспечения их правовой защиты необходима разработка специфического понятийного аппарата.

Литература

1. Абова Т.Е., Кабалкин А.Ю. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: в 3 т.; т. 1: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. М.: Юрайт-Издат, 2006. 1069 с.
2. Банников С.Г. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924-1973. М.: Известия, 1974. 758 с.
3. Барсукова В.Н. Честь и достоинство личности: понятие и общая характеристика // Современное право. 2014. № 12. С. 20-25.
4. Безроднова К.В. Честь и достоинство как теоретико-правовые понятия (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 25 с.
5. Гаскарова М.Л. Правовая защита чести и достоинства личности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 151 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Зейц А.М. Возмещение морального вреда по советскому праву // Ежегодник советской юстиции. 1927. № 47. С. 1465-1466.
8. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Кузнецов Н.М. Содержание отношений по защите чести, достоинства и деловой репутации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с.
10. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. М.: Юрид. лит., 1964. 94 с.
11. О средствах массовой информации [Электронный ресурс]: Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 03.07.2016, с изм. и доп., вступившими в силу с 15.07.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Седов В.М. Условия и способы гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 29 с.
14. Сидоров В.А. Право на защиту чести и достоинства: соотношение права и морали: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 22 с.
15. Утевский Б. Возмещение неимущественного вреда как мера социальной защиты // Ежегодник советской юстиции. 1927. № 35. С. 1083-1084.
16. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. М.: Р. Валент, 2007. 272 с.

Административное право и административный процесс

УДК 343.72:004.77

А.П. Опальский, доктор экон. наук, профессор

УМВД России по Мурманской области;

А.И. Смирнов, канд. экон. наук, доцент

УМВД России по Мурманской области

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВОЙ СИСТЕМЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ДИСТАНЦИОННОМУ МОШЕННИЧЕСТВУ

В данной статье раскрываются особенности функционирования информационно-поисковой системы по противодействию дистанционному мошенничеству. Кроме того, авторами обозначены модули, обеспечивающие информационную безопасность.

Ключевые слова: информация, противодействие, мошенничество, преступление, Интернет, информационно-поисковая система.

A.P. Opalskiy, Ph.D. (Doctor of Economic Sciences), professor
Murmansk Regional Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

A.I. Smirnov, Ph.D. (Candidate of Economic Sciences), assistant-professor
Murmansk Regional Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON THE ACTIVITY OF THE SEARCH ENGINE ON REMOTE FRAUD COUNTERACTION

This article reveals the features of the functioning of the search engine to counteract remote fraud. In addition, the authors identify modules that provide information security.

Key words: information, counteraction, fraud, crime, Internet, search engine.

Важной составляющей развития общества была и остаётся информация. Если раньше накопленные знания передавались из поколения в поколение уст-

но, а затем и письменно, то объектом современного индустриального бума в мире технологий стало аудио- и визуальное восприятие информации. Одним

из основных источников информации стала сеть Интернет. Поиск нужных данных в сети приобретает всё большую практическую ценность. Однако по мере увеличения объёма информационных ресурсов возникла необходимость в применении специальных поисковых процедур или программных продуктов.

Существенный рост преступлений, совершённых на территории Мурманской области с использованием средств сотовой связи, а также хищений денежных средств с банковских карт граждан путём неправомерного использования вредоносных программных продуктов (в 2016 г. по сравнению с предыдущим 2015 г. доля данной категории преступлений возросла с 7,9 до 20,6%), потребовал выработки ответных мер реагирования со стороны органов внутренних дел.

В 2016 году доля телефонных мошенничеств в общем массиве преступлений, отнесённых к ст. 159 УК РФ, составила 65%, что практически в два раза превышает показатель 2015 года (35%). Аналогичная ситуация отмечается и с кражами денежных средств граждан таким своеобразным способом, как на удалённом расстоянии или, как мы его определили, дистанционным способом. Доля таких преступлений возросла с 6 до 15%. За последние два года сумма похищенных у граждан денежных средств только на территории Мурманской области

превысила 110 млн рублей (2015 г. – 45 млн рублей; 2016 г. – 65 млн рублей). А ведь данная тенденция характерна практически для всех регионов Российской Федерации.

Возрастающая нагрузка на органы внутренних дел в связи с ростом рассматриваемой категории преступлений потребовала автоматизации процесса контроля, сбора, учёта сведений и анализа работы по уголовным делам. В результате в УМВД России по Мурманской области была организована разработка и последующая опытная эксплуатация информационно-поисковой системы (далее – ИПС) «Дистанционное мошенничество», систематизирующей уголовные дела по заданным реквизитам, таким как: номера телефонов, с которых поступали звонки потерпевшим и на которые перечислялись денежные средства; IMEI телефонных аппаратов; адреса базовых станций; номера счетов и банковских карт; фамилии физических лиц; адреса банкоматов и иных устройств снятия денежных средств (рис. 1).

Совпадение одного или нескольких реквизитов делает возможным группировать уголовные дела с передачей в производство одному сотруднику или сформированной следственно-оперативной группе, что позволяет более результативно определять процессуальные шаги для их раскрытия и помогает проследить всю преступную цепочку.

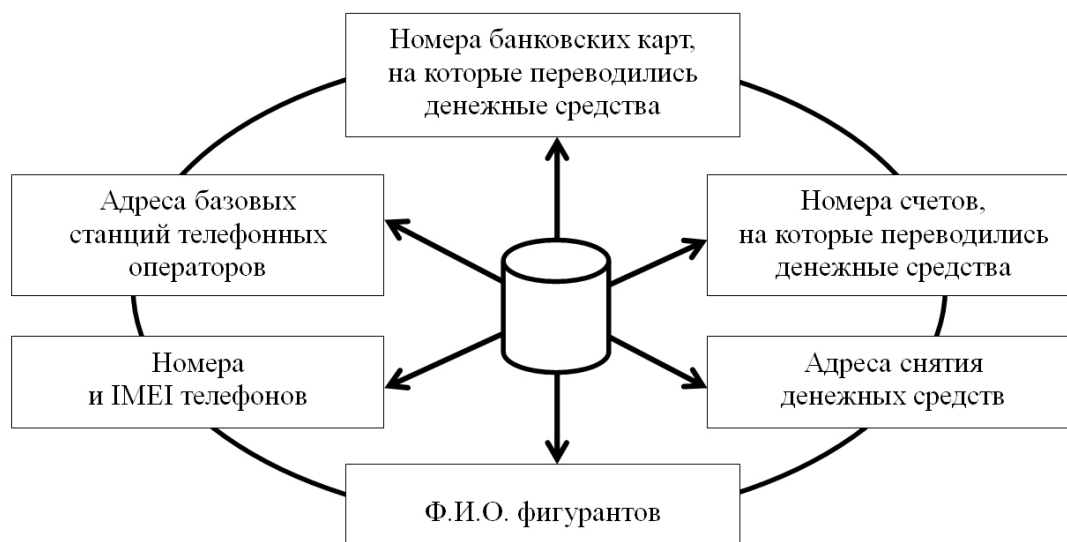

Рис. 1. Информация, формирующая базу данных ИПС «Дистанционное мошенничество»

По мере функционирования системы планируется осуществлять сбор информации в единой форме со всех органов внутренних дел, в т.ч. учреждений уголовно-исполнительной системы. География поиска будет постоянно расширяться. В результате межрегионального взаимодействия определяются закономерности совершения данного вида преступлений, устанавливаются причастные лица и места совершения противоправных действий.

Разработка ИПС «Дистанционное мошенничество» обусловлена отсутствием централизованных

учётов сведений по уголовным делам данной категории, что не позволяет проводить комплексный анализ совершённых преступлений в рамках одного или нескольких субъектов Российской Федерации. Межрегиональный характер указанных преступлений делает малоэффективными ведущие учётные в рамках одного субъекта РФ. По нашему мнению, ИПС «Дистанционное мошенничество» позволяет организовать информационный обмен между правоохранительными органами субъектов страны (см. рис. 2).

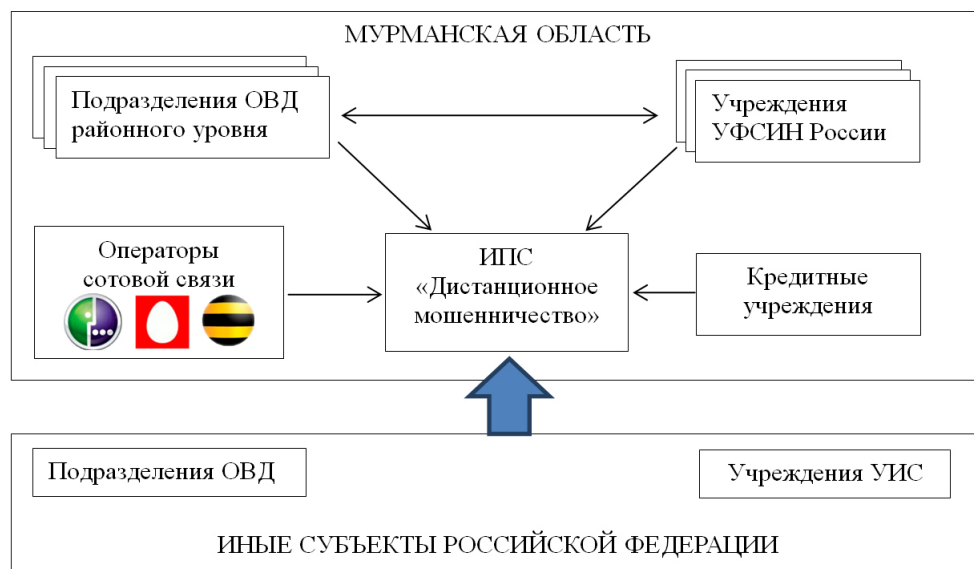

Рис. 2. Схема межведомственного и межрегионального взаимодействия по вопросам противодействия дистанционному мошенничеству

К моменту внедрения расширенного сервиса СОДЧ ИСОД МВД России (сервис обеспечения деятельности дежурных частей), обладающего схожими характеристиками, основная масса уголовных дел будет прекращена за истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности, что оставит без заслуженного наказания виновных лиц.

В ИПС «Дистанционное мошенничество» предусмотрено формирование сводных статистических отчётов по совпадению реквизитов из разных уголовных дел в разрезе территориальных органов внутренних дел.

Работа с ИПС начинается с авторизации. После ввода логина и пароля приступаем к работе с модулем ввода информации, в который вносятся установленные реквизиты по уголовному делу. Для того чтобы внести дополнительные реквизиты по уголовному делу в ИПС открывается форма ввода в режиме поиска. Можно найти любое дело, например, в поле «Номер документа» набрать 3359 и нажать кнопку «Найти». Откроется форма ввода в режиме редактирования.

Заполним адрес базовой станции по второму номеру телефона. В поле «Область» вводим Мурманская, в поле «Город» – Мурманск, в поле «Улица» – Ленина, в поле «Дом» – 38.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Формирование отчетов "Дистанционное мошенничество" на текущий момент

Сведения о совпадении реквизитов уголовных дел в ИПС "Дистанционное мошенничество"

№ п/п	Территориальный орган	Номер дела	Совпадение по номеру телефона	Совпадение по ФИО владельца	Совпадение по IMEI	Совпадение по номеру базовой станции	Совпадение по адресу базовой станции	Совпадение по номеру банковской карты	Совпадение по номеру банковского счёта
1	ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску	2900	9564 ОМВД России по Кольскому району						
2	ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску	3087	4371 МО МВД России "Кандалакшский"						
3	ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску	3318	8603 ОП № 2 УМВД России по г. Мурманску						
4	ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску	3319						8529 ОМВД России по Печенгскому району	
5	ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску	3350	8578 ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску		2399 ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску 4305 ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску 8658 ОП № 2 УМВД России по г. Мурманску 8558 ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску				
6	ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску	3358	2989 ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску 8485 ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску		2398 ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску 4305 ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску 8658 ОП № 2 УМВД России по г. Мурманску 8558 ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску				
7	ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску	3359	2988 ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску 8487 ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	8794 ОП № 2 УМВД России по г. Мурманску			411 ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску 706 ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску		
8	ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску	3383	877 ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску 1885 ОМВД России по ЗАТО Александровск 2433 ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску	877 ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску					

По окончании ввода информация сохраняется в базе данных.

Выбираем пункт меню «Межрегиональное совпадение реквизитов», подпункт «В разрезе УД».

Выбираем интересующий регион, например УМВД России по Мурманской области, далее выбираем территориальный орган, например ОП № 2 УМВД России по г. Мурманску. Дожидаемся построения отчёта.

№ п/п	Территориальный орган	Номер дела	Совпадение по номеру телефона	Совпадение по ФИО владельца	Совпадение по IMEI	Совпадение по номеру базовой станции	Совпадение по адресу базовой станции
6	ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску	3358	3358 ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску 8568 ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску		3358 ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску 4305 ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску 8658 ОП № 2 УМВД России по г. Мурманску 8558 ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску		
7	ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску	3359	3358 ОП № 1 УМВД России по г. Мурманску 8568 ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	8794 ОП № 2 УМВД России по г. Мурманску			411 ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску 706 ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску

На экране отобразятся уголовные дела, возбуждённые в ОП № 2 УМВД России по г. Мурманску, номер уголовного дела, совпадения реквизитов с другими уголовными делами, возбуждёнными в иных регионах и прочих территориальных органах ОВД Мурманской области. Например, номера телефонов по уголовному делу № 7123 совпадают по номерам телефонов с УД № 1500042 УМВД России по Псковской области, с уголовным делом № 252 ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску, с уголовным делом № 4378 МО МВД России «Кандалакшский», с уголовным делом № 4828 МО МВД России «Оленегорский», с уголовными делами № 7051, 7133 ОП № 2 УМВД России по г. Мурманску. Также у данного дела совпадают владельцы номера телефона в двух уголовных делах, возбуждённых в Мурманской области. По адресу базовой станции – с одним делом, возбуждённым в Мурманской области. По номеру банковской карты перевода денежных средств – с двумя уголовными делами, возбуждёнными в Мур-

манской области. По номеру банковского счёта совпадает с делами № 21100073 и 26100111 МВД по Республике Карелия и 5 делами, возбуждёнными в Мурманской области.

Система построена по технологии клиент-серверного веб-приложения аналогично сервисам, эксплуатируемым на базе ИСОД МВД России. Доступ и формирование информационно-поисковой системы на данном этапе осуществляется через любую ПЭВМ, подключенную к ИБД-Р. Использование проверенных временем технологий (а система ИБД-Р внедрена во всех регионах Российской Федерации) обеспечивает без дополнительных трудозатрат и финансовых издержек подключение к информационно-поисковой системе «Дистанционное мошенничество» всех заинтересованных регионов.

Предлагаемое нами решение в дальнейшем может быть интегрировано для работы в ИСОД МВД России.

<p>Коды, утвержденные на <u>федеральном</u> уровне (справочник для заполнения ДПУ № 12)</p> <p>48 – с использованием сети Интернет 49 – с использованием средств мобильной связи 50 – неправомерное списание денежных средств со счетов банковских карт</p>	<p>Дополнительные <u>региональные</u> коды (справочник для заполнения ДПУ №12_1) с 01.01.2016</p> <p>52 – путем использования вредоносных программ 53 – через онлайн-кабинет 54 – через банкоматы 55 – через интернет-магазин 56 – через объявления, размещенные в Интернете (АВИТО и др.) 57 – через «мобильный банк» – с 01.07.2016</p>
---	---

Опыт внедрения программного продукта потребовал формирования дополнительной правовой базы и методического обеспечения деятельности сотрудников.

В УМВД России по Мурманской области издан ряд правовых актов, регламентирующих работу подразделений, участвующих в расследовании и раскрытии преступлений рассматриваемой категории.

В целях повышения эффективности анализа и оценки оперативной обстановки в регионе с января 2016 г. было введено еще пять кодов, конкретизирующих специфику совершения преступлений, а с июля дополнительно ещё один. Это обусловлено тем, что используемые на уровне федерального статистического наблюдения коды для заполнения реквизита 26 статкарточки формы № 1 «На выявленное преступление» не охватывают всей сути криминологических характеристик преступлений рассматриваемой категории по способу их совершения.

Для контроля своевременности исполнения поручений был разработан алгоритм первоочередных следственных действий, подготовлены шаблоны запросов, необходимых для полноценного расследования уголовного дела.

Во взаимодействии с учреждениями уголовно-исполнительной системы наработана практика обмена информацией о номерах сим-карт, обнаруженных в ходе обысков у осуждённых.

Анализ введённой информации по уголовным делам, возбуждённым органами внутренних дел Мурманской области, показал регионы России, с территории которых осуществляется основная масса дистанционных краж и мошеннических действий. В первой пятёрке Московская, Новосибирская, Новгородская и Самарская области, Республика Татарстан.

Информационная система включает в себя три модуля:

- 1) ввод информации;
- 2) формирование статистической отчётности;
- 3) картографический сервис.

Модуль ввода информации обеспечивает заполнение минимально необходимых реквизитов по уголовному делу:

- об абонентских номерах, с которых поступали звонки потерпевшему и на которые перечислялись деньги;
- о номерах банковских карт и банковских счетов, на которые перечислялись деньги;
- IMEI-номера телефонов, с которых поступали звонки потерпевшему и на которые перечислялись деньги;
- номера и адреса базовых станций, с которых фиксировался звонок потерпевшему;
- фамилия, имя и отчество владельца номера телефона, с которого поступали звонки потерпевшему;
- номера и адреса устройств снятия денежных средств (банкоматы).

Раздел 1. Основная информация

Статус:

Орган:

Дата возбуждения: год месяц число N документа

Раздел 2. Информация о преступлении
 С какого абонентского номера звонили (смс сообщение) потерпевшему

Номер	IMEI	Номер базовой станции	ФИО владельца
1	<input type="text" value="9068963326"/>	<input type="text" value="356141068208040"/>	<input type="text" value="45473"/>
Адрес станции:		Область <input type="text" value="ХАНТЫ-МАНСКИЙ АО"/>	Город <input type="text" value="СУРГУТ"/>
		Улица <input type="text" value="ИНДУСТРИАЛЬНАЯ"/>	Дом <input type="text" value="20, КОРП.1"/>
2	<input type="text" value="9115563254"/>	<input type="text" value="35614106827462"/>	<input type="text" value="556321"/>
Адрес станции:		Область <input type="text" value="ХАНТЫ-МАНСКИЙ АО"/>	Город <input type="text" value="СУРГУТ"/>
		Улица <input type="text" value="ИНДУСТРИАЛЬНАЯ"/>	Дом <input type="text" value="20, КОРП.1"/>
3	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Адрес станции:		Область <input type="text"/>	Город <input type="text"/>
		Улица <input type="text"/>	Дом <input type="text"/>
4	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Адрес станции:		Область <input type="text"/>	Город <input type="text"/>
		Улица <input type="text"/>	Дом <input type="text"/>
5	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Адрес станции:		Область <input type="text"/>	Город <input type="text"/>
		Улица <input type="text"/>	Дом <input type="text"/>
6	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Адрес станции:		Область <input type="text"/>	Город <input type="text"/>
		Улица <input type="text"/>	Дом <input type="text"/>

Номер	IMEI	Номер базовой станции	ФИО владельца
1	<input type="text" value="9042304415"/>	<input type="text" value="356141068208040"/>	<input type="text" value="153255"/>
Адрес станции:		Область <input type="text" value="ИВАНОВСКАЯ"/>	Город <input type="text" value="ИВАНОВО"/>
		Улица <input type="text" value="ЛЕНИНА"/>	Дом <input type="text" value="25"/>
2	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Адрес станции:		Область <input type="text"/>	Город <input type="text"/>
		Улица <input type="text"/>	Дом <input type="text"/>
3	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Адрес станции:		Область <input type="text"/>	Город <input type="text"/>
		Улица <input type="text"/>	Дом <input type="text"/>
4	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Адрес станции:		Область <input type="text"/>	Город <input type="text"/>
		Улица <input type="text"/>	Дом <input type="text"/>
5	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Адрес станции:		Область <input type="text"/>	Город <input type="text"/>
		Улица <input type="text"/>	Дом <input type="text"/>
6	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Адрес станции:		Область <input type="text"/>	Город <input type="text"/>
		Улица <input type="text"/>	Дом <input type="text"/>

Номер устройства (банкомата) и адрес снятия денежных средств
1. Номер <input type="text" value="7002365"/>
Область <input type="text" value="ИВАНОВО"/>
Улица <input type="text" value="ЛЕНИНА"/>
Дом <input type="text" value="42"/>
2. Номер <input type="text"/>
Область <input type="text"/>
Улица <input type="text"/>
Дом <input type="text"/>
3. Номер <input type="text"/>
Область <input type="text"/>
Улица <input type="text"/>
Дом <input type="text"/>
4. Номер <input type="text"/>
Область <input type="text"/>
Улица <input type="text"/>
Дом <input type="text"/>
5. Номер <input type="text"/>
Область <input type="text"/>
Улица <input type="text"/>
Дом <input type="text"/>
6. Номер <input type="text"/>
Область <input type="text"/>
Улица <input type="text"/>
Дом <input type="text"/>

IP-адрес:

Данный минимум обеспечивает не только экономии времени на ввод информации, но и позволяет в автоматическом режиме обеспечить группировку уголовных дел для принятия решения о передаче в производство одному сотруднику или следственно-оперативной группе.

Модуль статистической отчетности состоит из 6 разделов:

- 1) региональное совпадение реквизитов;
- 2) межрегиональное совпадение реквизитов;
- 3) незаполненные реквизиты;
- 4) некорректные реквизиты;
- 5) сведения о телефонах, изъятых в учреждениях ФСИН при проведении досмотровых мероприятий;

б) методическое обеспечение.

Раздел «Региональное совпадение реквизитов» позволяет формировать отчеты:

- по совпадению реквизитов в разных уголовных делах;
- по совпадению реквизитов в разных уголовных делах в разрезе территориальных органов внутренних дел;
- в разрезе уголовных дел, отнесенных к тому или иному территориальному органу внутренних дел, с указанием совпадения с другими уголовными делами.

№ п/п	Номер телефона	Территориальный орган	Номер УД	Дата возбуждения УД	Орган
1	4951337542	ОП № 3 УМВД России по г.Мурманску	82	19.01.2016	Следствие
2		ОП № 2 УМВД России по г.Мурманску	8297	22.07.2016	Следствие
3	4951338999	ОМВД России по ЗАТО Александровск	2124	02.06.2016	Дознание
4		ОМВД России по г.Мончегорску	4550	11.06.2016	Следствие

Раздел «Межрегиональное совпадение» формирует отчёты по совпадению реквизитов уголовного дела в нескольких регионах, во-первых, по разным

уголовным делам, а во-вторых, в разрезе уголовных дел с разбивкой по территориальным органам внутренних дел.

Территориальный орган	Всего	Следствие		Дознание			
		Всего	Из них соединено		Всего	Из них соединено	
			соединено	снято		соединено	снято
МО МВД России "Апатитский"	69	35	12	9	34	13	12
МО МВД России "Кандалакшский"	25	20	7	7	5	0	0
МО МВД России "Оленегорский"	27	8	2	2	19	0	1
МО МВД России по ЗАТО г.Североморск и г.Островной	36	25	1	1	11	3	0
МО МВД России "Поларкозоренский"	26	7	1	1	19	1	1
ОМВД России по г.Мончегорску	41	26	4	2	15	0	0
ОМВД России по ЗАТО Александровск	27	14	2	0	13	2	0
ОМВД России по ЗАТО г.Заозерск	3	2	0	0	1	0	0
ОМВД России по ЗАТО в Видево	1	1	0	0	0	0	0
ОМВД России по Кольскому району	27	15	5	0	12	1	0
ОМВД России по Печенгскому району	27	23	7	7	4	0	0
ОП № 1 УМВД России по г.Мурманску	64	40	17	13	24	0	0
ОП № 2 УМВД России по г.Мурманску	57	36	11	8	21	0	2
ОП № 3 УМВД России по г.Мурманску	111	77	38	27	34	3	8
Всего по области	541	329	107	77	212	23	24

Раздел «Незаполненные реквизиты» формирует отчёты с отражением:

1. Территориальных органов, не получивших ответ по ранее направленным запросам в рамках

уголовных дел в соответствии с заданными сроками, отдельно по следствию и дознанию.

2. Реквизитов уголовных дел, по которым не введена информация.

Формирование отчетов "Дистанционное мошенничество" на текущий момент

Сведения о преступлениях, по которым не введена информация в ИПС "Дистанционное мошенничество"

№ п/п	Территориальный орган	Номер дела	Дата возбуждения	Подразделение	Телефон	ФИО	IMEI	Базовая станция	Банковская карта	Банковский счет
1	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	2	03.01.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
2	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	8	02.01.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
3	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	47	11.01.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
4	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	48	11.01.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
5	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	52	13.01.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
6	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	63	14.01.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
7	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	62	19.01.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
8	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	83	18.01.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
9	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	102	24.01.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
10	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	110	23.01.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
11	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	111	22.01.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
12	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	126	26.01.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
13	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	132	26.01.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
14	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	147	28.01.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
15	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	151	29.01.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
16	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	154	30.01.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
17	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	155	28.01.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
18	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	157	28.01.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
19	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	189	05.01.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
20	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	235	10.02.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
21	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	237	10.02.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
22	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	240	11.02.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
23	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	252	13.02.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
24	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	260	15.02.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
25	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	269	18.02.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-
26	ОП № 3 УМВД России по г. Мурманску	277	19.02.2016	Следствие	-	-	-	-	-	-

Раздел позволяет организовать контроль сроков исполнения запросов по материалам уголовного дела в виде отслеживания незаполненных реквизитов на определенную дату, а также полноту вносимых сведений.

Раздел «Некорректные реквизиты» формирует отчёты в разрезе территориальных органов по уголовным делам, в которых присутствуют некорректные данные, что позволяет своевременно осуществлять их исправление.

Раздел «Сведения о телефонах, изъятых в учреждениях ФСИН при проведении досмотровых мероприятий» позволяет увязать данные об изъятых в ходе проведения досмотровых мероприятий в учреждениях ФСИН средствах связи и сим-картах с реквизитами расследуемых уголовных дел и определить круг лиц, возможно причастных к совершенным мошенническим действиям.

Формирование отчетов "Дистанционное мошенничество" на текущий момент

Сведения об изъятых телефонах ФСИН

Измъятые телефоны

Совпадения номеров с Дистанционным мошенничеством

Измъятые телефоны

Номер телефона IMEI

№ п/п	Номер телефона	IMEI телефона
1		358374047984593
2		351656051539191
3		358578039423389
4		3585043170011
5		354655050035695
6		356466031495065
7		352847052590773
8		356491063993837
9		35051047172287
10		354319007360155
11		354630051445482
12		863859024732902
13		356491063993829
14		357963053862783
15		357964053862781
16		358500041187657
17		356717053685853
18		35401305423850
19		354115053619696
20		359204054471114
21		353135050945992
22		860659007366745

Раздел «Методическое обеспечение» содержит инструкции по пользованию информационной системой, шаблоны типовых запросов, а также нормативную базу.

В дополнение к описываемой системе разработан *картографический сервис*, позволяющий определять возможные места совершения преступлений для дальнейшего планирования комплекса оперативно-разыскных и следственных мероприятий.

Используя технологии, предоставляемые компанией «Яндекс», на карту наносятся метки по адресам базовых станций, фигурирующих в уголовных делах, а также метки по адресам учреждений ФСИН, расположенных в зоне охвата базовой станции и банковских учреждений. При попадании учреждения ФСИН в зону действия сотовой базовой станции появляется возможность предположить возможное местонахождение лица, совершившего мошеннические действия.

На основании нормативно-правовых актов Банка России разрабатывается программно-техническое решение, позволяющее по номеру лицевого счёта определить фактическое расположение филиала кредитного учреждения. В дальнейшем это позволит более эффективно организовать мероприятия по установлению лиц, на чьи счета переводились денежные средства потерпевших.

Способность системы определять место возможного совершения преступления, группировка уголовных дел по различным реквизитам у определённого круга сотрудников, а также возможность отслеживать состояние дел в других регионах в режиме реального времени значительно сократят трудозатраты, снизят командировочные расходы, обеспечат действенное межрегиональное взаимодействие и позволят в разы повысить эффективность работы правоохранительных структур.

УДК 342.9

Д.В. Пивоваров

Омская академия МВД России

E-mail: pivovar-off@yandex.ru

ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ НА СОСТОЯНИЕ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЕ НА МЕДИЦИНСКОЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ НА СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ КАК МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

В статье рассматривается правовая природа, правоприменительная практика, проблемные аспекты применения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения. Обоснованы предложения, направленные на совершенствование нормативных правовых актов путем внесения изменений в законодательство об административных правонарушениях.

Ключевые слова: меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, ответственность физических лиц.

D. V. Pivovarov

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: pivovar-off@yandex.ru

ALCOHOLIC INTOXICATION EXAMINATION AND APPOINTMENT FOR ALCOHOLIC INTOXICATION EXAMINATION AS MEASURES OF LEGAL PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE VIOLATIONS

This article examines the legal nature, law enforcement practice and problematic aspects of the use of alcoholic intoxication examination and appointment for alcoholic intoxication examination. The proposals for improvement of normative legal acts by making changes in the legislation on administrative offences are justified.

Key words: measures of legal proceedings on administrative violations, alcoholic intoxication examination, appointment for alcoholic intoxication examination, individuals' liability.

Количество административных правонарушений, тем или иным образом связанных с употреблением алкоголя, продолжительное время остается на высоком уровне. Так, в Омской области в 2013 г. было совершено 65 789 административных правонарушений, связанных с употреблением алкоголя, в 2014 г. – 61 955, в 2015 г. – 51 423, что составляет значительный процент от общего числа административных правонарушений¹.

Следует отметить также, что большое количество иных административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, совершается в состоянии опьянения, однако медицинское освидетельствование не проводится, а факт опьянения если и фиксируется, то на основании показаний лица, привлекаемого к административной ответственности, свидетелей и сотрудников полиции.

¹ По данным ИЦ УМВД России по Омской области.

Анализ 305 дел об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, позволяет сделать вывод о том, что более чем в 20% случаев административные правонарушения совершались в состоянии опьянения (по большей части алкогольного).

В соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [6] (далее – КоАП РФ) до 2014 г. сотрудникам полиции было предоставлено право проведения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и направления на медицинское освидетельствование только лиц, привлекаемых к административной ответственности по административным правонарушениям, квалифицирующим признаком которых является состояние опьянения, а именно управление транспортным средством соответствующего вида в состоянии опьянения (например, управление судном судоводителем или иным лицом, находящимся в состоянии опьянения (ст. 11.9 КоАП РФ); нарушение правил безопасности эксплуатации воздушных судов (ч. 7 ст. 11.5 КоАП РФ); и безусловно, наиболее распространенное административное правонарушение данной категории – управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, либо передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения (ст. 12.8 КоАП РФ)). Следует заметить, что данной проблематике в научных кругах уделялось значительное внимание [2-4]. При этом освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и направление на медицинское освидетельствование лиц, привлекаемых к административной ответственности за совершение административных правонарушений, не связанных с управлением транспортным средством, КоАП РФ не предусматривались.

Отсутствие правовых механизмов указанных мер в КоАП РФ частично компенсировалось положениями иных нормативных правовых актов. Так, в п. 14 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции» закреплено право сотрудника полиции направлять на медицинское освидетельствование граждан в случае, если результат данного освидетельствования будет подтверждать или опровергать сам факт совершения административного правонарушения либо будет способствовать объективному рассмотрению дела об административном правонарушении (без уточнения конкретных составов административных правонарушений). Сотрудники Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков могли направлять на медицинское освидетельствование на состояние опьянения в соответствии со ст. 44 Феде-

рального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [10]. Названное противоречие было устранено с принятием Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия» [9] и введением в действующее административное законодательство ст. 27.12.1 КоАП РФ, предусматривающей возможность направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения (за исключением лиц, указанных в ч. 1 и 1.1 ст. 27.12 КоАП РФ), в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они находятся в состоянии опьянения.

Введение этой нормы представляется необходимым и вытекающим из действующего административного законодательства. Так, нередко состояние опьянения является квалифицирующим признаком административного правонарушения. Например, совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.13 КоАП РФ (Стрельба из оружия в отведенных для этого местах с нарушением установленных правил или в не отведенных для этого местах), в состоянии опьянения влечет значительное ужесточение наказания (применительно к штрафу – более чем десятикратное увеличение его размера). Кроме того, указанным федеральным законом ст. 20.8 КоАП РФ пополнилась двумя новыми составами, а именно: ч. 4.1 «Ношение огнестрельного оружия лицом, находящимся в состоянии опьянения» и ч. 4.2 «Невыполнение лицом, осуществляющим ношение огнестрельного оружия, законного требования сотрудника полиции о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения». По ряду административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, сам факт появления в общественных местах в состоянии опьянения представляет собой событие административного правонарушения. Соответственно, установление факта опьянения правонарушителя относится к ключевым доказательствам вины данного лица. Например: потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах (ст. 20.20 КоАП РФ); появление в общественных местах в состоянии опьянения (ст. 20.21 КоАП РФ); нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних, потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потре-

ние ими наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ (ст. 20.22 КоАП РФ).

Кроме того, при рассмотрении дел об административных правонарушениях, в которых состояние опьянения не является квалифицирующим признаком, в соответствии с п. 6 ст. 4.3 КоАП РФ судьей, органом или должностным лицом, назначающим административное наказание, в зависимости от характера совершенного административного правонарушения состояние опьянения лица, совершившего административное правонарушение, либо отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения могут быть признаны обстоятельствами, отягчающими административную ответственность.

В дальнейшем в целях реализации ст. 27.12.1 КоАП РФ были приняты «Правила направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения» [12], где весьма лаконично и неполно разъяснялась процедура применения данной меры. Эти недостатки были устранены принятием Приказа Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» [11], достаточно подробно разъясняющего процедуру применения указанной меры, основания освидетельствования, количественные критерии и т.д.

Анализируя ст. 27.12.1 КоАП РФ, можно сделать вывод, что теперь любой правонарушитель с признаками опьянения может подлежать направлению на медицинское освидетельствование на состояние опьянения. Полагаем, что необходимость применения рассматриваемой меры возникает далеко не в каждом случае и не всегда влияет на квалификацию административного правонарушения либо признается отягчающим обстоятельством. В пользу такой позиции свидетельствует и действующее административное законодательство, закрепляющее в п. 6 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ, что в зависимости от характера совершенного административного правонарушения при назначении административного наказания состояние опьянения лица, совершившего административное правонарушение, может быть не признано в качестве отягчающего обстоятельства.

Судебная практика указывает на необязательность направления на медицинское освидетельствование. Так, например, Алтайский краевой суд в своем Постановлении от 7 сентября 2015 г. по делу № 4а-742/2015 отклонил ссылку лица, привлеченно-

го к административной ответственности по ст. 20.21 КоАП РФ (Появление в общественных местах в состоянии опьянения), на то, что в отношении него не проводилось медицинское освидетельствование. С позиции суда данное обстоятельство не свидетельствовало об отсутствии вмененного административного правонарушения, а состояние алкогольного опьянения, оскорбляющее человеческое достоинство и общественную нравственность, было выявлено по клиническим признакам [13].

По нашему мнению, данную принудительную меру необходимо применять только к лицам, совершившим грубые и, несомненно, обладающие признаком общественной опасности административные правонарушения, которые влекут в качестве одной из мер наказания лишение специального права, предоставленного физическому лицу, административный арест, обязательные работы и административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения, а также к несовершеннолетним.

Перечисленные меры административной ответственности являются наиболее строгими санкциями за совершение административного правонарушения, и состояние опьянения в качестве отягчающего обстоятельства может стать причиной для их назначения.

Следует заметить, что в ст. 27.12.1 КоАП РФ не предусмотрена возможность освидетельствования на состояние алкогольного опьянения. При этом направление в каждом случае на медицинское освидетельствование бывает затруднено организационными сложностями, такими как удаленность медицинской организации, имеющей право проводить медицинское освидетельствование, либо медицинского работника с соответствующей подготовкой; отсутствие возможности доставления правонарушителя в данную медицинскую организацию; очереди в медицинских учреждениях. Таким образом, сотрудник полиции вынужден затрачивать значительное количество времени на доставку лица, совершившего административное правонарушение в медицинское учреждение для проведения медицинского освидетельствования. Отметим, что возможность проведения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения (за исключением лиц, управляющих транспортными средствами) предлагалась ранее некоторыми авторами [5; 8, с. 169], однако до настоящего времени не получила законодательного закрепления. Полагаем целесообразным предоставить право освидетельствования на состояние алкогольного опьянения с помощью технических средств измерения сотрудникам полиции, уполномоченным составлять протоколы об

административных правонарушениях, в пределах их компетенции.

Считаем, что наряду с направлением на медицинское освидетельствование ст. 27.12.1 КоАП РФ следует дополнить освидетельствованием на состояние алкогольного опьянения.

Таким образом, предлагаем название рассматриваемой нормы изложить в следующем виде: «Статья 27.12.1. Освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения». В соответствии с этим внести следующие изменения в данную норму:

- ч. 1 после слов «имеются достаточные основания полагать, что они находятся в состоянии опьянения...» дополнить следующей фразой «... подлежат освидетельствованию на состояние алкогольного опьянения либо направлению на медицинское освидетельствование на состояние опьянения. При отказе от прохождения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения либо несогласии указанного лица с результатами освидетельствования, а равно при наличии достаточных оснований полагать, что лицо находится в состоянии опьянения, и отрицательном результате освидетельствования на состояние алкогольного опьянения указанное лицо подлежит направлению на медицинское освидетельствование на состояние опьянения»;

- в ч. 2 перед словами «...направление на медицинское освидетельствование» добавить «Освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и оформление его результатов...»;

- в ч. 3 перед словами «...о направлении на медицинское освидетельствование» добавить слова «Об освидетельствовании на состояние алкогольного опьянения, а также...»;

- в ч. 4 после слов «В протоколе...» добавить слова «...освидетельствования на состояние алкогольного опьянения...»;

- в ч. 5 после слов «Протокол...» добавить слова «...освидетельствования на состояние алкогольного опьянения...»;

- в ч. 6 после слов «...лицо находится в состоянии опьянения и подлежит...» добавить слова «... освидетельствованию на состояние алкогольного опьянения...», после слов «...и порядок проведения...» добавить слова «...освидетельствования на состояние алкогольного опьянения...»;

- в ч. 7 перед словами «акт медицинского освидетельствования» добавить слова «Акт освидетельствования на состояние алкогольного опьянения или...».

Учитывая, что административное законодательство отличается оперативностью применения, считаем, что нет необходимости освидетельствования на состояние алкогольного опьянения либо направления на медицинское освидетельствование правонарушителей, признающих факт нахождения в состоянии опьянения и удостоверивших данный факт в протоколе об административном правонарушении (или другом процессуальном документе) под подпись и не оспаривающих факт совершения административного правонарушения. В том случае если лицо не признает своей вины в совершении административного правонарушения либо отрицает факт нахождения в состоянии опьянения при наличии достаточных оснований полагать, что данное лицо находится в состоянии опьянения, следует проводить освидетельствование на состояние алкогольного опьянения (либо направлять на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лицо с признаками наркотического опьянения). Следует указать также, что при несогласии лица с результатами освидетельствования на состояние алкогольного опьянения либо при наличии достаточных оснований полагать, что лицо находится в состоянии опьянения, и отрицательном результате освидетельствования на состояние алкогольного опьянения такое лицо подлежит направлению на медицинское освидетельствование.

Не решена проблема привлечения лица к ответственности за отказ от прохождения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения либо медицинского освидетельствования. Изучение дел об административных правонарушениях показало, что в 21% случаев правонарушитель был направлен на медицинское освидетельствование, в 70,5% случаев – отказался от его прохождения, 22,5% правонарушителей указали об отказе от прохождения медицинского освидетельствования в своем объяснении, в 11,5% случаев – в графе о согласии (несогласии) ничего не указано. Таким образом, фактически медицинское освидетельствование было проведено в 18% случаев. Некоторые авторы предлагают в таких ситуациях привлекать лицо к административной ответственности за неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции (ст. 19.3 КоАП РФ) [1, 7]. Действительно, такой подход на настоящий момент представляется оправданным, однако, с нашей позиции, следует ввести специальную норму, предусматривающую ответственность физических лиц за отказ от прохождения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения либо медицинского освидетельствования (по аналогии со ст. 12.26 КоАП РФ).

Литература

1. Гирько С.И., Воронин М.Ю., Драган Г.Н. Комментарий к Федеральному закону «О наркотических средствах и психотропных веществах» (постатейный). М., 2010.
2. Головки В.В., Губин А.И. Управление транспортными средствами водителями в состоянии опьянения: проблемы и перспективы // Алтайский юридический вестник. 2014. № 6. С. 47-52.
3. Головки В.В., Иванова О.А. Управление транспортным средством водителем в состоянии наркотического опьянения: теория и практика противодействия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 4 (59). С. 33-34.
4. Дизер О.А. Административная ответственность за совершение правонарушений, связанных с потреблением наркотических средств или психотропных веществ // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 3 (54). С. 32-35.
5. Дизер О.А., Водяная М.Ю. Освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование лиц, совершивших административные правонарушения в состоянии опьянения // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: мат-лы ежегодной всерос. науч.-практ. конф-ции / сост. Ю.Е. Аврутин, А.И. Каплунов. СПб., 2015. С. 134-138.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. федерального закона от 22 ноября 2016 г. № 393-ФЗ) // Российская газета. 2001. 31 дек.; 2016. 24 нояб.
7. Кузьмин В.А., Китрова Е.В. Комментарий к Федеральному закону от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (постатейный). 2-е изд. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Мотрович И.Д. Предупреждение и пресечение органами внутренних дел (полицией) административных правонарушений в сфере общественного порядка, связанных с потреблением алкогольной и спиртосодержащей продукции и появлением в состоянии алкогольного опьянения в общественных местах: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2014.
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия: федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 227-ФЗ // Российская газета. 2014. 23 июля.
10. О наркотических средствах и психотропных веществах: федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (в ред. федерального закона от 3 июля 2016 г. № 305-ФЗ) // Российская газета. 1998. 15 янв.; 2016. 12 июля.
11. О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического): приказ Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н // Российская газета. 2016. 23 марта.
12. Об утверждении Правил направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения: постановление Правительства Российской Федерации от 23 января 2015 г. № 37 // Российская газета. 2015. 4 февр.
13. Подборка судебных решений за 2015 год: Статья 20.21 «Появление в общественных местах в состоянии опьянения» КоАП РФ (В.Н. Трофимов) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 351.745:364.63

А.В. Равнюшкин, канд. юрид. наук

Барнаулский юридический институт МВД России

О ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ПОБОЕВ (СТ. 6.1.1 КОАП РФ)

В статье рассматриваются проблемные аспекты, связанные с декриминализацией ответственности за причинение побоев без квалифицирующих признаков (ст. 116 УК РФ) и установлением наказания в виде административной ответственности (ст. 6.1.1 КоАП РФ). По мнению автора, состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, не учитывает психического насилия, причиняемого потерпевшему. С целью устранения данной коллизии предлагается расширить диспозицию указанной статьи, а также внести в КоАП РФ связанные с указанной статьей дополнения.

Ключевые слова: декриминализация, побои, физическая и психическая боль, освидетельствование, участковый уполномоченный полиции.

A. V. Ravnyushkin, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ABOUT PROBLEMATIC ASPECTS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR CAUSING OF BEATING (ARTICLE 6.1.1 OF THE CODE ON ADMINISTRATIVE OFFENCES OF THE RUSSIAN FEDERATION)

The article discusses the problematic aspects related to the decriminalization of responsibility for causing of beating without aggravating circumstances (article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the establishment of administrative responsibility (article 6.1.1 of the Code on Administrative Offences of the Russian Federation). According to the author, an administrative offense under article 6.1.1 of the Code on Administrative Offences of the Russian Federation does not take into account mental violence caused to the victims. To eliminate this conflict it is proposed to extend the provisions of this article and to amend of the Code on Administrative Offences of the Russian Federation associated with this article.

Key words: decriminalization, beatings, physical and mental pain, examination, district police officer.

В последнее время административно-правовое регулирование в области административной защиты семейно-бытовых отношений отличается высокой степенью динамичности. В конце 2016 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, помимо прочих, поступила еще одна законотворческая инициатива – законопроект о декриминализации побоев в семье, который 7 февраля 2007 г. был подписан Президентом

Российской Федерации и вступил в действие с момента официального опубликования [4].

Следует отметить, что это один из первых случаев, когда насильственное преступление в Российской Федерации декриминализуется. В соответствии с данными поправками первый случай семейно-бытового конфликта с применением насилия будет квалифицироваться как административное правонарушение (ст. 6.1.1 КоАП РФ). В случае

если такое лицо уже привлекалось по данной статье к ответственности, то оно подлежит ответственности по ст. 116.1. УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию». В данном случае имеет место административная преюдиция – деяние становится преступлением, если оно совершено в течение года после привлечения к административному наказанию за такое же нарушение. Законодатель включил данную статью в главу 6 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность», определив тем самым объект правонарушения. Административные правонарушения, совершаемые в сфере семейно-бытовых отношений, в основном направлены против личности, посягают на такой основной непосредственный объект, как права граждан на личную безопасность, здоровье посредством физического и психического насилия со стороны конкретных членов семьи, окружающих, которые проживают с ним вместе.

Необходимо отметить, что установление ответственности за противоправные действия в сфере семейно-бытовых отношений в отечественном законодательстве имеют исторические предпосылки [6].

В июле 2016 г. по предложению Верховного Суда Российской Федерации ответственность за побои, причиненные вне сферы семейно-бытовых отношений, из уголовной была переведена в административную [3]. Однако уже в феврале 2017 г. оставление уголовной ответственности за «семейные» побои было признано ошибкой [2].

Полагаем, что данные поправки положительным образом скажутся на эффективности предупреждения и пресечения правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, – как на объектах, так и на субъектах профилактики:

- статья 6.1.1 КоАП РФ «Побои» содержит санкцию, включающую такой вид административного наказания, как административный арест от десяти до пятнадцати суток. Следует отметить, что данное административное наказание отличается реальностью исполнения. У виновного имеется реальная возможность обстоятельно подумать о совершенном правонарушении, переоценить собственное поведение и сложившееся в семье положение;

- включение административной ответственности за побои в виде административного ареста также означает, что сотрудники полиции, включая участковых уполномоченных полиции (далее – УУП), получают право задерживать таких лиц. Доставка лица в территориальный орган внутренних дел МВД России позволит оперативно, решительно пресечь противоправные действия в

отношении членов семьи, а задержание – объективно, полно, своевременно и всесторонне обеспечить производство по делу об административном правонарушении;

- помимо административного ареста санкция по рассматриваемой статье предусматривает другие, по нашему мнению, далеко не «мягкие» виды наказания, как наложение административного штрафа в размере от пяти тысяч до тридцати тысяч рублей либо обязательные работы на срок от шестидесяти до ста двадцати часов. Наличие альтернативных видов наказания за причинение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, позволит определить органу административной юрисдикции справедливое наказание.

Полагаем, что другие административно-правовые средства, такие как профилактическая беседа, правовое информирование, будут носить более весомый характер, когда они подкрепляются возможностью применения административного задержания и в конечном итоге такими довольно строгими мерами административного наказания.

Несмотря на положительные аспекты установления административной ответственности за побои, полагаем, что диспозиция данной статьи (ст. 6.1.1 КоАП РФ) не учитывает факта психического насилия над потерпевшим. Поверхностные повреждения (ссадина, кровоподтек, ушиб мягких тканей и др.) относятся к следам физического насилия, являясь его последствиями. Противоправные действия виновного, предшествующие причинению физического насилия, никак законодателем не учтены, хотя они тоже причиняют вред потерпевшему, скорее психический, моральный. Полагаем, что факт психического насилия над потерпевшим также следует указать в объективной стороне состава административного правонарушения.

Диспозицию рассматриваемой статьи в части «совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 Уголовного кодекса Российской Федерации, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния» необходимо дополнить и фактом причинения психической боли, которая на практике причиняется посредством угроз применения насилия, не опасного для жизни или здоровья. С учетом этого диспозиция статьи будет выглядеть следующим образом:

«Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую и (или) психическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 Уголовного кодекса Российской Федерации, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния».

Аналогично данные предложения должны быть учтены в ст. 116 УК РФ «Побои» и в ст. 116.1 УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию».

В отечественном праве понятия «угроза» и «применение насилия, не опасного для жизни или здоровья» конкретно определены, широко применяются, например в уголовном праве. Понятие «применение насилия, не опасного для жизни или здоровья» имеет место при таких составах преступлений, как грабеж с квалифицирующим признаком (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ), применение насилия в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ).

В практике органов дознания имеется множество случаев исследования материалов, когда в отношении члена семьи, сожителя, соседа лицо угрожало применить насилие, причинить им вред здоровью и даже угрожало убийством, но за отсутствием признаков состава преступления выносилось постановление об отказе в возбуждении уголовного дела (не имелись основания их реально опасаться).

В целях обеспечения принципа законности и устранения возможности укрытия преступлений (при повторности совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ «Побои») УУП обязаны проверить лицо, причинившее побои или физическую боль, посредством модуля «Административная практика» Сервиса обеспечения охраны общественного порядка (далее – АП СООП) МВД России. При установлении факта, что лицо ранее не привлекалось к данному виду административной ответственности, осуществляется административное расследование согласно требованиям, предусмотренным ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ. Следует отметить, что каких-либо положений об исключительных случаях, когда административное расследование по ст. 6.1.1 КоАП РФ не осуществляется, данная норма закона не содержит.

С установлением административной ответственности за причинение побоев (ст. 6.1.1 КоАП РФ) законодатель не решил вопроса о возможности осуществления некоторых действий. Например, в КоАП РФ не содержится норма, согласно которой потерпевшее лицо может пройти процедуру освидетельствования на наличие на теле человека телесных повреждений. В целях устранения данного пробела предлагается следующая статья для добавления ее в главу 27 КоАП РФ:

«Статья 27.12.2 КоАП РФ. Освидетельствование на наличие на теле человека телесных повреждений.

1. Для обнаружения на теле человека телесных повреждений, если для этого не требуется произ-

водство судебной экспертизы, может быть произведено освидетельствование лица, в отношении которого ведется производство об административном правонарушении, потерпевшего, а также свидетеля с его согласия, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний.

2. О производстве освидетельствования на наличие на теле человека телесных повреждений лицо, осуществляющее производство по делу об административном правонарушении, выносит постановление, которое является обязательным для освидетельствуемого лица.

3. Освидетельствование на наличие на теле человека телесных повреждений производится лицом, осуществляющим производство по делу об административном правонарушении. При необходимости указанное лицо привлекает к участию в производстве освидетельствования врача или другого специалиста.

4. При освидетельствовании лица другого пола лицо, осуществляющее производство по делу об административном правонарушении, не присутствует, если освидетельствование на наличие на теле человека телесных повреждений сопровождается обнажением данного лица. В этом случае освидетельствование производится врачом.

5. Фото- и киносъемка, иные установленные способы фиксации вещественных доказательств в случаях, предусмотренных частью четвертой настоящей статьи, проводятся с согласия освидетельствуемого лица».

Если имеются основания полагать, что характер телесных повреждений влечет кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности или более тяжкий вред здоровью, то лицо направляется в медицинское учреждение согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Аналогичным образом следует внести и другие поправки в КоАП РФ. Так, в ч. 1 ст. 28.11 КоАП РФ указано, что протокол осмотра места происшествия составляется в случае совершения правонарушения, предусмотренного ст. 12.24 или ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ. По нашему мнению, не следует ограничивать применение такого действия только при совершении административных правонарушений в области дорожного движения. В целях установления обстоятельств совершенного административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, и последующего их анализа целесообразно предоставить полиции право производить осмотр жилого помещения, в котором совершено рассматриваемое

правонарушение, что позволит определить взаимосвязь между материальной обстановкой и изучаемым событием. В связи с этим полагаем, что в КоАП РФ необходимо ввести статью 28.1.2 «Протокол осмотра жилого помещения». В нем необходимо описывать сведения о жилом помещении, указывающие на то, что произошел семейно-бытовой конфликт, был нарушен порядок в помещении, повреждено имущество и какое, имеются следы распития спиртных напитков и т.п. УУП знакомится с обстановкой места происшествия, изучает состояние и свойства материальных объектов, их взаиморасположение, открывает взаимосвязь между ними и явлениями и, наоборот, обнаруживает противоречия между ними.

Обстановка места жилого помещения выступает по делу об административном правонарушении в виде комплексного целого вещественного доказательства и в данном качестве должна фиксироваться путем отображения в протоколе осмотра места совершения административного правонарушения. Имеющиеся на этом месте различные материалы, предметы, вещи в их совокупности и взаимосвязи образуют непосредственно обстановку подлежащего осмотру жилого помещения с фиксированием в соответствующем протоколе и с приложением к ним фото- видеofиксации.

Непосредственно осмотр жилого помещения – это вид деятельности, носящий сложный характер, поэтому для его осуществления необходима соответствующая профессиональная подготовка и возможна помощь со стороны дознавателей, других УУП. В целях правильного составления протокола осмотра жилого помещения, взаимопомощи и осуществления контроля над гражданами, находящимися в помещении, работу рекомендуется осуществлять в присутствии других сотрудников полиции. Так, формируются фактические данные, на основе которых строятся логические выводы о событии административного правонарушения, что особенно важно при разбирательстве по правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений, где виновного определить иногда очень сложно.

При наличии состава административного правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений решается вопрос о привлечении такого лица к административной ответственности. Согласно п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ протоколы по административным правонарушениям, предусмотренным ст. 6.1.1 КоАП РФ, вправе составлять должностные лица органов внутренних дел (полиции). Согласно поло-

жению приказа МВД России к таким должностным лицам относятся и УУП [5].

Составляя протокол об административном правонарушении, УУП уже осуществляет квалификацию, установив юридический состав совершенного административного правонарушения.

Между тем необходимо отметить, что с включением административной ответственности за побои произошло и очередное увеличение служебной нагрузки на УУП. Обозначенные поправки в законодательстве и учет указанных нами рекомендаций не смогут кардинально упростить в целом служебную нагрузку на УУП. Так, в 2016 г. Барнаульским юридическим институтом МВД России была проведена масштабная работа по исследованию рабочего времени УУП, в особенности по основным направлениям деятельности. Исходя из результатов проведенного расчета следует, что на осуществление профилактики правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, у УУП недостаточно времени [7, с. 14]. Кроме того, высокая служебная нагрузка у данных сотрудников полиции не способствует повышению качества служебной деятельности в целом и юридически грамотному составлению административно-процессуальных документов в частности [1, с. 3].

Таким образом, добавление статьи 6.1.1 в КоАП РФ и связанные с ней другие изменения в КоАП РФ расширили бы полномочия указанных должностных лиц. Представляется, что привлечение виновных лиц к административной ответственности за совершение рассматриваемого правонарушения в целом будет происходить более эффективно по сравнению с уголовным наказанием в силу упрощенного характера производства. Однако деятельность УУП в сфере производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных указанной статьей, все же содержит некоторые проблемные аспекты. Так, целесообразно, чтобы потерпевшим, которому причинены побои или насильственные действия, причинившие физическую боль, была пройдена процедура освидетельствования на предмет наличия данных телесных повреждений, а далее он был бы направлен на медицинское освидетельствование. В некоторых случаях в целях изучения обстоятельств семейно-бытового конфликта, в котором причиняются данные повреждения, будет целесообразным осмотр жилого помещения. Однако данные обстоятельства законодателем не учтены до сих пор.

Литература

1. Анохина С.Ю., Железнов Е.А. Ошибки, допускаемые сотрудниками органов внутренних дел (участковыми уполномоченными полиции) при оформлении материалов дела об административном правонарушении. Барнаул: БЮИ МВД России, 2014. 56 с.
2. В.В. Володин считает ошибкой уголовное наказание за избиение близких. Новости от 24 января 2017 г. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2846638> (дата обращения: 09.02.2017).
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс]: федеральный закон от 3 июля 2017 г. № 326-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. О полномочиях должностных лиц системы МВД России по составлению протоколов об административных правонарушениях и административному задержанию [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 5 мая 2012 г. № 403. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
6. Равнюшкин А.В. Понятие «дебоширство» в отечественном праве: в 19 веке и на современном этапе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 1 (49). С. 219-224.
7. Расчет рабочего времени участкового уполномоченного полиции по основным направлениям деятельности. Аналитический обзор. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. 39 с.

УДК 351.745:343.85

А.И. Щеглов

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: sanja-2015@bk.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ С ЛИЦАМИ, БОЛЬНЫМИ АЛКОГОЛИЗМОМ ИЛИ НАРКОМАНИЕЙ

В представленной статье поднимается проблема, связанная с осуществлением профилактики посредством постановки на профилактический учёт в территориальных органах МВД России лиц, больных алкоголизмом или наркоманией, а также лиц, подвергнутых административному наказанию за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также за их потребление без назначения врача.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, лица, больные алкоголизмом или наркоманией, лица, находящиеся в состоянии опьянения, преступления в состоянии опьянения.

A.I. Scheglov

a postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

E-mail: sanja-2015@bk.ru

SOME PROBLEMS OF DISTRICT POLICE OFFICER'S PREVENTIVE WORK WITH PERSONS ADDICTED TO ALCOHOL OR DRUGS

The article raises the problem of crime prevention by means of preventive registration of persons suffering from alcoholism or drug addiction, and persons subjected to administrative punishment for illegal trafficking of drugs, psychotropic substances or their analogues, as well as their consumption without prescription in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Key words: district police officer, persons suffering from alcoholism or drug addiction, intoxicated persons, crimes in a state of intoxication.

Правонарушения, совершаемые лицами в состоянии опьянения, составляют значительную часть в общей структуре совершаемых правонарушений. Так, по данным МВД России, только за 2016 год количество выявленных лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения составило 395 299, в состоянии наркотического – 25 969, что составило 19,5% от общего числа всех зарегистрированных преступлений отчётного периода. Каждое пятое преступление совершается в состоянии опьянения [12].

Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости проведения дальнейших исследований относительно повышения эффективности профи-

лактической работы с лицами, намеривающимися совершить преступление [1].

Известно, что основным субъектом профилактики правонарушений в территориальных органах МВД России (далее – ТО МВД России) является участковый уполномоченный полиции (далее – УУП). Согласно пункту 22 «Наставления по организации деятельности участковых уполномоченных полиции» (далее – Наставление) одной из основных форм службы УУП является проведение индивидуальной профилактической работы с гражданами, состоящими на профилактическом учёте (далее – профучёте) в ТО МВД России [1].

Ранее нами рассматривались проблемы, связанные с выявлением УУП притонов для незаконного потребления наркотических средств в комплексе, вне зависимости от категории и видов лиц, употребляющих данные средства [9].

Однако остаются актуальными проблемы, возникающие в профилактической деятельности УУП при их работе с подучетными лицами, употребляющими наркотические средства, состоящими на учёте в медицинской организации и представляющими опасность для окружающих. Кроме того, вызывают научный интерес и лица, которым назначено административное наказание за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также за их потребление без назначения врача (ст. 6.8, 6.9 КоАП РФ).

Указанным Наставлением предусмотрены основания для постановки приведённых категорий на профучёт в ТО МВД России. Для категории больных алкоголизмом или наркоманией, представляющих опасность для окружающих, постановка на профучёт, на наш взгляд, достаточно регламентирована, следует лишь получить соответствующие медицинские документы из медицинской организации.

Однако в практической деятельности возникает проблема, связанная с непредоставлением или передачей медицинских документов в ТО МВД России о лицах, состоящих на диспансерном наблюдении (больных алкоголизмом или наркоманией и представляющих опасность для окружающих).

Чаще всего отказ в предоставлении таковых сведений со стороны медицинских учреждений мотивируется ссылкой на врачебную тайну [15]. Как следствие этому, эффективность профилактики общественно опасных действий лиц с такими заболеваниями существенно снижается. Указанная информация также необходима для обеспечения исполнения пункта 35 части 1 статьи 12 ФЗ «О полиции» в части реализации обязанностей полиции по «наблюдению за лицами, больными алкоголизмом или наркоманией и представляющими опасность для окружающих, в целях предупреждения совершения ими преступлений и административных правонарушений» [7].

Несогласованность законодательства Минздрава и МВД России неоднократно обсуждалась на заседаниях Правительства РФ. На данное обстоятельство обратил внимание и Р.А. Семенюк, отмечая, что «...данная деятельность не урегулирована и осложняет предупредительную деятельность с данными категориями граждан» [10].

Следующее упущение в законе касается лиц, подвергнутых административному наказанию за потребление наркотических и психоактивных веществ без назначения врача, поскольку Наставлением не предусмотрен перечень документов, на осно-

вании которых возможна постановка на профучёт в ТО МВД России. Подразумевается, что таковым основанием может служить мотивированный рапорт УУП о необходимости постановки на профучёт в ТО МВД России на имя руководства ТО МВД России на районном уровне, предварительно согласованный с начальником службы (начальником ОУУП).

Поводом для составления рапорта служит документальное подтверждение привлечения к административной ответственности по ст. 6.8, 6.9 КоАП РФ, вступившее в законную силу, которым является постановление по делу об административном правонарушении.

Сам порядок проведения УУП индивидуальной профилактической работы с лицами, состоящими на профучёте, прописан в Наставлении, вступившем в законную силу с 6 апреля 2013 г. Вместе с тем сама деятельность по профилактике преступлений подверглась существенным изменениям, в результате чего динамика преступности показала рост, а количество профилируемых лиц, состоящих на профучёте в ТО МВД России за последние годы, сократилось.

Об этом свидетельствуют сведения статистического учёта ФКУ «ГИАЦ МВД России» по форме № 578 «Профилактика», согласно которым количество лиц, больных алкоголизмом и наркоманией и состоящих на профучёте в ТО МВД России, за период с 2010 по 2015 гг. существенно сократилось. Одной из причин этого снижения называют изменение критериев самих лиц, подлежащих постановке на профучёт.

Следует согласиться с мнением А.Г. Гришакова, который отметил, что «...правовое регулирование деятельности российской полиции и подразделений УУП претерпело существенные изменения, в т.ч. в период 2010-2013 гг., когда был принят ряд нормативных правовых актов, регламентирующих их деятельность» [2].

В этом нетрудно убедиться, проанализировав соответствующие данные статистической отчетности ФКУ «ГИАЦ МВД России». На наш взгляд, будет уместным провести параллель между Наставлением и «Инструкцией по организации деятельности участкового уполномоченного милиции» (далее – Инструкция) [6].

Отметим, что пунктом 18.11.5 Инструкции был закреплён перечень категорий лиц, подлежащих осуществлению контроля и профилактической работе. К одной из них относились: хронические алкоголики и лица, больные наркоманией, а также допускающие потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача, из числа состоящих на учёте в учреждениях здравоохранения, систематически допускающие правонарушения [6].

Данная формулировка не вызывала существенных трудностей, за исключением получения медицинских документов о данных лицах.

Так, по итогам 2010 г. было взято под контроль (поставлено на профучёт в ТО МВД России) 185 626 лиц из числа состоящих на учёте в учреждениях здравоохранения, систематически допускающих правонарушения наркоманов и 361 112 хронических алкоголиков – всего 546 738 человек [13].

Вместе с тем важно обратить внимание и на то, что с 2011 г. началось масштабное реформирование системы МВД России, сопровождающееся сокращением штатной численности сотрудников полиции, что привело к возросшей нагрузке по обслуживанию населения одним УУП.

В этом нетрудно убедиться, проанализировав данные за последующие года по форме № 578 «Профилактика». Так, за 2011 год по соответствующей категории лиц было взято под контроль 161 210 человек (-24 416), в 2012 г. – 149 488 (-11 722) [13]. Однако со второго квартала 2013 г. после отмены соответствующей Инструкции вступило в законную силу Наставление, которое содержало несколько иные категории лиц, подлежащих постановки на профучёт в ТО МВД России.

Пунктом 63.6 Наставления была отдельно выделена категория лиц, которым назначено административное наказание за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также за их потребление без назначения врача. В данном случае с практической точки зрения по существу изменился только порядок и основания постановки на профучёт. С учётом изменений у УУП возникла необходимость в дополнительном истребовании и получении документов, подтверждающих назначение административного наказания

по ст. 6.8, 6.9 КоАП РФ [3], которым является постановление по делу об административном правонарушении.

Кроме того, возникли дополнительные трудности. Достаточно типичная ситуация, когда УУП поступает информация, что некое лицо самостоятельно потребляет вещества наркотического содержания. Данную информацию могут сообщить родственники либо соседи по месту проживания этого лица с просьбой принятия к нему надлежащих профилактических мер. Однако, поскольку в силу различных обстоятельств данное лицо не привлекалось к административной ответственности за потребление наркотических средств (не представилось возможным задержать в состоянии наркотического опьянения, не проведено медицинское освидетельствование, скрывается и т.д.), то правовых оснований для постановки указанных лиц на профучёт не имеется.

В данном случае УУП становится своеобразным «заложником» сложившейся ситуации. Эффективность его работы зависит от общей результативности служебной деятельности иных сотрудников полиции по выявлению и привлечению таковых лиц к административной ответственности как по ст. 6.8 КоАП РФ (Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ...), так и соответственно по ст. 6.9 КоАП РФ (Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача...).

За подтверждением вышеизложенной проблематики необходимо обратиться к статистическим данным ФКУ «ГИАЦ МВД России» за 2015 год. Поскольку до 2015 г. статистическая форма № 578 не предусматривала сведений о количестве лиц указанной категории, состоящих на профилактическом учёте.

Таблица 1

Сводный отчет по России за 2015 год о профилактической работе ОВД – форма 578 (Профилактика)

	2015	
Поставлено на профилактический учет граждан в отчетном периоде	260641	
совершивших правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и представляющих опасность для окружающих	61442	
состоящих на учете в медицинской организации и представляющих опасность для окружающих из числа больных	алкоголизмом	34591
	наркоманией	18920
которым назначено административное наказание за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также за их употребление без назначения врача	31807	
осуждение к лишению свободы и направление к месту отбывания наказания	33522	
иные основания, установленные законодательством РФ	82426	
Состоит на профилактическом учете граждан на конец отчетного периода	631835	
Поставлено на списочный учет граждан в отчетном периоде страдающих психическими расстройствами, состоящих на учете в медицинской организации и представляющих опасность для окружающих	42257	

Учитывая данные сводного отчёта по России за 2015 год о профилактической работе ТО МВД России (см. табл. 1), на профучёт было поставлено по категории лиц, которым назначено административное наказание за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также за их потребление без назначения врача, 31 807 лиц.

При этом согласно форме «1-АП» (577) (см. табл. 2) за рассматриваемый период 2015 г. было пресечено 12 730 правонарушений по ст. 6.8 КоАП РФ и 47 292 правонарушения по ст. 6.9 КоАП РФ. В общем количестве это составило 60 022 правонарушения [13].

Таблица 2

**Количество пресеченных административных правонарушений по ст. 6.8, 6.9 КоАП
Форма «1-АП» (577) раздел 1 за 2010-2016 гг.: всего по России (без КФО)**

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего						
ст. 6.8 КоАП	15023	12798	13092	13090	13042	12730
ст. 6.9 КоАП	0	0	63534	54887	49436	47292

Таким образом, сопоставительный анализ представленных данных позволяет сделать вывод, что 31 807 лиц, поставленных на профучёт, составляют всего 52% от числа пресечённых административных правонарушений.

Поскольку количество поставленных на профучёт в 2 раза меньше, чем пресечённых административных правонарушений по соответствующим статьям КоАП РФ, следовательно, имеются недостатки в работе ТО МВД России.

Полагаем, что основными из них являются недоработки организационного характера и взаимодействия между структурными подразделениями ТО МВД России, в т.ч. отсутствие полного контроля за лицами, привлекаемыми к административ-

ному наказанию по данным статьям, и принятие должных мер со стороны УУП по постановке их на профучёт.

Кроме того, для представления общих масштабов распространения алкоголизации и наркомании в нашей стране следует обратить внимание на информацию Федеральной службы государственной статистики, по данным которой только за 2015 год под диспансерное наблюдение больных с впервые в жизни установленным диагнозом «наркомания» взято 20,6 тыс. граждан, с диагнозом «алкоголизм» – 103,6 тыс., а всего состояло на учёте с диагнозом «большой наркоманией» 288,0 тыс., «большой алкоголизмом» – 1 577,0 тыс. человек, и это только официальные данные (см. табл. 3, 4) [14].

Таблица 3

Заболееваемость населения наркоманией (данные Минздрава России, расчет Росстата)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Взято под диспансерное наблюдение больных с впервые в жизни установленным диагнозом в отчетном году						
всего, тыс. человек	24,9	21,9	19,8	18,1	21,2	20,6
на 100 000 человек населения ^{*)}	17,4	15,3	13,9	12,6	14,5	14,1
Численность больных, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях на конец отчетного года						
всего, тыс. человек	330,9	320,2	315,5	308,3	300,7	288,0
на 100 000 человек населения ^{*)}	231,6	223,8	220,1	214,6	205,6	196,5

*Заболееваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами
(данные Минздрава России, расчет Росстата)*

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Взято под диспансерное наблюдение больных с впервые в жизни установленным диагнозом в отчетном году						
всего, тыс. человек	153,9	138,1	122,8	112,2	109,1	103,6
на 100 000 человек населения ^{*)}	107,8	96,6	85,7	78,2	74,7	70,7
Численность больных, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях на конец отчетного года						
всего, тыс. человек	1953,1	1865,9	1807,9	1746,5	1690	1577,0
на 100 000 человек населения ^{*)}	1367,1	1304,3	1261,2	1215,7	1155,4	1076,2

На основании вышеизложенного очевидно, что число граждан, больных наркоманией или алкоголизмом, значительно больше имеющихся статистических данных о лицах, состоящих на учёте в ТО МВД России (форма № 578 «Профилактика» раздел 6). При этом растёт латентное количество алкоголиков и наркоманов.

Кроме того, по стране в исследуемый период с 2010 по 2015 гг. численность пациентов, состоящих на учёте в лечебно-профилактических организациях с диагнозом «наркомания», ежегодно снижалось с 330,9 тыс. больных наркоманией в 2010 г. до 288,0 тыс. по итогам 2015 г. В абсолютном значении количество больных наркоманией с явно выраженной динамикой уменьшилось на 42 тыс. человек (см. табл. 3) [14].

Аналогичная динамика прослеживается и с больными алкоголизмом, состоящими на учёте, количество которых уменьшилось на 376,1 тыс. за шестилетний период (в 2010 г. – 1 953,1 тыс., в 2015 г. – 1 577,0 тыс.) [12].

Существует мнение, что в обществе, где алкогольные напитки находятся в свободной продаже, процент обращающихся за медицинской помощью в связи с зависимостью довольно низок, он составляет порядка 2% от общей численности населения.

Полагаем, что приведённые данные о лицах, состоящих на учёте в лечебно-профилактических организациях, не совсем объективны, поскольку не осуществляется учёт количества лиц, имеющих алкогольную зависимость (им не поставлен соответствующий диагноз больного). В силу этого сложно дать оценку тому, насколько официальные статистические сведения отражают реальную картину алкоголизации населения страны (в количество поставленных на учёт в наркологическом диспансере

не включается значительная часть лиц, злоупотребляющих алкоголем – алкоголезависимых).

При этом удельный вес лиц, имеющих алкогольную зависимость, но ещё не обратившихся в медицинские организации за помощью, из года в год примерно одинаков, в пределах от 10 до 15%. Данное соотношение носит универсальный характер для всех стран и обществ, в которых алкоголь находится в свободной реализации.

Показатель о зарегистрированном количестве потребления алкоголя относится только к официальной статистике (производство, импорт, экспорт и данные продаж или налоговых отчислений), тогда как незарегистрированное количество потребления алкоголя относится к алкоголю, находящемуся вне обычной системы государственного контроля [4].

В продолжение нашего исследования считаем необходимым обратить внимание на рост «пьяной преступности». Анализ статистических данных за 2010-2015 гг. свидетельствует об увеличении количества преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения (см. табл. 5). Так, в 2010 г. их было выявлено 11 513 лиц, и с каждым годом происходило их увеличение. В то же время за 2015 год аналогичных лиц уже было выявлено 30 321, составив прирост 18 808 лиц (увеличилось в 2,6 раза). Вместе с тем необходимо учитывать и данные о лицах, совершивших преступления из числа потребителей наркотических средств и психотропных веществ, которых в 2011 г. было выявлено 11 513 человек. С каждым последующим годом таких лиц выявлялось на порядок больше с чётко выраженной динамикой, в результате чего показатели достигли значения 86 721 лицо, прирост данных показателей в 2015 г. по отношению к 2011 г. составил +77 387 лиц (увеличение в 9,2 раза) [13].

Форма 171 за 2010-2015 гг.
Всего по России (без КФО)

		2010	2011	2012	2013	2014	2015
Число лиц, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры (человек)		112109	109144	115214	117912	122424	120223
Из общего числа лиц, совершивших преступления	число потребителей наркотических средств и психотропных веществ	9334	10191	17065	31849	59327	86721
	число лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения	11513	15237	21244	25221	29387	30321
Количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде	Всего преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры	222564	215214	218974	231462	253517	234788

Подобного распространения среди общей преступности добились и лица, совершившие преступления в состоянии алкогольного опьянения. Наблюдается устойчивый рост их числа. В 2010 г. было выявлено 201 440 таковых лиц,

в 2011 г. – 221 536 (+10%), в 2012 г. был отмечен самый высокий показатель – 272 684 (+27%), в 2013 г. – 298 306 (+9,4%), в 2014 г. – 310 082 (+3,9%) и в 2015 г. – 351 353 (+13,3%) (см. табл. 6) [13].

Таблица 6

Характеристика лиц, совершивших преступления

		2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего		1 111 145	1 041 340	1 010 938	1 012 563	1 006 003	1 063 034
Из общего числа выявленных лиц совершили преступления: в состоянии алкогольного опьянения		201 440	221 536	272 684	298 306	310 082	351 353
	Удельный вес в общем числе выявленных лиц, в %	18,1	21,3	27	29,5	31,0	33,1
	+- в %	8,3	10	23,1	9,4	3,9	13,3

Помимо сформировавшейся неблагоприятной динамики увеличения количества лиц, совершающих преступления в состоянии алкогольного опьянения, следует обратить внимание на повышение их удельного веса от общего числа выявленных лиц, совершивших преступления (см. табл. 6). Например, в 2010 г. они составляли 18,1%, в 2011 г. – 21,3%, в 2012 г. – 27%, в 2013 г. – 29,5%, в 2014 г. – 31,0% и в 2015 г. достигнуто наибольшее значение удельного веса на уровне 33,1% [13].

Согласимся с мнением Р.А. Семенюка о том, что лица, совершившие преступления в состоянии опьянения, характеризуются систематическим употреблением спиртных напитков, наркотиков либо патологической зависимостью от алкоголя или нар-

котиков. Эти лица нашли своё распространение среди убийц, лиц, причиняющих вред здоровью, совершающих насильственные половые преступления. В том числе в состоянии опьянения совершаются преступления имущественного характера для обеспечения себя алкоголем или наркотиками (наркотическими средствами) [11].

Изложенные данные свидетельствуют о глобальном распространении в структуре преступности физиологического нахождения правонарушителей в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, а также с распространением заболеваний алкоголизмом или наркоманией.

Рассмотрев обозначенные проблемы, можно сделать вывод, что в деятельности УУП из-под его

профилактического воздействия выпадает определенное количество лиц, представляющих потенциальную опасность для общества в силу злоупотребления алкоголем, наркотиками, которых следует соответствующим образом учитывать и осуществлять на них профилактическое воздействие.

Для достижения её результативности требуется не только на законодательном уровне урегулировать коллизии в нормативных документах, которые не позволяют в полном объеме выполнять возложен-

ные задачи на субъекты профилактики, в частности проведение индивидуальной профилактической работы с лицами, больными алкоголизмом и наркоманией, но и расширить перечень категорий лиц, подлежащих профилактической работе со стороны правоохранительных органов, добавив категорию алкоголе- и наркозависимых лиц, а также расширить круг лиц, подлежащих постановке на профучёт, исключив обязательный критерий «...и представляющие опасность для окружающих».

Литература

1. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гришаков А.Г. Индивидуальная профилактика в деятельности участкового уполномоченного полиции в современный период // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3. С. 48-53.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Мировая статистика здравоохранения, 2013 г., с. 170. URL: http://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/2013/ru.
5. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции [Электронный ресурс]: приказ МВД РФ от 16 сентября 2002 г. № 900 (документ утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Равнюшкин А.В., Щеглов А.И. О проблемах реализации участковыми уполномоченными полиции обязанностей по выявлению притонов для незаконного потребления наркотических средств // Алтайский юридический вестник. 2016. № 1 (13). С. 66-69.
10. Семенюк Р.А., Бугера М.А. Взаимодействие участковых уполномоченных полиции с органами здравоохранения в наблюдении за лицами, страдающими алкоголизмом, наркоманией либо психическими расстройствами // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2. С. 63-67.
11. Семенюк Р.А. Криминологические особенности преступлений, совершаемых в состоянии опьянения (по материалам Сибирского федерального округа): учебно-методическое пособие. Барнаул, 2016.
12. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 года. URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=SbRus&go=showcat&cid=190>.
13. Статистические данные ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=RegIDocs>.
14. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/#.
15. Щеглов А.И. Актуальные проблемы индивидуальной профилактической работы полиции с отдельными категориями граждан // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. Вып. 13. Ч. 1. С. 286-288.

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

УДК 343.27

С.В. Борисов, доктор юрид. наук, доцент

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: svb8@yandex.ru;

А.А. Чугунов, канд. юрид. наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: aachugunow@list.ru

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА КАК НОВЕЛЛА УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрены новые положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регулирующие институт освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Авторы соотносят судебный штраф с институтами наказания, иными мерами уголовно-правового характера и освобождения от уголовной ответственности, используют данные судебной статистики и новые разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: иные меры уголовно-правового характера, освобождение от уголовной ответственности, судебный штраф, уголовное наказание, штраф.

S.V. Borisov, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation named after V.Y. Kikot

E-mail: svb8@yandex.ru;

A.A. Chugunov, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation named after V.Y. Kikot

E-mail: aachugunow@list.ru

DISCHARGE FROM CRIMINAL LIABILITY WITH INFLICTION OF PENALTY AS A NEW LAW OF CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

The new provisions of the criminal and criminal procedure legislation regulating discharge from criminal liability with infliction of penalty are considered in the article. The authors correlate a judicial penalty to institutes of punishment, other measures of criminal and legal nature and discharge from criminal liability; they use data of a legal statistics and new explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Key words: other measures of criminal and legal nature, discharge from criminal liability, judicial penalty, criminal punishment, penalty.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ [3] Общая часть УК РФ [5] дополнена положениями о судебном штрафе: статьей 76 «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа» и главой 15 «Судебный штраф» раздела VI «Иные меры уголовно-правового характера», содержащей статьи 104.4 и 104.5, определяющие условия и порядок применения данной меры. Также указанным выше федеральным законом изменения были внесены в УПК РФ [4]. В него были включены статья 25.1, предусматривающая новое основание для прекращения уголовного дела или уголовного преследования, и глава 51.1, регламентирующая производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. То есть судебный штраф следует рассматривать в рамках двух институтов – освобождения от уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера.

Учитывая судебный порядок освобождения от уголовной ответственности с применением такой меры, Верховный Суд Российской Федерации обобщил складывающуюся судебную практику по данному вопросу и подготовил изменения и дополнения для внесения в Постановление его Пленума от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (в ред. Постановления Пленума от 15 ноября 2016 г. № 48). При написании данной статьи нами использованы положения нового постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации [2] и информация, полученная в ходе его подготовки.

Так, по результатам обобщения сведений, поступивших в Верховный Суд Российской Федерации, установлено, что за период с 15 июля по 15 октября 2016 г. в рамках досудебного производства по уголовным делам (ст. 446.2 УПК РФ) в суды поступило 795 ходатайств о прекращении уголовного дела с применением судебного штрафа, из которых 576 (72,4%) были удовлетворены. Помимо этого, в ходе судебного производства (ст. 446.1 УПК РФ) было принято еще 785 решений о прекращении уголовного дела с применением данной меры. То есть судебный штраф изначально стал наиболее часто применяемым видом иных мер уголовно-правового характера.

Согласно ч. 1 ст. 104.1 УК РФ судебный штраф представляет собой денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ.

Указание на денежное взыскание, назначаемое судом, сближает судебный штраф с наказанием в

виде штрафа, однако он не является таковым и связан не с осуждением, а с освобождением лица от уголовной ответственности.

Ссылка на ст. 76.2 УК РФ означает, что суд должен учитывать содержащиеся в данной статье условия освобождения от уголовной ответственности. К таким условиям закон относит то, что лицом совершено преступление небольшой или средней тяжести впервые, возмещен ущерб или заглажен причиненный преступлением вред иным образом.

Понятие лица, впервые совершившего преступление, является общим для всего института освобождения от уголовной ответственности. Относительно ст. 76.2 УК РФ отметим, что судебная практика такова, что даже если лицом впервые совершено несколько преступлений небольшой и (или) средней тяжести, то это не препятствует освобождению виновного от уголовной ответственности на основании анализируемой статьи УК РФ.

Применительно к данной уголовно-правовой норме, а также к ч. 1 ст. 75 УК РФ о деятельном раскаянии в качестве ущерба, подлежащего возмещению, рассматривается имущественный вред. Имущественный вред может возмещаться в натуре (например, при предоставлении взамен утраченного иного имущества, также не исключается ремонт или иное исправление поврежденного имущества), в денежном эквиваленте (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, возмещение различных расходов на лечение) и т.д.

Заглаживание вреда, по смыслу ст. 76.2 УК РФ, предполагает, что лицо компенсирует имуществом, в т.ч. и деньгами, моральный вред, оказывает какого-либо рода помощь потерпевшему, приносит ему извинения, а также принимает другие меры, имеющие цель восстановления нарушенных преступлением прав, законных интересов личности, а также охраняемых законом интересов общества и государства. При этом возмещение и заглаживание вреда должно производиться только законными способами и не допускать ущемления прав третьих лиц.

Предусмотренное статьями 75-76 УК РФ возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда может быть произведено как самим виновным, так и по его просьбе или с его согласия другими лицами. Полагаем, что эта особенность судебного штрафа, по сути, свойственная и штрафу как уголовному наказанию, не способствует решению такой задачи уголовного права, как предупреждение преступлений, поскольку лицо, совершившее общественно опасное деяние, может вовсе не претерпеть никаких неблагоприятных последствий и, как следствие, увериться в своей безнаказанности.

При определении факта выплаты судебного штрафа не принимаются во внимание обещания и различные обязательства лица, совершившего преступление, возместить ущерб или загладить вред в будущем.

Так, к примеру, апелляционным постановлением Суда Ямало-Ненецкого автономного округа решение, принятое судом первой инстанции, было оставлено без изменений, а именно уголовное преследование в отношении Д., несудимой, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 307 УК РФ, прекращено в соответствии со ст. 76.2 УК РФ с назначением судебного штрафа в размере 20 000 рублей. Проверив материалы дела, изучив доводы апелляционного представления, суд пришел к следующим выводам. В соответствии со ст. 76.2 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. Из материалов дела следует, что Д. совершила впервые преступление небольшой тяжести, вину признала, раскаялась, принесла публичные извинения в зале судебного заседания. Вопреки доводам представления отсутствие потерпевших по данной категории уголовных дел не исключает возможности подсудимой загладить причиненный преступлением вред. Так, по смыслу закона под заглаживанием вреда следует понимать в том числе меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов общества и государства. Суд первой инстанции обоснованно расценил действия Д., которая полностью признала вину в совершённом преступлении, раскаялась, публично принесла извинения в судебном заседании, как иное заглаживание вреда. Данный способ заглаживания вреда носит законный характер и не ущемляет права третьих лиц. Таким образом, все условия, перечисленные в законе, для решения вопроса о прекращении уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа подсудимой были соблюдены. Мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа назначена судом в соответствии с требованиями ст. 104.5 УК РФ [1].

Отметим, что согласно ст. 76.2 УК РФ и ч. 1 ст. 25.1 УПК РФ освободить лицо от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа является правом, но не обязанностью суда, который может принять такое решение по собственной инициативе или на основании результатов рассмотрения поданного следователем с согласия руково-

дителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора ходатайства и с учетом указанных выше условий. В соответствии с ч. 2 ст. 25.1 УПК РФ по данному основанию уголовное дело или уголовное преследование подлежит прекращению на любой стадии производства по уголовному делу, но до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора (суда апелляционной инстанции – для вынесения решения по делу). Отметим, что в данном случае отсутствуют такие дополнительные условия, необходимые при принятии решения об освобождении от уголовной ответственности, как утрата соответствующим лицом общественной опасности вследствие проявленного им деятельного раскаяния либо достижения примирения с потерпевшим на основе возмещения (компенсации, заглаживания) причинённого ему вреда. Такая же особенность присуща и освобождению от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях (ст. 76.1 УК РФ), однако оно не зависит от судебного усмотрения. Вместе с тем оговоримся, что в случае с судебным штрафом суд решает, освобождать ли лицо от уголовной ответственности, до того, как назначает ему судебный штраф, т.е. последний следует за таким решением, а не предшествует ему. Тем не менее считаем важным по возможности сузить пределы судебного усмотрения, установив дополнительное условие, при наличии которого суд принимал бы решение об освобождении от уголовной ответственности.

Уголовный закон связывает определение размера судебного штрафа с содержанием санкции статьи Особенной части УК РФ о совершённом преступлении. Согласно ч. 1 ст. 104.5 УК РФ размер судебного штрафа не может превысить половины максимального размера наказания в виде штрафа, который предусмотрен соответствующей статьей Особенной части УК РФ. В том случае, когда санкция применяемой статьи Особенной части УК РФ не предусматривает штрафа, размер судебного штрафа не может быть больше двухсот пятидесяти тысяч рублей. Например, если от уголовной ответственности освобождается лицо, впервые совершившее кражу, предусмотренную ч. 1 ст. 158 УК РФ, санкция которой является альтернативной и содержит наказание в виде штрафа в размере до 80 тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев, то судебный штраф не может превышать 40 тысяч рублей либо размер заработной платы или иного дохода лица за 3 месяца. Если же лицо совершило угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, предусмотренную ч. 1 ст. 119 УК РФ, в санкции которой

штраф отсутствует, то размер судебного штрафа не может быть более 250 тысяч рублей.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что при освобождении от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ несовершеннолетнего должны быть учтены особенности, содержащиеся в главе 14 УК РФ. В частности, они касаются положений об исчислении сроков давности уголовного преследования, сроков погашения судимости, размера штрафа, который может быть назначен несовершеннолетнему в качестве наказания и т.д.

В соответствии с ч. 2 ст. 88 УК РФ размер уголовного наказания в виде штрафа, назначаемого несовершеннолетнему, не может быть менее одной тысячи рублей и более пятидесяти тысяч рублей или исчисляется в размере заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего, осужденного за период от двух недель до шести месяцев. То есть максимальный размер судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетнего не может превышать 25 тысяч рублей. Без законодательного урегулирования остался вопрос об определении размера судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетних, совершивших преступления, за которые наказание в виде штрафа не предусмотрено. Полагаем, что в таких случаях судебный штраф не должен превышать 50 тысяч рублей, т.е. максимальный размер наказания в виде штрафа для несовершеннолетних.

Часть 2 ст. 104.5 УК РФ обязывает суд при определении размера судебного штрафа учитывать некоторые обстоятельства. К таковым относятся принятие во внимание тяжести совершенного преступления и имущественного положения лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи, а также учет возможности получения виновным заработной платы или иного дохода. Это положение практически полностью совпадает с содержанием ч. 3 ст. 46 УК РФ об определении размера наказания в виде штрафа, за исключением указания на возможность назначения последнего с рассрочкой выплаты определенными частями. То есть для судебного штрафа возможность его выплаты в рассрочку не предусмотрена. Вместе с тем в ч. 6 ст. 446.2 УПК РФ указано, что срок для уплаты судебного штрафа устанавливается судьей с учетом материального положения лица и его семьи.

В части 2 ст. 104.4 УК РФ предусмотрены юридические последствия неуплаты судебного штрафа в установленный судом срок: судебный штраф отменяется, и лицо привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной

части УК РФ. Согласно ст. 446.5 УПК РФ по представлению судебного пристава-исполнителя суд отменяет постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, после этого материалы направляются руководителю следственного органа или прокурору для организации производства по делу в общем порядке.

Таким образом, судебный штраф характеризуется следующими признаками:

- является новым видом иных мер уголовно-правового характера;

- выступает элементом нового вида освобождения от уголовной ответственности;

- представляет собой денежное взыскание;

- назначается либо по собственной инициативе суда, либо в результате рассмотрения поданного следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора ходатайства;

- освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа является правом суда;

- совершение преступления небольшой или средней тяжести впервые, возмещение ущерба или заглаживание причиненного преступлением вреда иным образом – условия анализируемого вида освобождения от уголовной ответственности;

- размер судебного штрафа определяет суд, учитывая ограничения: 1) не может превышать половину максимального размера наказания в виде штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ; 2) не может быть более двухсот пятидесяти тысяч рублей, если санкция применяемой статьи Особенной части УК РФ предусматривает штраф;

- неуплата судебного штрафа в установленный судом срок влечет отмену судебного штрафа и привлечение лица к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ.

Считаем, что более продуманным законодательным решением было бы включение судебного штрафа в качестве элемента уже существующих видов освобождения от уголовной ответственности, связанных с возмещением вреда, причиненного преступлением. Прежде всего речь идет о деятельном раскаянии и примирении с потерпевшим, поскольку в соответствующих нормах уже предусмотрены необходимые условия для принятия решения об освобождении от уголовной ответственности. Если бы законодатель поступил именно так, то данные виды освобождения от уголовной ответственности приобрели бы логическую завершенность, поскольку судебный штраф играл бы в них роль меры, направленной на компенсацию затрат

государства, связанных с осуществлением уголовного преследования и правосудия. Кроме того, это способствовало бы решению задач общей и частной превенции, т.к. освобождение от уголовной ответственности сохранило бы в себе элемент кары, олицетворяющий порицание государством совершенного общественно опасного деяния и содержащий в себе обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть пусть и существенно уменьшенные, но все же ощутимые неблагоприятные юридические последствия своего антисоциального поведения. Учитывая же системность уголовно-правового регулирования общественных отношений, считаем, что судебный штраф целесообразно распространить и на освобождение от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях, исключив из ст. 76.1 УК РФ положения

о выплате кратной суммы в бюджет государства. Реализация наших предложений предполагает признание ст. 76.2 УК РФ и ссылок на нее утратившими силу с одновременной переориентацией норм главы 15.2 УК РФ, ст. 25.1 и главы 51.1 УПК РФ на статьи 75-76.2 УК РФ. Нас могут упрекнуть в том, что такие предложения идут вразрез с курсом государства на гуманизацию уголовной политики, поэтому для упреждения критики отметим, что гуманизм, являющийся одним из принципов уголовной ответственности, прежде всего состоит в том, что уголовный закон должен быть направлен на обеспечение безопасности человека от преступных посягательств, т.е. на защиту потенциальных и реальных потерпевших, о чем не следует забывать при формировании и реализации уголовной политики Российской Федерации.

Литература

1. Архив суда Ямало-Ненецкого автономного округа. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам № 22-1116/2016.
2. О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 56 // Российская газета. 2016. 7 дек.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4256.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.12.2016) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 19.12.2016) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.31:343.63

Н.Б. Гулиева, канд. юрид. наук, доцент

Кемеровский государственный университет

E-mail: natavan-1212@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА, РЕПУТАЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

В настоящей статье анализируются уголовно-правовые нормы, характеризующие признаки специальных составов клеветы и оскорбления. Качественное своеобразие таких деяний не может быть отражено в рамках общих составов преступлений. Это обуславливает необходимость в существовании самостоятельных уголовно-правовых норм, характеризующих частные случаи клеветы и оскорбления. Особенности законодательных конструкций клеветы и оскорбления лиц, обладающих особым статусом, обуславливают возникновение определенных сложностей в интерпретации их признаков и, как следствие, ошибок в процессе квалификации. В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы квалификации исследуемых составов преступлений, в частности, автор обращает внимание на имеющиеся неразрешенные вопросы в истолковании конструктивных признаков специальных составов клеветы и оскорбления, неоднозначно раскрываемых в теории уголовного права.

Ключевые слова: оскорбление, клевета, суд, представитель власти.

N.B. Gulieva, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Kemerovo State University

E-mail: natavan-1212@mail.ru

CRIMINAL LAW PROTECTION OF HONOUR, DIGNITY AND REPUTATION OF SPECIAL SUBJECTS: MODERN STATE, PROBLEMS OF QUALIFICATION

This article analyzes the criminal law norms, which characterize special compositions of libel and insult. Quality identity of such acts cannot be included within the general offences. This necessitates the existence of independent criminal and legal norms, which characterize individual cases of libel and insult. Features of legislative structures of libel and insult of persons enjoying special status cause the occurrence of certain difficulties in the interpretation of their signs and, as a consequence, errors in qualification process. The article presents some problematic issues of qualification of the investigated offences, in particular, the author drew attention to the existing unresolved issues in the interpretation of structural features of the special compositions of libel and insult, ambiguously disclosed in the theory of criminal law.

Key words: insult, libel, court, government authorities.

Действующее уголовное законодательство содержит ряд статей, предусматривающих ответственность за частные случаи клеветы и оскорбления. Речь идет о так называемых специальных

составах клеветы и оскорбления, предусмотренных ст. 297, 298.1, 319, 335, 336 УК РФ.

Такие деяния имеют схожие с общими составами признаки, например с признаками клеветы. Од-

нако общие нормы не заменяют специальных норм, характеризующих частные случаи причинения вреда чести, достоинству и репутации специальных субъектов. Специфика общественной опасности таких преступлений обуславливает необходимость в наличии самостоятельных уголовно-правовых норм, характеризующих признаки клеветы и оскорбления отдельной категории лиц. Характер общественной опасности частных случаев клеветы и оскорбления отличается одновременным причинением вреда нескольким объектам. По этому поводу А.Г. Брагина справедливо приходит к выводу о совершении виновным одновременного посягательства на два равнозначных объекта преступления, ценность каждого из которых неоспорима, что влечет двойной вред, размер которого складывается из общей суммы причиненного каждому из них [1, с. 12]. Автор, анализируя признаки оскорбления представителя власти, утверждает, что «унижение представителя власти связано с отрицательной оценкой его и как личности, и как лица, олицетворяющего собой государство и власть; это открытая, целенаправленная дискредитация «государева человека» перед отдельными гражданами и обществом, умаление его ценности как специалиста (профессионала, лица, специально уполномоченного в отношении значительного круга лиц) и лишение его авторитета представителя органов государственной власти» [1, с. 14].

Умаление чести и достоинства представителя власти влечет дискредитацию авторитета и престижа государственных органов. Поэтому такие деяния являются двуобъектными, посягающими на порядок управления, интересы правосудия и одновременно на честь, достоинство и репутацию человека. Дискредитация деятельности государственных органов в таких случаях осуществляется посредством причинения вреда чести и достоинству конкретных лиц – носителей статуса представителя власти. Подобное одновременное причинение вреда нескольким объектам отражает качественную характеристику общественной опасности специальных составов клеветы и оскорбления. Качественное своеобразие таких деяний не может быть отражено в рамках общего состава преступления. Это объясняет потребность в существовании самостоятельных уголовно-правовых норм, характеризующих частные случаи клеветы и оскорбления. Дополнение общей нормы о клевете рядом признаков, указывающих на причинение вреда чести и достоинству специальных субъектов, не способно отразить всей специфики таких деяний. На наш взгляд, предание таким деяниям значения квалифицирующих признаков не восстановит объективно существующую потребность в наличии

специальных уголовно-правовых норм о клевете и оскорблении. Такая необходимость объясняется присутствием определенных факторов, одним из которых является и обладание лицом особым статусом специального субъекта. Осознание виновным данного обстоятельства придает такому деянию качественно новое содержание. Так, оскорбление представителей власти, военнослужащих, участников судопроизводства, клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава означает игнорирование и нарушение лицом существующих правил ведения судопроизводства, порядка несения воинской службы, проявление неуважения к авторитету и престижу государственных и муниципальных органов, наконец, умаление человеческого достоинства, чести и репутации. Психическое отношение лица к содеянному характеризуется элементами осознания специфической общественной опасности совершенного им деяния и предвидения возможности причинения вреда нескольким объектам. Лицо понимает, что такое преступление представляет собой не только посягательство на нематериальные блага конкретных лиц, но и олицетворяет собой противостояние существующему порядку отправления правосудия, уставным правилам несения воинской службы и т.д.

Некоторые ученые полагают, что потерпевшими от таких преступлений могут быть не только физические лица, но и организации, в частности суд. Например, С.А. Сургай отмечает, что посягательства на деловую репутацию правоохранительных органов, в частности суда, обладают повышенной общественной опасностью. Автор аргументирует свою позицию тем, что уголовный закон в России охраняет коммерческую, налоговую, банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), а посягательства на деловую репутацию организации не признаны законом общественно опасными и, как следствие, преступными. В этой связи С.А. Сургай считает целесообразным установить ответственность за клевету в адрес суда, для чего предлагает внести изменения в диспозиции частей 1 и 2 статьи 298 УК РФ, изложив следующим образом: «...1. Клевета в отношении судьи, суда (выделено нами – Н. Гулиевой), присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, в связи с рассмотрением дел или материалов в суде...» [7, с. 11-12].

Вполне обоснованной представляется позиция автора о необходимости введения уголовно-правового запрета дискредитировать репутацию организаций – юридических лиц. Криминализация такой формы поведения, на наш взгляд, социально обусловлена. Социальная потребность в уголовно-

правовой охране репутации добросовестных участников делового оборота объективно существует. Довольно часто недобросовестные участники экономических отношений прибегают к незаконным способам конкурентной борьбы, опорочивая деловую репутацию юридических лиц – конкурентов. Часто встречающимся способом причинения вреда деловой репутации юридического лица является распространение о нем ложных, порочащих репутацию сведений. Введение такого запрета не исключает возможности применения иных имеющихся форм правовой защиты деловой репутации юридических лиц [2, с. 241]. Более того, уголовно-правовые способы защиты не заменяют других форм защиты деловой репутации юридических лиц.

Позиция С.А. Сургай о возможности оклеветать суд может быть истолкована двояко. С одной стороны, процессуальная позиция суда в статусе потерпевшего представляется с трудом. С другой стороны, умаление чести и достоинства представителя власти дискредитирует авторитет и престиж государственных органов. Суд – тоже государственный орган. Поэтому умаление авторитета суда посредством распространения клеветнических сведений представляется вполне возможным. Бесспорно, что в таких случаях страдает авторитет и престиж судебной власти, страдают интересы правосудия. Правосудие, в свою очередь, как форма реализации судебной власти отправляется только судом. Непосредственными же носителями такой власти являются судьи. Так, согласно ст. 11 ФКЗ «О судебной системе» судьями являются лица, наделенные в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Федеральным конституционным законом «О судебной системе» полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе [5]. Поэтому умаление авторитета судебной власти, авторитета суда возможно посредством распространения сведений клеветнического характера о деятельности конкретных лиц, уполномоченных законом реализовать такую власть. Если же высказывание адресовано не конкретным судьям и не по конкретному делу, а суду в целом, то содеянное может быть расценено как клевета в уголовно-правовом аспекте при наличии определенных обстоятельств, позволяющих отграничивать клевету от диффамации. Так, некоторые конструктивные признаки данного состава раскрываются по аналогии с общими признаками клеветы (ст. 129.1 УК РФ). Обязательным признаком объективной стороны клеветы наряду с другими является ссылка на конкретные факты, в противном случае содеянное расценивается как диффамация или сплетни. Полагаем, что этот признак присущ и со-

ставу преступления, предусмотренного ст. 298.1 УК РФ. Поэтому, устанавливая уголовную ответственность за клевету в адрес суда, следует иметь в виду, что такие сведения должны содержать указания на факты, которые можно проверить. Если ложные сведения связаны с выполнением судом публично-правовой функции по отправлению правосудия, то такие сведения вполне могут быть истолкованы как дискредитирующие авторитет и престиж государственного органа – суда. Стало быть, недостоверная информация может компрометировать репутацию не только физических лиц, обладающих особым статусом, но и репутацию органов власти и организаций.

В юридической литературе неоднократно высказывалось мнение о расширении перечня специальных субъектов. С.С. Киселев предлагает ввести уголовную ответственность за клевету в адрес представителя власти. Свою позицию автор объясняет тем, что «сотрудник органов внутренних дел является представителем власти, а это значит, что он выполняет возложенные законом служебные обязанности, связанные с предъявлением требований или принятием решений, обязательных для исполнения гражданами или предприятиями, учреждениями или организациями. В связи с этим посягательство на них в виде клеветы одновременно причиняет ущерб авторитету органов внутренних дел в целом, однако в настоящий период относится к случаям общеуголовной клеветы согласно ст. 128.1 УК РФ. По мнению автора, это не соответствует уровню общественной опасности клеветы в отношении представителя власти и с учетом ряда квалифицирующих признаков требует включения в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 319.1 «Клевета в отношении представителя власти» при исключении ст. 298.1 УК РФ [4, с. 16]. Аналогичной позиции придерживается А.А. Розикзода [6, с. 13].

Полагаем, что ученые справедливо указывают на несоответствие общественной опасности клеветы в отношении представителя власти характеру общественной опасности «общеуголовной» клеветы (ст. 128.1 УК РФ). Как уже было отмечено нами ранее, такие деяния отличаются не только пренебрежением общепринятых моральных и нравственных устоев, но и игнорированием интересов органов власти, интересов государства в целом. Предусмотренный же в законе уголовно-правовой запрет касается лишь отдельной категории представителей власти. Так, клевета в отношении специальных субъектов (ст. 298.1 УК РФ) ограничена законом конкретным кругом лиц, принимающих непосредственное участие в предварительном расследовании преступлений, рассмотрении дел и в

исполнительном производстве. Речь идет о судьях, арбитражных и присяжных заседателях, прокурорах, следователях, дознавателях и судебных приставах. Иными словами, не всякое распространение заведомо ложных сведений в отношении представителей власти охватывается признаками состава преступления, предусмотренного ст. 298.1 УК РФ, и, как следствие, образует общий состав клеветы. Такая позиция законодателя представляется несколько противоречивой, ибо в юридическом процессе задействован широкий круг лиц, наделенных властными полномочиями. Например, оперативное сопровождение по уголовным делам осуществляют оперативные работники различных ведомств (МВД, ФСБ и т.д.). По специальному поручению следователей или дознавателей такие лица выполняют процессуальные и следственные действия. Поэтому законодатель не должен ущемлять право оперативных работников на «доброе имя», учитывая, что последние принимают самое непосредственное участие в уголовном преследовании лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Клевета в отношении таких сотрудников, если сведения непосредственно касаются выполняемой ими функции представителя власти, обладает специфической общественной опасностью, отличной от опасности распространения сведений в отношении обычных граждан.

При этом, как было отмечено ранее, специфика общественной опасности таких деяний объясняется одновременным причинением вреда нескольким объектам, основным из которых являются именно интересы государственной власти. Подобные действия дискредитируют репутацию человека – представителя государства, поэтому всякое ложное сведение о деятельности такого человека не только его выставляет в невыгодном свете, но и внушает недоверие к деятельности органов власти, к государству в целом. Поэтому содеянное, на наш взгляд, не должно охватываться общим составом клеветы, что обуславливает необходимость законодательных нововведений. При этом речь не идет о том, что честь, достоинство и репутация представителей власти характеризуются особенными признаками, несвойственными нематериальным благам обычных лиц. Напротив, полагаем, что интерпретация понятия чести, достоинства и репутации человека должна быть единой, независимо от профессионального статуса потерпевшего.

Бесспорно, что в специальных составах клеветы или оскорбления специфика деятельности потерпевшего, его должность (статус) определяют направленность умысла причинить вред конкретному лицу – обладателю профессионального и иного

статуса. Данное обстоятельство и объясняет наличие в уголовном законе специальных норм, охраняющих в первую очередь другие объекты, а именно интересы правосудия, порядок управления или интересы воинской службы. Именно поэтому честь, достоинство и репутация человека в таких составах преступлений являются дополнительными объектами.

Однако разграничивать «природу» таких морально-этических категорий, как честь, достоинство, репутация личности, по признакам профессиональной или иной принадлежности нельзя [3, с. 18-19]. Качественное своеобразие таких преступлений объясняется вовсе не спецификой нематериальных благ обладателей особого статуса, а тем, что эти преступления в первую очередь посягают на другие объекты.

Однако существует ли необходимость введения самостоятельного уголовно-правового запрета или же достаточно изменить имеющуюся норму, характеризующую признаки клеветы в адрес специальных субъектов (ст. 298.1 УК РФ)? С одной стороны, норма о клевете специальных субъектов ориентирована только на представителей власти, имеющих непосредственное отношение к судопроизводству, начиная с возбуждения дела и заканчивая исполнением итогового процессуального документа. Законодатель исчерпывающе называет лиц, чьи интересы защищает данной нормой. Поэтому дополнение имеющегося перечня должно распространяться только на лиц, имеющих отношение к судопроизводству.

С другой стороны, представители законодательной и исполнительной власти, а также представители органов местного самоуправления не защищены законом специальной нормой о клевете, в то время как оскорбление представителя власти карается специальной нормой (ст. 319 УК РФ).

На наш взгляд, законодатель целенаправленно не распространяет норму о клевете участников юридического процесса на всех представителей власти. Такая позиция представляется верной с точки зрения системного толкования уголовно-правовых норм. Так, анализируя эту норму в системе с другими нормами главы «Преступления против правосудия», нетрудно определить, что все преступления в этой главе касаются производства по возбужденным делам. Восстановить имеющийся пробел о защите репутации иных лиц, задействованных в производстве по делам, можно путем дополнения имеющегося перечня указанием на «иных лиц, участвующих в проверке материалов, производстве предварительного расследования, рассмотрении дел об административном правонарушении,

исполнении приговора, решения суда или иного судебного акта». К тому же законодатель в части первой ст. 298.1 УК РФ уже использовал такой прием, указав на судью, присяжного заседателя или *иного лица* (выделено нами – Н. Гулиева), участвующего в отправлении правосудия, в связи с рассмотрением дел или материалов в суде.

Случаи же распространения ложных сведений в адрес представителей власти, не задействованных в судопроизводстве, правильнее было бы квалифицировать по самостоятельной статье, что объясняет необходимость в криминализации такого деяния. Наличие самостоятельной уголовно-правовой нормы о клевете представителей власти позволит за-

щищать нематериальные блага всех представителей власти, в т.ч. и лиц, занимающих государственные должности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации.

Таким образом, современное уголовное законодательство не в полной мере отражает объективно существующую потребность в охране чести, достоинства и репутации специальных субъектов. Имеющиеся пробелы требуют конкретных нововведений в этой части. Неразрешенность некоторых вопросов обуславливает противоречивую интерпретацию специальных уголовно-правовых норм о клевете и оскорблении, что, в свою очередь, приводит к ошибкам правоприменителей.

Литература

1. Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 22 с.
2. Гулиева Н.Б. Уголовно-правовая защита деловой репутации юридических лиц // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 4. № 1 (61). С. 240-243.
3. Гулиева Н.Б. Честь, достоинство, репутация как объекты уголовно-правовой охраны // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Томск, 2015. Ч. 66. С. 17-19.
4. Киселев С.С. Уголовно-правовая охрана чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. 19 с.
5. О судебной системе: федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
6. Розикзода А.А. Уголовно-правовая защита чести и достоинства представителей власти при исполнении ими служебных обязанностей: опыт России и Республики Таджикистан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 25 с.
7. Сургай С.А. Компаративный аспект уголовной ответственности за оскорбление судьи и клевету в отношении судьи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 25 с.

УДК 343.2:347.965.6

В.В. Заборовский, канд. юрид. наук, доцент
Ужгородский национальный университет (Украина)
E-mail: zaborovskyvictor@rambler.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ АДВОКАТА К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ИМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СООТВЕТСТВИИ С УКРАИНСКИМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

В статье исследуются проблемные аспекты привлечения адвоката к уголовной ответственности по законодательству Украины. Указывается на необходимость, с одной стороны, в наличии системы гарантий профессиональной деятельности адвоката (представляют собой особый порядок уголовного производства в отношении адвоката), а с другой – в закреплении правовых средств, которые бы предотвращали случаи недобросовестной деятельности адвокатов.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская деятельность, уголовная ответственность адвоката, преступление адвоката, фальсификация доказательств, мнимая взятка.

V.V. Zaborovsky, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-
professor
Uzhgorod National University (Ukraine)
E-mail: zaborovskyvictor@rambler.ru

SOME PROBLEMATIC ASPECTS OF BRINGING A LAWYER TO CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR THE COMMISSION OF CRIMES UNDER UKRAINIAN LEGISLATION

The article is devoted to problematic aspects of bringing a lawyer to criminal responsibility under Ukrainian legislation. The author points out the necessity, on the one hand, the presence of the professional activity of the lawyer's safeguards system (is a special procedure for criminal proceedings against the lawyer), and on the other – to consolidate the legal means to prevent cases of unfair activities of lawyers.

Key words: lawyer, lawyer activity, criminal responsibility of a lawyer, crime of a lawyer, falsification of evidence, imaginary bribe.

В соответствии с Конституцией Украины на адвоката возлагается обязанность по предоставлению лицам профессиональной правовой помощи. Но осуществление такой деятельности невозможно без обеспечения надлежащего контроля за ней. Такой контроль прежде всего обеспечивается нормами института юридической ответственности адвоката. Как умело отмечает В.Л. Кудрявцев, «юридически значимая деятельность адвоката не может основываться только на его энтузиазме и желании оказывать квалифицированную юридическую по-

мощь доверителю, она должна подкрепляться еще и юридической ответственностью за неисполнение или ненадлежащее исполнение им своих обязанностей, иначе она может превратиться в профанацию» [8, с. 3]. А в данном случае нужно учесть и то, что деятельность адвоката является одним из основных признаков, который определяет уровень защищенности прав человека и является одной из составляющих на пути обеспечения развития верховенства права в каждом демократическом и правовом государстве. Поэтому важное значение в механизме обе-

спечения надлежащего предоставления адвокатом профессиональной юридической помощи каждому лицу имеет и институт юридической ответственности адвоката.

Что касается видов юридической ответственности адвоката, то заслуживает внимания позиция Т.Г. Дабижа, которая указывает на то, что «в зависимости от характера совершенного правонарушения адвокат может быть субъектом уголовной, административной, гражданской и дисциплинарной ответственности» [2, с. 12]. Кроме этого, она отмечает, что каждый из перечисленных видов ответственности характеризуется собственными складами правонарушений. Мы разделяем такую позицию автора, поскольку она соответствует положению Конституции Украины, где фактически задекларированы такие же виды ответственности (п. 22 ч. 1 ст. 92 Конституции).

Итак, адвокат наряду с другими видами ответственности может быть субъектом и уголовной ответственности. Но в данном случае нужно учесть утверждение Т.Г. Дабижа о том, что «процессуальный порядок привлечения адвоката к уголовной ответственности имеет свои особенности, обусловленные особым правовым статусом адвоката, и направлен на создание системы гарантий деятельности адвоката» [2, с. 12]. В юридической литературе присутствует точка зрения, согласно которой «порядок привлечения адвокатов к уголовной ответственности за совершенные преступления должен быть обычным, не специальным» [3, с. 21]. Такая позиция преимущественно обосновывается как необходимостью соблюдения принципа равенства всех перед законом и судом, так и возможностью создания препятствий в привлечении адвокатов к ответственности. Мы не разделяем такой позиции, поскольку считаем, что наличие особого порядка уголовного производства в отношении адвоката никоим образом не создает препятствий для привлечения его к ответственности и «не создает обстановки безнаказанности за неправомерные действия» [2, с. 15]. По нашему мнению, такой порядок направлен, в частности, на создание дополнительных гарантий защиты адвоката от незаконного и необоснованного сообщения ему о подозрении, задержания, применения мер пресечения и проведения в отношении него оперативно-разыскных мероприятий или следственных действий. Целью такого порядка является создание надлежащих условий для осуществления адвокатом своей профессиональной деятельности, которая нередко «противостоит интересам» работников суда и правоохранительных органов.

Такие гарантии адвокатской деятельности связаны, в частности, с особенностями сообщения ему

о подозрении, проведения оперативно-разыскных мероприятий или следственных действий в отношении адвоката, его задержания или применения мер, а также с наличием гарантий сохранения адвокатской тайны, обеспечением безопасности и наличием адвокатского индемнитета. Система таких гарантий указывает на наличие особого порядка уголовного производства в отношении адвоката. Мы разделяем необходимость существования указанной системы гарантий, поскольку она направлена на обеспечение надлежащей и беспрепятственной профессиональной деятельности адвоката по предоставлению правовой помощи лицам.

В данном случае нужно учесть и положение ст. 78 действующего УПК Украины [5], в котором в отличие от п. 4 ч. 1 ст. 61 предыдущего УПК Украины [6] среди оснований для отвода защитника, представителя отсутствует такое основание, как возбуждение уголовного дела в отношении адвоката (объявление ему подозрения). Но нужно учесть норму п. 2 ч. 2 ст. 78 УПК Украины, согласно которой лицо не имеет права участвовать в уголовном производстве в качестве защитника или представителя в случаях приостановления или прекращения права на занятие адвокатской деятельностью. Так, в соответствии с положениями Закона Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» [14] право на занятие адвокатской деятельностью прекращается, в частности, в случае вступления в законную силу обвинительного приговора суда в отношении адвоката за совершение тяжкого, особо тяжкого преступления, а также преступления средней тяжести, за которые назначено наказание в виде лишения свободы (п. 6 ч. 1 ст. 32 закона), а останавливается – при осуждении адвоката за совершение других преступлений (ст. 31). Такие положения вышеуказанного кодекса и закона дают нам возможность сделать вывод как о том, что отвод адвоката в уголовном производстве по действующему УПК Украины связан с вступлением в законную силу обвинительного приговора суда в отношении адвоката (а не с возбуждением уголовного дела), так и о наличии взаимосвязи между уголовной и дисциплинарной ответственностью адвоката. Такая взаимосвязь заключается в том, что привлечение адвоката к уголовной ответственности влечет фактически автоматическое привлечение его и к дисциплинарной ответственности в виде прекращения или приостановления права на занятие адвокатской деятельностью, т.е. дисциплинарная ответственность адвоката следует за уголовной. На первый взгляд, как отмечает Р.Г. Мельниченко, «может сложиться впечатление, что к адвокату можно применить наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью» [11, с. 86]. Но

мы разделяем позицию ученого, в соответствии с которой применение такого наказания невозможно, поскольку решение вопроса о применении дисциплинарного взыскания в отношении адвоката является компетенцией не суда, а органов адвокатского самоуправления (соответствующей квалификационно-дисциплинарной комиссии адвокатуры).

Что касается видов преступлений, которые могут быть совершены адвокатом, то они могут быть достаточно разнообразными. Следует отметить, что в юридической литературе имеются различные критерии классификации преступлений, которые могут совершаться адвокатом. Так, Л.Ю. Ларина по профессиональному признаку такие преступления разделяет на профессиональные (связанные с осуществлением адвокатской деятельности) и непрофессиональные. Кроме этого, в рамках первой группы она выделяет основные преступления (осуществляемые в сфере оказания юридической помощи) и косвенные (связанные с деятельностью адвокатских образований, организацией деятельности адвокатуры и т.д.) [10, с. 17]. Подобной точки зрения придерживается Ю.П. Гармаев, который в своей работе «Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве» (по нашему мнению, является одной из фундаментальных в данной сфере) основанием классификации таких преступлений определяет вид участия адвоката в совершаемых общественно опасных деяниях. На таком основании указанные преступления он разделяет: на основные, или собственно адвокатские (преступления адвоката-исполнителя), и сопутствующие (преступления адвоката-соучастника). К первой группе он относит, в частности, такие преступления, как мошенничество, подстрекательство к даче взятки, фальсификация доказательств защитником по уголовному делу, и указывает на достаточно ограниченный перечень таких преступлений. Совсем другое дело, по утверждению Ю.П. Гармаева, – «вторая категория адвокатских преступлений, которые могут сопровождать любое преступление, которое предусмотрено Особенной частью уголовного закона. В этих преступлениях адвокат участвует обычно как пособник, а также как подстрекатель, организатор, а иногда и как соисполнитель» [1, с. 97-98]. Заслуживает внимания и классификация, которую использует Р.Г. Мельниченко, который с позиции уголовной ответственности адвоката преступления с участием последнего разделяет на два вида, а именно на общие и специальные. Кроме этого, он отмечает: «Так как адвокатская деятельность тесно связана со сферой правосудия, то именно в главе 31 УК РФ "Преступления против правосудия" и следу-

ет искать составы преступлений, где адвокат является специальным субъектом» [11, с. 56].

В данном случае нам необходимо учесть то, что проведенный нами анализ положений Особенной части УК Украины дает возможность прийти к выводу, что ни одна из статей кодекса не определяет адвоката в качестве специального субъекта преступления. Однако подавляющее большинство преступлений, совершаемых адвокатом при осуществлении своей профессиональной деятельности, без сомнения, размещены в разделе 18 УК Украины «Преступления против правосудия». Подтверждает указанное и исследование, проведенное А.В. Синеокиным, который исходя из большого спектра преступлений, субъектом которых теоретически может быть адвокат, приводит шесть основных групп таких преступлений, являющихся наиболее характерными в деятельности адвоката (по соответствующим разделам Особенной части УК Украины), среди которых наибольшее количество размещено именно в упоминавшейся главе 18 УК Украины [16, с. 413-415]. Так, к преступлениям, предусмотренным в разделе 18 УК Украины, которые теоретически могут быть совершены адвокатом, в частности, можно отнести: ст. 376 (вмешательство в деятельность судебных органов), ст. 377 (угроза или насилие в отношении судьи, народного заседателя или присяжного), ст. 378 (умышленное уничтожение или повреждение имущества судьи, народного заседателя или присяжного), ст. 379 (посягательство на жизнь судьи, народного заседателя или присяжного в связи с их деятельностью, связанной с осуществлением правосудия), ст. 381 (разглашение сведений о мерах безопасности в отношении лица, взятого под защиту), ст. 382 (невыполнение судебного решения), ст. 383 (заведомо ложное сообщение о совершении преступления), ст. 384 (заведомо ложное показание), ст. 386 (препятствование явке свидетеля, потерпевшего, эксперта, принуждение их к отказу от дачи показаний или заключения), ст. 387 (разглашение данных оперативно-розыскной деятельности, предварительного расследования) и др. Несмотря на существование определенного А.В. Синеокиным достаточно большого спектра преступлений, субъектом которых теоретически может быть адвокат, заслуживает внимания и позиция ученого, согласно которой, квалифицируя преступления адвокатов, наряду с основными адвокатскими преступлениями (преступления адвокатов-исполнителей) и сопутствующими преступлениями адвокатов (преступления адвоката-соучастника) он выделяет и такой вид, как неопознанные адвокатские преступления. Под такими преступлениями ученый понимает «деяние, попадающее под все признаки

того или иного преступления, реально распространенное в практике, однако, как правило, не расцениваемое правоприменителями как преступное вследствие недостаточности практики привлечения лиц к уголовной ответственности за такие посягательства, по иным причинам» [16, с. 413].

В данном случае следует привести утверждение Р.Г. Мельниченко, указывающего на то, что мошенничество является наиболее распространенным составом преступления, который органы следствия находят в неблагоприятных поступках адвокатов, в то же время автор отмечает, что ему не «удалось найти примеры привлечения адвокатов к уголовной ответственности за мошенничество, выразившееся в том, что они получили гонорар, заведомо зная, что обязательства выполнять не будут» [12, с. 29]. В такой ситуации нужно исходить из того, что правоотношения между адвокатом и его клиентом определяются договором об оказании правовой помощи, к которому применяются общие требования договорного права (по сути, нормы гражданского законодательства). Поэтому в случае невыполнения или ненадлежащего выполнения адвокатом своих обязанностей перед клиентом он может быть привлечен к гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности, но ни в коем случае не к уголовной.

Как отмечает Р.Г. Мельниченко, о мошеннических действиях адвоката речь может идти в отношении государства (при предоставлении бесплатной правовой помощи), а также в случае обмана адвоката при мнимой взятке (когда адвокат взял у клиента средства для передачи их должностному лицу, но присвоил их). По утверждению ученого, «этот подвид мошенничества со стороны адвокатов является не только самым распространенным, но и самым широко цитируемым» [12, с. 29]. Кроме этого, он отмечает, что в подобных случаях возможна конкуренция двух составов преступлений – мошенничества и посредничества во взятке. По нашему мнению, при таких условиях вызывает интерес положение п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Украины «О судебной практике по делам о взяточничестве» [15], согласно которому действия должностного лица, которое, получая деньги или материальные ценности якобы для передачи другому должностному лицу в качестве взятки, намеревалось не передавать их, а присвоить, надлежит квалифицировать не по ст. 368 УК (получение взятки), а по соответствующим частям ст. 190 и 364 УК как мошенничество и злоупотребление властью или служебным положением, а при наличии к тому оснований – и по соответствующим частям ст. 27, 15 и 369 УК как подстрекательство к покушению на дачу взятки. Лицо, которое в таком случае передало

деньги или ценности, считая, что оно дает взятку, несет ответственность за покушение на дачу последней. На основании указанного мы считаем, что в случае обмана адвоката при мнимой взятке, которая в юридической литературе получила название «мнимое посредничество» [4, 13], действия последнего должны квалифицироваться как мошенничество (ст. 190 УК Украины), а при наличии к тому оснований – и как подстрекательство к покушению на совершение преступления, предусмотренного ст. 369 УК Украины (предложение, обещание или предоставление неправомерной выгоды должностному лицу). Но если адвокатом часть таких средств была оставлена себе (так сказать за «оказание посреднических услуг»), а часть была передана соответствующему должностному лицу, то такое деяние адвоката необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, а именно по ст. 190 и 369 УК Украины.

Исследуя вопрос о перечне преступлений, которые могут быть совершены адвокатом, заслуживает внимания утверждение Ю. Цветкова о том, что «имеющихся правовых средств явно недостаточно, чтобы предотвратить случаи недобросовестной деятельности адвокатов» [18, с. 52]. При этом он указывает, что законодательство об уголовной ответственности адвоката необходимо дополнить не менее чем тремя ситуациями, а именно предусмотрев: адвокатскую небрежность (выражается в ненадлежащем исполнении адвокатом принятых на себя обязательств перед клиентом), злоупотребление своими полномочиями и превышение полномочий. Такая ответственность, по его мнению, должна быть обусловлена определенными негативными последствиями его недобросовестной деятельности. Разделяя позицию ученого о недостаточности правовых средств предупреждения недобросовестной деятельности адвоката, мы подвергаем сомнению его утверждение о необходимости привлечения адвоката к уголовной деятельности за вышеуказанные деяния. Так, соглашаясь с тем, что в деятельности адвокатуры прослеживается сочетание как публично-правовых, так и частноправовых засад, по нашему мнению, все же необходимо исходить из того, что отношения между адвокатом и его клиентом определяются нормами частного права, а потому за такие деяния он не должен подвергаться уголовно-преследованию.

Мы считаем, что недостаточность правовых средств предупреждения недобросовестной деятельности адвоката в первую очередь обусловлена тем, что, как мы уже отмечали, ни одна из статей УК Украины не определяет адвоката в качестве специального субъекта преступления. А это, по утверж-

дению Л.Ю. Лариной, указывает на то, что «фактически сложилась ситуация, когда использование адвокатом своего профессионального положения при совершении преступления не учитывается законодателем и не может быть учтено судом при дифференциации уголовной ответственности с целью ее усиления» [9, с. 36]. В подтверждение этого она приводит ситуацию, в которой в покушении на мошенничество в особо крупном размере по предварительному сговору группой лиц признавались виновными следователь и адвокат. При этом следователю дополнительно инкриминировали и квалифицирующий признак «с использованием служебного положения». Л.Ю. Ларина справедливо отмечает, что в такой ситуации опасность совершенного следователем не может быть признана существенно выше, чем совершенного адвокатом, а даже наоборот, исходя из того, что ключевую роль в преступлении играет адвокат, совершает такое преступление в отношении своего клиента (лица, чьи права и интересы он призван защищать). С учетом указанного, а также того, что преступления, совершенные адвокатом, наносят вред не только потерпевшему, но и обществу, государству в целом, подрывая авторитет адвокатуры как института гражданского общества, она приходит к выводу о целесообразности при «конструировании квалифицирующих признаков уголовно-правовых норм расширить содержание признаков "с использованием служебного положения", дополнив его фразой "или иного профессионального положения"» [9, с. 40]. Мы разделяем такую точку зрения Л.Ю. Лариной и считаем, что для некоторых преступлений, субъектом которых теоретически может быть адвокат, квалифицирующим признаком должно быть использование им своего профессионального положения (например, мошенничество (ст. 190 УК Украины), вмешатель-

ство в деятельность судебных органов (ст. 376 УК Украины) и т.п.).

Анализируя вопрос о предотвращении недобросовестной деятельности адвоката, необходимо обратить внимание и на отсутствие в Особенной части УК Украины специальной нормы, предусматривающей уголовную ответственность и за фальсификацию доказательств. Мы разделяем позицию В.Н. Кубальского о целесообразности и обоснованности дополнения раздела 18 «Преступления против правосудия» УК Украины специальной статьей, предусматривающей ответственность за фальсификацию доказательств, поскольку такое дополнение, как он отмечает, отвечает современным тенденциям развития уголовного законодательства зарубежных стран [7, с. 524]. К примеру, в качестве специального субъекта преступления за фальсификацию доказательств по гражданскому и уголовному делу выступает соответственно представитель лица и защитник (ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации [17]).

На основании вышеуказанного можно сделать вывод, что особенность уголовной ответственности адвоката, которая тесно связана с дисциплинарной, заключается не только в наличии системы гарантий профессиональной деятельности адвоката (особый порядок уголовного производства в отношении адвоката), но и в необходимости закрепления правовых средств, которые бы предотвращали случаи недобросовестной деятельности адвокатов. Так, по нашему мнению, по некоторым преступным деяниям адвокат должен рассматриваться как специальный субъект преступления (например, фальсификация доказательств по делу), или же его профессиональная деятельность должна восприниматься в качестве квалифицирующего признака (например, в ст. 190 и 376 УК Украины).

Литература

1. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. Иркутск: ИПКПР ГП РФ, 2005. 395 с.
2. Дабижа Т.Г. Особенности процедуры привлечения адвоката к ответственности // Адвокат. 2012. № 9. С. 11-19.
3. Добровлянина О.В. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 26 с.
4. Дронова Ю.А., Харитошкин В.В. Некоторые вопросы квалификации «многого» посредничества во взяточничестве // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2014. № 3. С. 113-120.
5. Кримінальний процесуальний кодекс України від 13 квітня 2012 року № 4651-VI // Відомості Верховної Ради України. 2013. № 9-13. Ст. 88.
6. Кримінально-процесуальний кодекс України від 28 грудня 1960 року № 1001-05 (втратив чинність) // Відомості Верховної Ради УРСР. 1961. № 2. Ст. 15.
7. Кубальський В.Н. Самостійна кримінальна відповідальність за фальсифікацію доказів в Україні: доцільність та підстави встановлення // Форум права. 2012. № 4. С. 521-526. URL: [http://er.nau.edu.ua/bitstream/NAU/16785/1/FP_index.htm_2012_4_85%20\(3\).pdf](http://er.nau.edu.ua/bitstream/NAU/16785/1/FP_index.htm_2012_4_85%20(3).pdf) (дата обращения: 16.11.2016).

8. Кудрявцев В.Л. Юридическая ответственность адвоката (защитника) за неисполнение либо ненадлежащее исполнение конституционной обязанности по оказанию квалифицированной юридической помощи // Адвокат. 2008. № 2. С. 3-13.
9. Ларина Л.Ю. Дифференциация уголовной ответственности адвокатов за совершение профессиональных преступлений // Вестник МИИГУ им. П.А. Столыпина. 2015. № 1. С. 33-44.
10. Ларина Л.Ю. Разновидности преступлений, совершаемых адвокатами (по материалам практики) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 3. С. 15-17.
11. Мельниченко Р.Г. Профессиональная ответственность адвоката: монография. Волгоград, 2010. 168 с.
12. Мельниченко Р.Г. Уголовная ответственность адвоката за мошенничество // Уголовный процесс. 2014. № 11. С. 27-33.
13. Плекан В.В. До питання кримінальної відповідальності «удаваного» посередника у підкупі // Порівняльно-аналітичне право. 2015. № 4. С. 346-348. URL: http://www.pap.in.ua/4_2015/106.pdf (дата обращения: 16.11.2016).
14. Про адвокатуру та адвокатську діяльність: Закон України від 5 липня 2012 р. № 5076-VI // Офіційний вісник України. 2012. № 62. Ст. 17.
15. Про судову практику у справах про хабарництво: Постанова Пленуму Верховний Суд України від 26 квітня 2002 р. № 5 // Юридичний вісник України. 2002. № 28. Ст. 21.
16. Синьокий О.В. Адвокатура как институт правовой помощи и защиты: учебное пособие. Х.: Право, 2008. 496 с.
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
18. Цветков Ю. Уголовная ответственность адвокатов // Уголовное право. 2002. № 4. С. 50-52.

УДК 343.352.4

В.Б. Комаров

аспирант Института государства и права Тюменского государственного университета

E-mail: srd720@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ ЗА ОБЩЕЕ ПОКРОВИТЕЛЬСТВО ИЛИ ПОПУСТИТЕЛЬСТВО ПО СЛУЖБЕ

Статья посвящена актуальному для правоприменительной практики вопросу квалификации получения взятки за общее покровительство или попустительство по службе. Определяются критерии общего покровительства и попустительства по службе, отличие данной формы поведения по службе от незаконных действий (бездействия). На этой основе даются рекомендации законодателю и судебной практике по совершенствованию уголовной ответственности за взяточничество, за общее благоприятствование по службе.

Ключевые слова: взятка, получение взятки, покровительство, попустительство.

V.B. Komarov

a postgraduate student of the Institute of State and Law Tyumen State University

E-mail: srd720@mail.ru

IMPROVING CRIMINAL LIABILITY FOR BRIBERY FOR GENERAL PATRONAGE OR CONNIVANCE IN THE SERVICE

The article is devoted to the issue of law enforcement qualification of bribe for general patronage or connivance in the service. The criteria for general patronage and connivance in the service, difference of this form of behavior in the service from illegal actions (inaction) are defined. On this basis, recommendations are provided to legislator and judicial practice on improvement bribery criminal liability for career, general favoring.

Key words: bribes, taking bribes, patronage, connivance.

Одной из форм взяточничества согласно ч. 1 ст. 290 УК РФ является получение взятки за общее покровительство или попустительство по службе. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ «...общее покровительство по службе может проявляться, в частности, в необоснованном назначении подчиненного, в т.ч. в нарушение установленного порядка, на более высокую должность, во включении его в списки лиц, представляемых к поощрительным выплатам. К попустительству по службе относится, например, согласие должностного лица контролирующего органа не применять входящие в его полномочия меры ответственности

в случае выявления совершенного взяточдателем нарушения» [3, с. 4].

В теории уголовного права покровительство по службе, иначе именуемое протекционизмом, характеризуется как «незаслуженное поощрение должностным лицом подчиненного ему работника, необоснованное премирование, продвижение по служебной лестнице, досрочное присвоение квалификационных разрядов, установление надбавок к должностному окладу, создание льготных по сравнению с иными работниками условий труда, а также совершение иных благоприятных для соответствующего работника действий, которые

не основаны на его действительных качествах» [1, с. 70].

Попустительство по службе определяется как непринятие должностным лицом мер реагирования на невыполнение либо ненадлежащее выполнение работником своих служебных обязанностей, например игнорирование некомпетентности или непривлечение к дисциплинарной ответственности за нарушение трудовой дисциплины [1, с. 70].

Присутствующее в теории и практике уголовного права отождествление покровительства по службе с протекционизмом не случайно. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» эти понятия используются как синонимы – под протекционизмом понимается незаконное оказание содействия в трудоустройстве, продвижении по службе, поощрении подчиненного, а также иное покровительство по службе, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности [4, с. 8]. Таким образом, покровительство по службе в судебной практике считается частным случаем злоупотребления должностными полномочиями.

То же самое можно сказать и в отношении общего попустительства по службе, которое, в сущности, является служебным бездействием должностного лица (бездействием власти). Последнее, по версии Пленума Верховного Суда РФ, также может квалифицироваться как злоупотребление должностными полномочиями.

Исходя из того что общее покровительство и попустительство по службе являются специальными случаями злоупотребления должностными полномочиями, следует вывод, что рассматриваемый вид использования своего должностного положения как предмет взяточничества представляет собой незаконные действия (бездействие) должностного лица по службе. Благодаря этому в доктрине поставлен вопрос о том, как соотносятся общее покровительство и попустительство по службе с незаконными действиями (бездействием) должностного лица, получение взятки за которые влечет более строгую уголовную ответственность по ч. 3 ст. 290 УК РФ. Другой вопрос состоит в том, насколько обосновано в условиях регламентации отдельного основания уголовной ответственности за получение взятки за незаконные действия (бездействие) выделение в качестве основания ответственности по ч. 1 ст. 290 УК РФ получение взятки за общее покровительство или попустительство по службе.

В науке уголовного права имеется мнение, что общее покровительство и попустительство по служ-

бе внимания законодателя не заслуживают, поскольку ответственность за получение взятки за данные виды незаконного поведения по службе уже предусмотрена в ч. 3 ст. 290 УК РФ.

Согласно другому мнению, установление специального основания уголовной ответственности за получение взятки за общее покровительство или попустительство по службе является социально обусловленным решением законодателя, потому что «в таких случаях при передаче вознаграждения конкретное действие (бездействие) должностного лица специально не оговаривается (как происходит в других ситуациях дачи-получения взятки), но имеется в виду, что подкупленное должностное лицо в случае необходимости будет покровительствовать или попустительствовать по службе в интересах взяткодателя или представляемых им лиц, что в конце концов выразится (может выразиться) в конкретном служебном поведении должностного лица» [2, с. 175]. Неслучайно, по словам П.С. Яни, в трудах авторитетных исследователей проблем квалификации взяточничества получение и дача взятки за общее покровительство и попустительство по службе называются взяткой «на всякий случай» [6, с. 39].

Последняя позиция была воспринята судебной практикой, благодаря чему Пленум Верховного Суда РФ разъяснил: «Судам следует иметь в виду, что при получении взятки за общее покровительство или попустительство по службе конкретные действия (бездействие), за которые она получена, на момент ее принятия не оговариваются взяткодателям и взяткополучателем, а лишь осознаются ими как вероятные, возможные в будущем» [3, с. 4].

Итак, в отличие от получения взятки за незаконные действия (бездействие) при получении взятки за общее покровительство или попустительство по службе взяткодатель и взяткополучатель не оговаривают конкретные действия (бездействие), за которые передается взятка, но осознают, что незаконное вознаграждение передается должностному лицу за его поведение по службе в будущем. Именно в этом состоит смысл указания законодателем на то, что покровительство и попустительство по службе являются *общими*, т.е. всевозможными, не конкретными.

Если взяткодатель и взяткополучатель оговаривают конкретные незаконные действия (бездействие) по службе, которые взяткополучатель должен совершить за взятку, в т.ч. необоснованное назначение подчиненного на более высокую должность, включение его в списки лиц, представляемых к поощрительным выплатам, неприменение мер ответственности при выявленном нарушении, содеянное должно квалифицироваться как взяточничество за

незаконные действия (бездействие) (ч. 3 ст. 290, ч. 3 ст. 291, ч. 2 ст. 291¹ УК РФ). При этом, по нашему мнению, не имеет никакого значения предполагаемое время совершения оговариваемых конкретных действий (бездействия) за взятку – немедленно или сразу после передачи незаконного вознаграждения, либо спустя определенное время после получения взятки, либо при наступлении определенных обстоятельств.

Таким образом, выделение в качестве отдельного предмета взятничества общего покровительства и попустительства по службе является принципиально обоснованным решением законодателя. При такой форме взятничества невозможно установить, за какие конкретно действия (бездействие) должностного лица ему передавалось незаконное вознаграждение, коль скоро такие действия (бездействие) между ним и взяткодателем не обговаривались. Однако факт того, что незаконное вознаграждение, переданное должностному лицу, обусловлено занимаемой им должностью, является очевидным и установившимся. Вместе с тем указанное различие между общим покровительством и попустительством по службе и незаконными действиями (бездействием) все же не устраняет существенной коллизии между данными предметами взятничества, основания которой кроются в самом понимании покровительства и попустительства по службе.

Предусмотрев ответственность за получение взятки за общее покровительство или попустительство по службе в ч. 1 ст. 290 УК РФ наряду с ответственностью за получение взятки за незаконные действия (бездействие) в ч. 3 ст. 290 УК РФ, законодатель никак не изменил границы основания уголовной ответственности за взятничество, а только уменьшил меру такой ответственности в случае получения взятки за определенный вид незаконного служебного поведения – общее покровительство и попустительство по службе. Если допустить исключение из ч. 1 ст. 290 УК РФ общего покровительства и попустительства, получение взятки за такое поведение по службе, увы, не окажется декриминализованным и будет квалифицироваться как получение взятки за незаконные действия (бездействие), т.е. по общей уголовно-правовой норме. Но в таком случае возникает вопрос – почему получение взятки за общее покровительство или попустительство по службе регламентировано в уголовном законе в качестве отдельной формы взятничества не в части 3, а в части 1 ст. 290 УК РФ?

Думается, что в действительности основания криминализации получения взятки за общее покровительство или попустительство по службе состоят в том, что взятничество как одна из наиболее

опасных форм коррупции имеет место не только тогда, когда должностное лицо принимает незаконное вознаграждение за конкретные действия (бездействие) по службе, которые были им оговорены со взяткодателем, но и тогда, когда конкретные действия (бездействие) по службе участниками коррупционной сделки не оговариваются, однако каждый из них понимает, что незаконное вознаграждение обусловлено должностным положением чиновника, что имущественные ценности передаются последнему, что называется, на перспективу, на «всякий случай». При этом такая взятка не обязательно должна быть обусловлена противозаконным поведением должностного лица в виде покровительства или попустительства по службе. Вполне возможно, что незаконное вознаграждение обусловлено общей благонадежностью должностного лица, когда лицо, передающее чиновнику имущественные ценности, рассчитывает таким образом обеспечить гарантии законного поведения должностного лица в рамках его служебной компетенции. Например, субъект одаривает должностное лицо каким-либо имуществом за его благожелательное поведение по службе на будущее в виде, например, сокращения установленных законом сроков рассмотрения обращения дарителя, ускорения принятия должностным лицом соответствующего решения, выбора должностным лицом в пределах своей компетенции или установленного законом усмотрения наиболее благоприятного для дарителя или представляемых им лиц решения.

На сегодняшний день такая форма коррупционного поведения находится за рамками состава взятничества. Общим покровительством или попустительством по службе такого рода поведение не является, ибо оно носит законный характер. Не получится в таких случаях признать содеянное мздоимством, т.е. получением взятки за действия (бездействие), если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица. Для вменения мздоимства необходимо точно установить (со ссылкой на нормативный правовой акт или должностную инструкцию) – за какие конкретно действия (бездействие) должностное лицо получило незаконное вознаграждение. Здесь же находящиеся в рамках служебной компетенции должностного лица действия (бездействие) при получении им незаконного вознаграждения конкретно не оговариваются.

Поскольку конкретные действия (бездействие) по службе, за которые получено незаконное вознаграждение, на момент его принятия не оговариваются дарителем и одаряемым чиновником, а лишь осознаются ими как вероятные, возможные в буду-

щем, постольку нельзя дать однозначную оценку таким действиям (бездействию) как законным или незаконным. Особенность «взятки на всякий случай» в том и состоит, что о конкретных действиях (бездействии) по службе при ее принятии речи не идет. Следовательно, не может идти речи о законности или незаконности этих действий (бездействия).

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что благодаря указанию в ч. 1 ст. 290 УК РФ на общее покровительство и попустительство по службе основание уголовной ответственности за получение взятки оказалось суженным, поскольку в этой части состава преступления речь идет о получении должностного лица. В то же время получение незаконного вознаграждения за общее, так сказать, благожелательное поведение должностного лица в виде законных действий (бездействия) по службе находится за рамками данного состава преступления. Для того чтобы ч. 1 ст. 290 УК РФ адекватно отражала все формы получения взятки, конструкцию «общее покровительство или попустительство по службе» целесообразно заменить на «общее благоприятствование по службе».

По своему лексическому значению «благоприятствовать» означает «способствовать, помогая в чем-нибудь» [5, с. 47]. Следовательно, данный термин способен охватить как общее покровительство и попустительство по службе, которые являются благоприятствованием должностного лица удовлетворению незаконных интересов взяткодателя или представляемых им лиц, так и иное служебное поведение должностного лица, которое находится в рамках его компетенции, но осуществляется в интересах взяткодателя или представляемых им лиц.

В этой связи потребуются изменение разъяснений, данных в п. 5 Постановления Пленума Вер-

ховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», которые в обновленном виде могут выглядеть так:

«Судам следует иметь в виду, что при получении взятки за общее благоприятствование по службе конкретные действия (бездействие), за которые она получена, на момент ее принятия не оговариваются взяткодателем и взяткополучателем, а лишь осознаются ими как вероятные, возможные в будущем.»

Общее благоприятствование по службе может проявляться как в общем покровительстве по службе в виде назначения подчиненного, в т.ч. в нарушение установленного порядка, на более высокую должность, включения его в списки лиц, представляемых к поощрительным выплатам, иного незаконного предоставления льгот и преимуществ для взяткодателя или представляемых им лиц, либо общем попустительстве по службе в виде, например, согласия должностного лица контролирующего органа не применять входящие в его полномочия меры ответственности в случае выявления совершенного взяткодателем нарушения, иного незаконного нереагирования на противоправное поведение взяткодателя или представляемых им лиц, так и в совершении должностным лицом действий (бездействия) в рамках служебной компетенции для удовлетворения интересов взяткодателя или представляемых им лиц.»

Относящиеся к общему благоприятствованию по службе действия (бездействие) могут быть совершены должностным лицом в пользу как подчиненных, так и иных лиц, на которых распространяются его надзорные, контрольные или иные функции представителя власти, а также его организационно-распорядительные функции.»

Литература

1. Бабий Н.А. Квалификация взяточничества по уголовному праву Беларуси и России: монография. М., 2014.
2. Волженкин Б.В. Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2005.
3. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.
4. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стереотип. М., 1996.
6. Яни П. Новое постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве (статья первая) // Законность. 2013. № 9. С. 39.

УДК 343.91

А.В. Курсаев, канд. юрид. наук

Договорно-правовой департамент МВД России

E-mail: kursaev@list.ru

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА, ИСПОЛЬЗУЮЩЕГО РАБСКИЙ ТРУД

В статье изучается криминологическая структура личности преступника, использующего рабский труд. Приводится типология личности данного вида преступника. Обращается внимание на факторы, способствующие формированию личности преступника.

Ключевые слова: рабский труд, личность преступника.

A.V. Kursaev, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

the Department of State Service and Personnel of the MIA of Russia

E-mail: kursaev@list.ru

THE IDENTITY OF THE OFFENDER USING SLAVE LABOR

This article explores criminological structure of the identity of the offender using slave labor. The identity typology of this criminal kind is provided. Attention is drawn to the factors contributing to the formation of the offender's identity.

Key words: slave labor, the offender's identity.

Предупреждение преступлений возможно лишь в случае изучения личности преступника, т.к. именно личность выступает в качестве носителя причин их совершения. В этом проявляется взаимосвязь личности преступника и причин преступности, т.к. личность преступника имеет непосредственную связь с причинами преступлений через причины конкретного преступления.

Под личностью преступника в криминологии понимается лицо, совершившее преступление, в котором проявилась его антиобщественная направленность, отражающая совокупность негативных социально значимых свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями и обстоятельствами на характер преступного поведения [4, с. 82], совокупность психологических социально значимых негативных свойств психики человека, развивающихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми [5, с. 151-152].

Криминологической наукой обосновано, что имеются определенные свойства личности преступника, которые характерны именно для лиц, совершающих определенные виды преступлений. Задача состоит в вычленении круга характеристик, позво-

ляющих выявить ближайшие к преступлению причинные связи, связанные с личностью виновного.

В связи с этим особое внимание уделяется особенностям личности преступника в преступлениях, связанных с торговлей людьми. Указанное преступление относится к числу одной из самых опасных транснациональных форм организованной преступности, жертвами которого становятся от 1 до 4 млн чел. в год, а доход от торговли людьми международными организованными преступными группами составляет около 7 млрд долл. ежегодно [11, с. 204]. Актуальна эта проблема и для Российской Федерации, ее отдельных регионов.

Наименование данной категории преступников различно – «работоторговцы», «торговцы людьми», «сутенеры», «трафикеры», «эксплуататоры».

Однако криминологическое исследование лиц, совершивших преступления в сфере криминальной эксплуатации человека, позволило выявить характерные для данной категории особенности структуры личности преступника.

Структура личности преступника включает в себя биофизиологические, социально-демографические, социально-ролевые, нравственно-психоло-

гические, уголовно-правовые и криминологические признаки.

Для преступника-эксплуататора, как верно подмечено В.И. Коваленко, характерны определенная специфика поведения, заключающаяся в повышенной активности, «деловитости», предприимчивости, прагматизме, наличие задатков «криминального бизнесмена». Психологические особенности личности выражаются в неадекватной (заниженной или завышенной) самооценке, снобизме, других психологических комплексах, морально-нравственной деградации, крайней степени цинизма, смещении нравственных ориентаций, пренебрежении элементарными правами человека [7, с. 122].

Особенность личности названного преступника заключается в том, что организаторы преступных структур, использующих криминальную эксплуатацию труда человека, достаточно часто занимают высокое положение в обществе. Подавляющая их часть ранее не привлекалась к уголовной ответственности. Высока доля лиц, имеющих высшее, неоконченное высшее или среднее техническое образование (около 30-20%). Названное обстоятельство можно объяснить тем, что участники организованных групп зачастую являются должностными лицами, работниками здравоохранения и образования, осуществляющими контроль над несовершеннолетними, сотрудниками миграционных служб и прочих сфер, в которых проще найти людей, которых можно принудить к эксплуатации.

«Криминальная» биография личности преступника нетипична. В частности, подавляющее большинство лиц (99%), обвиняемых в торговле людьми, не имеют судимости [11, с. 205], у них присутствует позитивный социальный статус.

Основная масса преступлений совершается в группе (92%). При этом данное преступление совершается в основном организованными преступными группами: группой лиц по предварительному сговору (24%) или организованной группой (76%) [3, с. 67-69].

«Работоторговец» – это волевой, дерзкий, хитрый, предприимчивый человек, обладающий деловыми связями, организаторскими способностями и материальными средствами для достижений преступной цели. Его поведение отличается умышленной формой вины.

Проведенное Е.М. Полянской криминологическое исследование привело ее к выводу, что среди преступников – эксплуататоров и торговцев людьми – преобладают мужчины: около 72% [9, с. 14]. При этом в сфере сексуальной эксплуатации доля мужчин составляет 67%, а в сфере организации незаконной трудовой деятельности – 87% [7, с. 128].

Указанные статистические сведения свидетельствуют о более высокой доле женщин по сравнению с иными видами преступлений.

По возрастному критерию указанные лица распределяются следующим образом: до 25 лет – 15% от общего количества обвиняемых, от 25 до 30 лет – 27%, от 30 до 40 лет – 48%, старше 40 – 10%. Указанные результаты позволяют прийти к выводу, что в качестве преступников, использующих рабский труд, выступают люди активного трудового возраста. Однако их соотношение внутри сексуальной и трудовой эксплуатации неодинаково. С увеличением возраста фиксируется спад криминальной активности «сексуальных» эксплуататоров и присутствует рост активности «трудовых» эксплуататоров, что отражает существующую тенденцию возрастных приоритетов.

В отношении торговцев людьми наличие семьи не выступает в качестве антикриминогенного, сдерживающего фактора, хотя удельный процент лиц, имеющих семью, довольно высок. В частности, социологические исследования свидетельствуют, что к моменту совершения преступления 69% лиц состояли в браке, 22% в браке не состояли, а 9% находились фактически в брачных отношениях. Кроме того, 77% лиц, привлеченных к уголовной ответственности, имели детей [9, с. 14].

Данные черты личности приводят к тому, что такой организатор внешне не противостоит, а наоборот, использует сложившиеся социальные отношения для достижения преступного результата. Так, организация незаконной миграции может маскироваться под деятельность агентств по трудоустройству за рубежом, брачных агентств. Как справедливо отмечает С.Я. Лебедев, «практика свидетельствует о том, что торговцы людьми часто в уголовно-правовом, а вслед и в криминологическом смысле личности безупречные. Можно, конечно, говорить об их тщательной маскировке, но без соответствующих доказательств уголовно-правовой сути это не меняет» [6, с. 38].

С учетом указанных криминологических признаков личности преступников возможно построить и типологию их личности, провести их классификацию.

Классификация представляет собой систему соподчиненных понятий, классов объектов какой-либо области знания или деятельности человека, используемая как средство для установления связи между этими понятиями или классами объектов. Типология же выступает в качестве метода научного познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа.

Отличие классификации от типологии заключается в том, что первая дает описание изучаемого объекта, а вторая (наряду с другими методами) – его объяснение [1, с. 115]. С помощью типологии можно успешнее вскрыть закономерности, природу и причины какого-либо явления, составить его прогноз. Таким образом, типология является более высоким уровнем обобщения.

Сферы использования рабского труда достаточно многообразны. Можно выделить следующие направления использования такого труда: 1) эксплуатация в сфере сексиндустрии. Проституция давно стала одним из основных элементов деятельности преступных организаций не только на национальном, но и на международном уровне; 2) эксплуатация в криминальной деятельности – наркотрафик, использование в качестве поденщиков на плантациях опийного мака, эксплуатация в зоне военных действий и вооруженных конфликтов; 3) эксплуатация в сфере осуществления противоправной, антиобщественной деятельности – получение дохода от занятия попрошайничеством и пр.; 4) эксплуатация на рынке в сфере труда и услуг – использование женского и детского труда мигрантов на неквалифицированных, но тяжелых и малооплачиваемых работах; 5) эксплуатация в легальных высокотехнологичных областях, например, в медицине и трансплантологии; 6) организация потоков незаконных мигрантов. Вывоз нелегальных мигрантов из бедных стран «на работу» в богатые страны или страны с лучшими условиями жизни – элементарный и активно набирающий обороты способ торговли людьми. По некоторым оценкам в 2011 г. ежегодно нелегально вывозилось около 1 млн чел. [8, с. 705-707]; 7) организация незаконного усыновления (удочерения). Так, через гражданку Ф. в период с 1993 по 1999 гг. из Волгоградской области было перенаправлено 348 российских детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, через усыновление их гражданами Италии. Должностные лица органов государственной и муниципальной власти Волгоградской области получали от Ф. взятки за содействие в решении данного вопроса в виде предоставления отдыха в Итальянской Республике.

Исходя из указанного вида преступной специализации (криминального профиля) и сферы реализации преступного намерения выделяют следующие группы преступников-эксплуататоров: 1) «сексуальные» эксплуататоры; 2) «трудовые» эксплуататоры (в т.ч. в теневой экономике); 3) эксплуататоры «социального паразитизма» – осуществляющие использование представителей социального «дна» (бомжей, бродяг), представителей социально не-

защищенных слоев населения (инвалидов, детей, пожилых людей, мигрантов-нелегалов) в сфере попрошайничества, сектантской, псевдорелигиозной деятельности; 4) «криминальные» эксплуататоры – представители профессионального «преступного мира», специализирующиеся на эксплуатации людей в криминальной, преступной сфере деятельности (организации незаконной миграции, наркотрафика, нелегального оборота оружия, органов и тканей человека); 5) эксплуататоры-«оборотни» – работники детских, медицинских, образовательных, социальных учреждений, сотрудники правоохранительных и контролирующих органов, в ходе основного законного профессионального вида деятельности которых используются организационные и правовые пробелы, позволяющие злоупотреблять своими должностными обязанностями, совершать незаконные действия, связанные с эксплуатацией человека [7, с. 125]. В частности, в международной преступной группировке, продававшей детей в США, организатором незаконного бизнеса являлся бывший пресс-секретарь Комитета Государственной Думы Российской Федерации по международным делам [10, с. 211].

В зависимости от функций субъектов в механизме преступной деятельности С.Ю. Журавлевым и С.К. Крепышевой предложена следующая классификация преступников-эксплуататоров: 1) организаторы преступной деятельности; 2) вербовщики; 3) консультанты (способствуют получению необходимых документов и регистрации юридически значимых действий, используют свои связи среди чиновничества, представителей правоохранительных органов для сокрытия преступной деятельности); 4) перевозчики; 5) покупатели – лица, осуществляющие приемку и (или) непосредственную эксплуатацию доставленных рабов [2, с. 29].

С точки зрения вида криминальной эксплуатации различают лиц, осужденных за различные виды сексуальной эксплуатации (ст. 127¹, 240-242² УК), и лиц, осужденных за использование трудовой эксплуатации (ст. 127¹ и 127² УК). Соответственно, и лиц, совершивших данные преступления, условно можно разделить на «сексуальных» эксплуататоров и «трудовых» эксплуататоров [7, с. 126-127]. Согласно произведенным подсчетам, в настоящее время среди осужденных преобладают преступники, связанные с различными формами сексуальной эксплуатации (87%). Однако данное соотношение несколько иллюзорно и свидетельствует скорее о более высоком внимании правоохранительных органов к борьбе с проституцией и порнографией и сопутствующими им правонарушениями, чем с незаконной миграцией.

Типология личности преступника, использующего рабский труд, также представлена несколькими видами.

С учетом мотивации преступного поведения (объема и степени доминирования преобладающего мотива) в криминологии традиционно выделяют корыстный, корыстно-насильственный и псевдокорыстный типы личности преступника. Особенность личности преступника, использующего рабский труд, заключается в том, что в нем преобладают корыстные мотивы. Насилие в этом случае играет в первую очередь инструментальную роль. В то же время не исключены ситуации, при которых преступник, используя беззащитное положение жертвы-раба, выражает неудовлетворенность своим положением или статусом путем применения насилия к такой жертве. Корысть приобретает черты общего фона, в котором скрыт истинный мотив поведения – наслаждение властью над беспомощной жертвой.

Следующая традиционная типология личности преступника основывается на глубине, стойкости и интенсивности антисоциальной направленности преступника. С учетом этого можно выделить криминально-устойчивый, профессионально-привычный, демонстративно-акцентуированный и социально-неустойчивый тип личности.

Криминально-устойчивый тип личности характеризуется выбором рабских форм эксплуатации труда в качестве профильной специализации. Он активно формирует ситуацию преступления, организует преступные группы. В то же время зачастую это вполне социально-адаптированные граждане.

Профессионально-привычный тип личности преступника предпочитает упрощенную схему совершения преступления, в которой ситуация играет существенную роль. Преступники используют сложившуюся ситуацию для совершения преступления (например, использование массажных салонов и бань для организации проституции).

Демонстративно-акцентуированный тип личности выражается в самоутверждении своего «Я». Примером такого типа преступника могут выступать организаторы различного рода сект. В данной ситуации насилие начинает играть существенную роль, зачастую преобладая перед корыстными мотивами. Насилие начинает выступать уже не как инструмент порабощения жертвы, а как способ де-

монстрации власти и господства. Зачастую степень применяемого насилия не адекватна достигнутой корыстной цели.

Социально-неустойчивый тип личности-эксплуататора представлен лицами, оказывающими всевозможное содействие в организации эксплуатации рабского, принудительного труда. Корыстолюбие и выбор преступления в виде незаконной эксплуатации легли на благодатную почву в виде возможности использования легальных возможностей человека в преступных целях. Злоупотребление выполнением должностных обязанностей рассматривается как способ достижения преступной цели. Зачастую отсутствуют и какие-либо явные признаки десоциализации. Представителями данного типа являются лица, изготавливающие необходимые документы, сотрудники контрольно-надзорных органов, покрывающих деятельность виновных лиц. Разновидностью в рамках рассматриваемого типа личности выступает «случайный» преступник.

Анализ проанализированных в настоящей статье криминологических черт личности преступника-эксплуататора позволяет согласиться с выводом В.И. Коваленко, что она характеризуется совокупностью социально-негативных признаков (качеств), высокой степенью общественной опасности, стойкой антиобщественной направленностью, доминирующей корыстной (корыстолюбивой) мотивацией преступного поведения, предопределивших противоправное использование (эксплуатацию) полезных свойств личности другого человека, его труда и услуг [7, с. 122-123].

Криминологическое изучение личности преступника, использующего рабский труд, полезно не только в теоретическом осмыслении общего учения о личности преступника. Исследования в этом направлении способствуют выявлению и оценке тех свойств и особенностей человеческой психики и модели поведения, которые порождают преступное поведение. Особенности личности служат субъективной основой преступного поведения.

Обеспечить коррекцию поведения невозможно, если криминальные особенности личности останутся прежними. В связи с этим результаты, полученные по итогам исследования личности преступника, должны быть использованы в профилактике преступлений.

Литература

1. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое исследование. М., 2010. 368 с.
2. Журавлев С.Ю., Крепышева С.К. Квалификационные основы и содержание отдельных элементов криминалистической характеристики преступной деятельности, связанной с торговлей людьми и использованием рабского труда // Российский следователь. 2007. № 24. С. 3-6.

3. Зиядова Д.З., Шахбанов Р.М. Проблемы использования рабского труда в Республике Дагестан // Бизнес в законе. 2013. № 6. С. 67-69.
4. Криминология / под ред. В.Д. Малкова. М., 2006. 528 с.
5. Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 2009. 800 с.
6. Лебедев С.Я. Торговля людьми как криминологическая проблема // Взаимодействие правоохранительных органов и неправительственных организаций (НПО): эффективная стратегия противодействия торговли людьми: сб. мат-лов междунар. круглого стола. М., 2005. С. 36-39.
7. Личностные характеристики преступников / под ред. Ю.М. Антонына. М., 2016. 311 с.
8. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Т. II: Особенная часть. М., 2011. 872 с.
9. Полянская Е.М. Проблемы предупреждения и использования рабского труда и торговли людьми: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 20 с.
10. Полянская Е.М. Вопросы криминологической характеристики торговли людьми и использования рабского труда // Общество и право. 2009. № 5. С. 209-213.
11. Федорович Д.Ю. Современное состояние борьбы с торговлей людьми в России // Общество и право. 2007. № 4. С. 204-208.

УДК 351.74: 343.85

Р.А. Семенюк, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: ruslanbarnaul@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ УЧАСТКОВЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПОЛИЦИИ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

В представленной статье анализируются некоторые проблемы предупреждения семейно-бытовых преступлений и административных правонарушений, совершаемых в состоянии опьянения, с которыми сталкиваются сотрудники полиции в своей практической деятельности. Задачей исследования является рассмотрение проблем профилактического воздействия в отношении лиц, совершающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений.

Ключевые слова: предупреждение правонарушений, семейно-бытовые преступления, состояние опьянения.

R.A. Semeniuk, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ruslanbarnaul@mail.ru

SOME PROBLEMS OF PRECINCT POLICE PREVENTING FROM FAMILY AND DOMESTIC CRIMES COMMITTED IN A STATE OF INTOXICATION

The present article analyzes some problems of prevention from domestic crimes and administrative offenses committed in a state of intoxication, which the police faces in their practice. The aim of the study is to examine the problems of preventive effects against individuals committing offenses in the sphere of family relations.

Key words: crime prevention, domestic crime, intoxication.

Анализ материалов уголовных дел о семейно-бытовых преступлениях, совершенных на территории России за последние три года, показывает, что большинство из них совершается в состоянии опьянения. Однако удельный вес самих преступлений в сфере семьи и быта, совершаемых в состоянии опьянения, колеблется от 5 до 7% [4].

Результаты проведенного нами исследования показали, что чаще всего в состоянии опьянения в семье и быту совершаются такие преступления, как угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, убийство, побои, умышленное причинение легкого вреда здоровью, истязание, изнасилование, насильственные действия сексуального характера и другие преступные деяния. Как правило, они совер-

шаются по мотивам мести, ревности, ссоры, внезапно возникших личных неприязненных отношений.

Практика показывает, что пьяные преступления, совершаемые на почве семейно-бытовых конфликтов, обычно носят насильственный либо корыстно-насильственный ситуативный характер. Они являются результатом разрешения внутрисемейных, родственных и соседских конфликтных взаимоотношений; совершаются в результате длящихся семейных конфликтов, при которых «толчком» к противоправным действиям могут служить даже незначительные поводы (не так посмотрел, не то сказал и др.). Данные противоправные деяния в большинстве случаев совершаются мужчинами в возрасте от 30 до 50 лет.

При изучении мнения участковых уполномоченных полиции (опрошено 78 человек) о повышении эффективности профилактики преступлений, совершаемых в семейно-бытовой сфере, задавался вопрос: «Каковы, на Ваш взгляд, основные причины и условия возникновения преступлений в сфере семейно-бытовых отношений?». На что опрашиваемые на первое место поставили жилищные и материальные проблемы, переросшие в семейные конфликты (68%), на второе – пьянство, неудовлетворительную организацию досуга, асоциальный образ жизни членов семьи (57%). Далее отмечался низкий уровень воспитания, нравственности (34%).

Анализ результатов проведенного нами исследования показал, что в практической деятельности участковых уполномоченных полиции имеется ряд проблем в сфере профилактики семейно-бытовых правонарушений.

Во-первых, не всегда представляется возможным своевременно реагировать на сообщения о бытовых конфликтах. К сожалению, на практике полицию вызывают уже тогда, когда преступление совершено, а не в период, ему предшествующий (семейный, бытовой конфликт, известный обществу), где можно было бы предупредить, предотвратить либо пресечь преступные намерения. Поэтому участковым уполномоченным в целях разрешения данной проблемы предлагается проводить разъяснительно-просветительскую работу с населением. Ее суть заключается в том, чтобы убедить граждан в необходимости своевременного информирования органов внутренних дел об известных им фактах происшествий и правонарушений, т.к. без помощи населения участковым уполномоченным полиции не всегда представляется возможным осуществлять профилактику правонарушений на достаточном профессиональном уровне.

Во-вторых, имеется проблема доставления правонарушителей, находящихся в жилище в состоянии опьянения, в тех случаях, когда это необходимо в целях недопущения или пресечения причинения вреда жизни и здоровью граждан, нанесения ущерба имуществу.

Так, в соответствии с п. 14 ч. 1 ст. 13 федерального закона «О полиции» сотрудники полиции имеют право доставлять по письменному заявлению граждан в медицинские организации либо в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции находящихся совместно с ними в жилище граждан в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, если есть основания полагать, что они могут причинить вред жизни и здоровью граждан, нанести ущерб имуществу [2].

Однако данная норма практически не применяется, поскольку потерпевшие, как правило, отказываются давать письменное заявление и (или) проходить медицинское освидетельствование на предмет телесных повреждений. Особенно это актуально в тех случаях, когда отсутствует уголовно-процессуальное основание для задержания лица, совершившего семейно-бытовое преступление, которое после ухода сотрудников органов внутренних дел вновь остается совместно с потерпевшим в жилище. При этом сохраняется реальная возможность повторного причинения вреда жизни и здоровью граждан, нанесения ущерба имуществу.

По нашему мнению, данное право сотрудников полиции не позволяет в полной мере им осуществлять деятельность по предупреждению и пресечению семейно-бытовых преступлений и административных правонарушений. Поскольку правонарушитель, находясь в состоянии опьянения, остается общественно опасным и в силу этого склонным к совершению повторного аналогичного правонарушения. Поэтому нами предлагается пункт 14 ч. 1 ст. 13 федерального закона «О полиции» изложить следующим образом: «Сотрудники полиции имеют право доставлять граждан в медицинские организации либо в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, находящихся в жилище в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, если есть основания полагать, что они могут причинить вред жизни и здоровью иных лиц, нанести ущерб имуществу». По данному факту сотрудником полиции пишется рапорт, на основании которого пьяного правонарушителя предлагается изолировать от общества до момента его вытрезвления либо до тех пор, когда он перестанет быть общественно опасным.

Данное изменение позволит предотвращать и пресекать совершение повторных семейно-бытовых преступлений со стороны виновных лиц, находящихся в состоянии опьянения и опасных для окружающих. Потерпевшие граждане, в свою очередь, имеют право подать заявление о привлечении виновного к юридической ответственности. В итоге это повысит эффективность деятельности сотрудников полиции в области предупреждения семейно-бытовых преступлений, совершаемых в состоянии опьянения.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации доставление лица, совершившего преступление в сфере семьи и быта, возможно с последующим его задержанием, если это лицо подозревается в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в

виде лишения свободы, при наличии одного из следующих оснований: 1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; 2) когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление; 3) когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления, а также если лицо пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 91 УПК РФ) [5].

Таким образом, при совершении, например, уголовно наказуемых побоев, предусмотренных ст. 116 УК РФ, применение задержания сотрудниками полиции возможно, а при совершении побоев, предусмотренных ст. 116.1 УК РФ, нет оснований в его применении (т.к. санкцией ст. 116.1 УК РФ не предусмотрено наказание в виде лишения свободы). При совершении административно наказуемых побоев, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, основание в соответствии со ст. 27.3 КоАП РФ для осуществления административного задержания имеется [1] и его следует применять.

Однако на сегодняшний день в соответствии с административным и уголовным законодательством задержание, как правило, сотрудниками полиции в отношении лиц, совершивших семейно-бытовое преступление небольшой тяжести и находящихся в жилище в состоянии опьянения, не применяется. Виновному лицу всего лишь предлагается добровольно прибыть в служебное помещение территориального органа внутренних дел (либо он сопровождается), где его опрашивают, проводят профилактическую беседу, после чего он уходит. При этом сохраняется возможность повторного совершения правонарушения с его стороны.

Анализ материалов уголовных дел по преступлениям в сфере семейно-бытовых отношений, связанных с причинением вреда здоровью, показал, что одним из доказательств является акт судебно-медицинского освидетельствования (экспертизы). Однако после примирения сторон либо по другим причинам потерпевшие, как правило, отказываются проходить медицинское освидетельствование. В итоге отсутствие медицинских документов, подтверждающих факт причинения телесных повреждений, лишает сотрудников полиции возможности привлечь виновного к уголовной ответственности [6, с. 95-96]. До настоящего времени данная проблема законодательным путем не разрешена.

В соответствии с пунктом 63.3 Приказа МВД России № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» лица, совершившие правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и представляющие опасность для окружающих, ставятся на профилактический учет в органах внутренних дел, и с ними участковыми уполномоченными полиции проводится индивидуальная профилактическая работа. Эта работа начинается с выявления данной подучетной категории лиц.

Как показывает практика, такие лица выявляются среди освобожденных из мест лишения свободы, осужденных за совершение бытовых, насильственных, корыстно-насильственных преступлений, не связанных с лишением свободы, иных правонарушителей, злоупотребляющих спиртным, потребляющих наркотические средства.

В целях предупреждения и пресечения противоправного поведения со стороны данных лиц участковому уполномоченному полиции следует своевременно выявлять криминогенные факторы в сфере семьи и быта. Они выявляются в процессе организации работы с гражданами на основе доверительных отношений; приема граждан; отработки жилого сектора, т.е. мест постоянного проживания граждан – квартиры, частные дома, общежития, а также подъезды, лифты и дворы многоквартирных домов.

Довольно часто бытовое пьяное преступление совершается по причине виктимного (как правило, провоцирующего, противодействующего, легкомысленного, асоциального) поведения самого потерпевшего. Чаще всего это поведение выражается в систематическом пьянстве, наркомании, словесной ругани, в нецензурной брани, криках, высказывании претензий, в нанесении ударов и ином конфликтном поведении в отношении виновного, что, как правило, приводит к преступлению. Поэтому в целях недопущения преступных посягательств сотрудникам полиции при работе с гражданами предлагается проводить разъяснительную работу в рамках виктимологической профилактики с целью недопущения конфликтного поведения и провокации насилия (ругань, ссоры) по отношению к лицам, находящимся в состоянии опьянения. Это может способствовать противоправному поведению с их стороны [3, с. 36].

Таким образом, в деятельности сотрудников полиции по предупреждению семейно-бытовых преступлений и административных правонарушений, совершаемых в состоянии опьянения, остается ряд практических проблем, которые, в свою очередь, способствуют росту уровня безнаказанности дан-

ного типа правонарушителей и повторному совершению аналогичных противоправных деяний.

С другой стороны, эффективность предупреждения семейно-бытовых правонарушений, совершаемых в состоянии опьянения, будет способство-

вать сокращению количества иных противоправных деяний в жилом секторе, снижению чувства страха перед «семейными дебоширами», повышению уровня общественной безопасности и улучшению семейно-бытовых условий граждан.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Семенюк Р.А. Криминологические особенности преступлений, совершаемых в состоянии опьянения (по материалам Сибирского федерального округа): учебно-методическое пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016.

4. Состояние преступности в Сибирском федеральном округе за 2014-2016 годы. Доступ из «ГИАЦ МВД России» (дата обращения: 21.01.2017).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Щеглов А.И. Криминологический анализ преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений (по материалам Алтайского края) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы четырнадцатой международной научно-практической конференции: в 2 ч. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. Ч. 2.

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

УДК 343.985:343.352

С.В. Ермаков, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: ermaksv_alt22@mail.ru

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК ОСНОВА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ И ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ УКАЗАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (СОДЕРЖАНИЕ)

Определив понятие и элементы оперативно-разыскной характеристики взяточничества в сфере здравоохранения, автор на основе проведенного им исследования раскрывает содержание указанных элементов.

Ключевые слова: содержание оперативно-разыскной характеристики взяточничества, взяточничество в сфере здравоохранения, коррупция в сфере здравоохранения.

S.V. Ermakov, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ermaksv_alt22@mail.ru

OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE CHARACTERISTICS OF HEALTH CARE BRIBERY AS THE BASIS FOR EXPOSITION AND DOCUMENTATING OF THE SPECIFIED CRIMES (CONTENT)

Having determined the concept and elements of the operational and investigative characteristics of bribery in the healthcare sphere, the author, on the basis of the research, discloses the content of these elements.

Key words: the content of the operational and investigative characteristics of bribery, bribery in the healthcare sphere, corruption in the healthcare sphere.

Определив ранее понятие и элементы оперативно-разыскной характеристики взяточничества в сфере здравоохранения [9], рассмотрим её содержание.

Одним из наиболее специфичных элементов оперативно-разыскной характеристики взяточничества в сфере здравоохранения является личность взяточника. Следует отметить, что осведомлен-

ность об особенностях лиц, совершающих преступления, традиционно считается неперемным условием правильной организации оперативно-разыскной деятельности. В этой связи нельзя не согласиться с точкой зрения Р.Л. Ахмедшина о том, что «аксиомой является утверждение о невозможности эффективного раскрытия преступлений без использования познаний о человеке» [6, с. 6].

Личность преступника, представляющая собой универсальный источник воспроизводства и накопления многообразной информации, является объектом изучения многих наук юридического профиля. Наряду с теорией оперативно-разыскной деятельности она изучается криминологией [1, с. 8-113], криминалистикой [11, с. 28] и другими науками юридического цикла.

Рассматриваемый элемент является центральным, хотя и имеет самостоятельное значение и свою структуру, представляющую собой научно разработанную систему обобщенных данных о типичных оперативно значимых признаках указанных лиц: социально-демографических данных, нравственно-психологических качествах, осведомленности о силах, средствах и методах оперативно-разыскной деятельности, поведенческих признаках, познание которых необходимо для решения организационно-тактических задач оперативно-разыскной деятельности по борьбе со взяточничеством в указанной сфере.

Исходя из результатов анализа социально-демографических данных фигурантов изученных нами уголовных дел, в общей массе взяточполучателей в сфере здравоохранения доля женщин составляет 81%, мужчин – 19%.

Несколько иное соотношение по половому признаку прослеживается у взяткодателей, среди которых 74% – лица мужского пола, 26% – женского. Около 86% пособников во взяточничестве являются лицами женского пола, 14% – мужского.

Исследование показало, что чаще всего получение взятки в сфере здравоохранения совершается лицами в возрасте: 35-45 лет – 41%; 25-35 лет – 38%; 45-55 лет – 13%; старше 55 лет – 6%; моложе 25 лет – 2%. Дача взятки: возрастная группа 25-35 лет – 59%; моложе 25 лет – 17%; 35-45 лет – 11%; 45-55 лет – 9%; старше 55 лет – 4%. Анализ возрастной характеристики пособников во взяточничестве выглядит следующим образом: 35-45 лет – 63%; 25-35 лет – 17%; 45-55 лет – 12%; старше 55 лет – 8%.

Для лиц, получающих взятки в сфере здравоохранения, характерен высокий уровень образования. Абсолютное большинство указанных лиц имеют высшее медицинское образование. Что касается лиц, передающих предмет взятки, 57% из

них имеют среднее профессиональное образование, 20% – среднее и 23% – высшее. Применительно к пособникам во взяточничестве их образовательный уровень характеризуется двумя основными категориями: среднее профессиональное (54%) и среднее образование (35%). Высшее образование имеет незначительная часть пособников (11%).

Обобщение вышеуказанных заключений позволяет сформировать типичные социально-демографические портреты лиц, совершающих взяточничество в сфере здравоохранения. Так, например, типичный социально-демографический портрет лица, получающего взятки, выглядит следующим образом: как правило, им является лицо женского пола (81%), 25-45 лет (79%), имеющее высшее медицинское образование. Типичными пособниками во взяточничестве, как правило, являются лица женского пола (86%), 25-45 лет (80%), имеющие среднее профессиональное образование (54%). Типичным лицом, передающим взятку, является лицо мужского пола (74%) в возрасте 25-35 лет (59%), имеющее среднее профессиональное образование (57%).

Представленные социально-демографические портреты целесообразно принимать во внимание при определении круга лиц, склонных к совершению взяточничества в сфере здравоохранения, в среде которых наиболее целесообразно осуществлять оперативно-разыскные мероприятия, направленные на выявление первичных оперативно-разыскных данных о взяточничестве.

Знание сотрудниками оперативных подразделений психологических особенностей личности преступников позволяет наиболее избирательно и верно подойти к выбору тактики проведения оперативно-разыскных мероприятий, наиболее точно подобрать источник оперативной информации, способный освещать преступную деятельность фигуранта.

Исследование показало, что стержнем нравственно-психологической структуры личности рассматриваемой категории преступников являются потребностно-мотивационные свойства, интегрирующие ее жизненные установки и ориентации.

Обращаясь к результатам исследования мотивации преступного поведения лиц, получающих взятки в сфере здравоохранения, следует отметить, что для большинства из них характерны корыстные мотивы на фоне завышенных материальных потребностей. 25-45 лет – наиболее криминогенный возраст рассматриваемой категории лиц, именно в данном возрасте особенно высоки потребности в самоутверждении и в стремлении получить максимальное количество жизненных благ. Обозначенный фактор объясняет отмечаемую нами в большинстве случаев

систематичность совершения преступлений в целях получения постоянного преступного дохода.

Чрезвычайно важное значение для выявления и документирования взяточничества в сфере здравоохранения имеет представление сотрудников подразделений ЭБиПК об уровне осведомленности преступников о силах, средствах и методах оперативно-разыскной деятельности.

Обобщенные результаты опроса сотрудников подразделений ЭБиПК свидетельствуют о том, что большинство «бытовых» взяточников в сфере здравоохранения обладают низкой осведомленностью о силах, средствах и методах оперативно-разыскной деятельности. Уровень осведомленности об указанных составляющих инструментария оперативно-разыскной деятельности «профессиональных» взяточников значительно выше, что ведет к повышенной конспиративности совершаемых ими преступлений, качественно отличающимся мерам противодействия проведению оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий.

Д.В. Гребельский относил осведомленность оперативных работников о поведенческих признаках лиц, совершающих преступления, к элементам квалификационной характеристики сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел [8, с. 85-86].

Опираясь на результаты исследования, представляется возможным сформулировать наиболее характерные для рассматриваемой категории преступников поведенческие признаки: превышение расходов над доходами (86%); навязывание пациентам необходимости возмездного характера оказания любой медицинской услуги, независимо от того, платная она или бесплатная (81%); пренебрежительное отношение к пациентам, обращающимся за оказанием медицинской помощи на бесплатной основе (75%); получение от пациентов подарков накануне праздников (62%); искусственное создание сложностей при решении организационных вопросов, связанных с оказанием медицинской помощи пациентам (52%); обращение к пациентам с различного рода просьбами, связанными с необходимостью решения личных вопросов (47%); намеренное введение в заблуждение пациентов о стоимости предстоящего лечения (39%) и др.

Приведенный перечень признаков не является исчерпывающим, но отражает основные виды информационных сигналов о лицах, склонных к получению взяток в сфере здравоохранения. Данные признаки могут быть положены в основу оперативного поиска первичных оперативно-разыскных данных о лицах, совершающих указанные преступления.

Определенными особенностями обладает такой элемент оперативно-разыскной характеристики взяточничества в сфере здравоохранения, как типичный круг лиц, осведомленных о взяточничестве, и лицах, к нему причастных.

Результаты изучения уголовных дел, возбужденных по фактам «бытового» взяточничества в сфере здравоохранения, позволяют прийти к выводу о том, что в число свидетелей, которые потенциально могут быть приравнены к обозначенной нами категории, входят:

- руководители учреждений здравоохранения (главные врачи и их заместители по клинико-экспертной деятельности, в чьи функциональные обязанности входит надзор за обоснованностью принятия врачами-специалистами тех или иных решений (например, об оформлении и выдаче: листка временной нетрудоспособности; медицинской справки и т.п.), заведующие структурными подразделениями (отделениями), в которых работают потенциальные взяточники, из числа врачей-специалистов и др.);

- врачи-специалисты (врачи общей практики (семейные врачи), врачи-психиатры, врачи-терапевты, врачи-терапевты участковые, врачи-травматологи-ортопеды, врачи-хирурги, врачи-специалисты и др.) – коллеги по работе потенциальных взяточников, особенно находящиеся с ними в конфликтных отношениях, а также стремящиеся к карьерному росту;

- средний медицинский персонал (медицинские регистраторы, участковые медицинские сестры, медицинские сестры врачей общей практики (семейных врачей) и др.). Следует учитывать, что медицинские регистраторы и медицинские сестры, как правило, являются одними из наиболее осведомленных категорий о «бытовом» взяточничестве в сфере здравоохранения. Причиной тому является прохождение через регистратуру большей части документооборота, связанного со взяточничеством (амбулаторные карты, листки временной нетрудоспособности, медицинские заключения и т.д.). При этом следует акцентировать внимание на том, что представители среднего медицинского персонала не только располагают оперативно значимой информацией, но зачастую и сами могут участвовать во взяточничестве, выступая в роли посредников;

- потенциальные взяткодатели и круг их общения, которыми применительно к «бытовому» взяточничеству в сфере здравоохранения являются: пациенты, студенты, учащиеся техникумов, профессиональных технических училищ, таксисты, представители декретированных профессий (работники торговли, общественного питания, детских дошкольных учреждений, родители детей-инвалидов,

лица, имеющие лицензию на приобретение, хранение и ношение оружия самообороны и др.).

Так, например, источником первичных оперативно-разыскных данных о преступной деятельности гр-ки Т., участкового врача-педиатра одного из медицинских учреждений Новосибирской области, за взятки оформлявшей и выдававшей санаторно-курортные карты, а также санаторно-курортные путевки, стало сообщение матери ребенка-инвалида, которой при наличии законных оснований на получение вышеуказанных документов в этом было отказано по причине того, что она ответила отказом на незаконное требование о передаче взятки, поступившее со стороны гр-ки Т. [3];

- лица, уволенные из учреждений здравоохранения при компрометирующих обстоятельствах либо против их воли;

- иные работники учреждений здравоохранения (гардеробщицы, сантехники, электрики и др.).

В ходе проводимого нами исследования были отмечены и другие категории лиц, которые по тем или иным причинам могут быть осведомлены о «бытовом» взяточничестве в сфере здравоохранения, например: лица, выражающие недовольство фактами взяточничества в указанной сфере, выступающие с подобными заявлениями в средствах массовой информации, интернете, проявляющие свое недовольство взяточничеством иным путем, не включающим в себя официальное обращение в органы внутренних дел.

Что касается круга лиц, осведомленных о «профессиональном» взяточничестве в сфере здравоохранения, то по результатам проведенного нами исследования в указанный круг входят:

- представители государственных структур либо коммерческих организаций, занятых размещением заказов для государственных и муниципальных нужд в сфере здравоохранения;

- представители регионального Министерства (Управления) здравоохранения и его подведомственных учреждений, особенно находящиеся в оппозиции действующей администрации и стремящиеся к карьерному росту;

- сотрудники юридических отделов, финансово-экономических отделов, кадровых подразделений учреждений здравоохранения;

- частные предприниматели, финансово-хозяйственная деятельность которых непосредственно связана со сферой здравоохранения.

В качестве примера указанной категории можно привести уголовное дело в отношении главного врача одного из медицинских учреждений Алтайского края гр-на Ч., который, исходя из материалов уголовного дела, получил от предпринимателя Р. взятку за предоставление последнему возможности

осуществлять торгово-закупочную деятельность в медицинском учреждении, руководство которым он осуществлял [2];

- секретари и делопроизводители медицинских комиссий (ВВК, МСЭК и др.);

- потенциальные взятокодатели и круг их общения, которыми применительно к «профессиональному» взяточничеству в сфере здравоохранения являются: призывники, лица, оформляющие медицинские документы для прохождения МСЭ, отдельные категории инвалидов, мигранты, а также лица, встречающие и курирующие их на территории Российской Федерации, адвокаты, студенты образовательных учреждений здравоохранения, частные предприниматели, арендующие помещения в учреждениях здравоохранения, и другие – 27%;

- лица, уволенные из учреждений здравоохранения, – 15%.

Следует отметить, что мотивы содействия и оперативная информация, полученная от указанных лиц, в обязательном порядке в силу понятных причин должны тщательно проверяться.

Достаточно специфичным является такой элемент оперативно-разыскной характеристики взяточничества в сфере здравоохранения, как типичный перечень документов, свидетельствующих о взяточничестве в сфере здравоохранения. Указанный перечень условно может быть классифицирован следующим образом:

- документы, отражающие ход совершения взяточничества (например, амбулаторная карта, история болезни, выписка из истории болезни, письма, записки, стикеры, перекидные календари, дневники, записные книжки, а также иные записи чернового учета, использующиеся в ходе совершения преступления и т.п.);

- документы, имеющие юридическое значение и влекущие определенные юридические последствия (например, листок временной нетрудоспособности, справка, заключение ВВК, акт освидетельствования в учреждении Государственной службы медико-социальной экспертизы и т.п.);

- документы, имеющие отношение ко взяточничеству в сфере здравоохранения (например, документы, содержащие оперативно значимую информацию о разрабатываемом лице, характеризующие его личность, определяющие его юридический статус: заключение по результатам служебной проверки, заявление о приеме на работу, приказ о приеме на работу, должностные обязанности).

Обнаружение и изъятие совокупности вышеуказанных документов позволяет установить прямую причастность фигуранта к совершению взяточничества, наличие оснований для возбуждения уголовного дела и привлечения его к уголовной ответ-

ственности, чем обеспечивается достижение целей и задач оперативной разработки и следующего за ней оперативно-разыскного обеспечения расследования преступлений.

Предметом взяточничества в сфере здравоохранения, исходя из анализа изученных нами уголовных дел, в 91% случаев являются наличные денежные средства, в 5% случаев – оргтехника, в 3% случаев – предметы бытового назначения и в 1% случаев – продукты питания, спиртные напитки и т.п.

По времени совершения преступлений, учитывая ежедневный и порою круглосуточный режим работы некоторых учреждений здравоохранения, распределение вышеуказанных деяний выглядит следующим образом: по дням недели: понедельник – 17%; вторник – 9%; среда – 25%; четверг – 29%; пятница – 12%; суббота – 5%; воскресенье – 3%; по времени суток: с 8 до 12 часов – 28%; с 12 до 16 часов – 41%; с 16 до 20 часов – 24%; с 20 до 24 часов – 6% и с 24 до 8 часов – менее 1%.

Местами совершения взяточничества в сфере здравоохранения являются: служебные кабинеты взяткополучателей – 86%; иные помещения учреждений здравоохранения (коридоры, места общего пользования, пространство под лестничными маршами и т.д.) – 7%; личный автотранспорт – 4%; улица – 2%; жилище – 1%.

Способ совершения преступления является одним из специфических элементов оперативно-разыскной характеристики взяточничества в сфере здравоохранения. Способ совершения преступлений – это система действий (бездействия) по подготовке, совершению, сокрытию преступления, с присущими ей следами-последствиями, избираемая субъектом для достижения преступного результата в соответствии с его личными свойствами и обстановкой преступления [7, с. 44].

Как показало проведенное нами исследование, способ совершения взяточничества в сфере здравоохранения в большинстве случаев зависит от действий, составляющих объективную сторону рассматриваемых преступлений.

Для большинства «бытовых» взяток (84%) характерна непосредственная, ситуативная передача предмета взятки. Данный способ отличается отсутствием как таковых подготовительных действий к совершению преступления, а также скоротечностью его совершения.

На этапе совершения преступления большинство «бытовых» взяткополучателей (71%) применяют такой способ сокрытия следов своей преступной деятельности, как инструктирование взяткодателя о медицинских признаках заболевания, которые последнему надлежит демонстрировать в повседневной жизни для того, чтобы у окружающих (на-

пример, коллег по работе) не возникало сомнений в достоверности поставленного ему диагноза и подлинности выданных ему медицинских документов.

Так, например, врач-травматолог одного из медицинских учреждений Алтайского края г-н Щ., указав в выданном за полученную от гр-ки К. взятку фиктивном листке временной нетрудоспособности не соответствующий действительности диагноз – «травма, полученная в быту, ушиб нижней части спины и таза», проинструктировал последнюю, что «знакомым и коллегам по работе нужно говорить о том, что она упала на гололед, вследствие чего ощущает острую боль в области крестца и не может сидеть» [5].

В некоторых случаях (12%) бытовые взяткополучатели сопровождают вышеуказанные инструктажи действиями, направленными на создание внешних признаков достоверности диагноза, указанного в медицинских документах.

Так, например, врач-травматолог-ортопед одного из медицинских учреждений Алтайского края гр-н М., указав в выданном за полученную от гр-на С. взятку фиктивном листке временной нетрудоспособности не соответствующий действительности диагноз – «ушиб кисти правой руки», сопроводил указанные действия наложением лангетки на руку последнего [4].

Следует отметить, что большинство «бытовых» взяткополучателей (62%) халатно относятся к оформлению полного пакета документов, подтверждающих достоверность поставленного взяткодателю диагноза или обоснованность решения, принятого в пользу последнего, а порою просто игнорируют необходимость оформления подобных документов (5%).

Наиболее распространенным способом сокрытия «бытового» взяточничества, в случае если о передаче предмета взяточничества становится известно третьим лицам, является преподнесение окружающим получения взятки как подарка ко дню рождения, по поводу какого-либо праздника, в знак уважения и благодарности (85%).

Наиболее распространенным способом противодействия деятельности сотрудников ЭБиПК, а также органам следствия со стороны «бытовых» взятчиков является отрицание своей причастности к противоправным действиям с указанием на имевшую место провокацию взятки (67%).

Относительно способа совершения «профессиональных» взяток в сфере здравоохранения проведение исследования позволило прийти к следующим выводам. В отличие от «бытовых» взяток по большинству изученных нами уголовных дел о «профессиональном» взяточничестве в сфере здравоохранения (97%) прослеживается предварительная подготовка взятчиков к совершению указан-

ных преступлений. Исходя из анализа изученных нами уголовных дел, в 12% случаев в совершении преступления принимает участие один посредник. При этом следует отметить, что интервьюирование сотрудников подразделений ЭБиПК показывает, что уровень посредничества при «профессиональном» взяточничестве фактически в несколько раз выше.

Обобщая изученные нами уголовные дела о «профессиональном» взяточничестве в сфере здравоохранения, по которым прослеживается участие посредника в даче-получении взятки, следует отметить, что в большинстве случаев уровень посредничества во взяточничестве в указанной сфере прямо пропорционален уровню должностного положения взяткополучателя. Чем выше должностное положение, тем выше вероятность того, что взятка будет передана через посредника.

Характеризуя способ на этапе непосредственного совершения преступления, следует отметить наблюдаемый в большинстве случаев отказ «профессиональных» взяточников принимать предмет взятки «из рук в руки». В большинстве случаев (72%) при непосредственной передаче взяткодателем денежных средств последнему жестом руки или взглядом указывается место, куда надлежит положить предмет взятки (например, лежащий на рабочем столе журнал и т.д.), на которое взяткополучатель долгое время не обращает внимания и не прикасается. В ходе непосредственного разговора «профессиональные» взяткополучатели, как правило, исключают прямое оглашение своих требований к взяткодателю, давая понять их своим поведением, например киванием головы в ответ на оглашение предложения о даче взятки и ее размера (64%),

либо излагают их на бумажных листках, стикерах, страницах перекидных календарей, которые сразу же уничтожают либо, сминая, выбрасывают в мусорную корзину; ограничивают себя в общении по телефону, отдавая предпочтение разговору в ходе непосредственной встречи (2%), меняют сим-карты на сотовом телефоне (1%).

Изобличенные во взяточничестве «профессиональные» взяточники в качестве способа противодействия, также как и «бытовые» взяточники, отрицают свою причастность к противоправным действиям с указанием на имевшую место провокацию взятки (71%); пытаются организовывать в большинстве случаев через посредников из числа своих связей дачу взятки сотрудникам подразделений ЭБиПК, осуществляющим оперативное сопровождение, а также сотрудникам следственных органов, осуществляющим предварительное следствие (7%).

В некоторых случаях «профессиональные» взяточники симулируют наличие признаков различного рода, как правило, тяжелых медицинских заболеваний с последующей госпитализацией в учреждения здравоохранения (9%).

Таким образом, учитывая взаимосвязь оперативно-разыскной характеристики и оперативно-разыскной методики выявления и раскрытия однотипных видов или групп преступлений, которую достаточно аргументировано обосновали Г.К. Синилов и И.А. Климов [10, с. 11-14], находим обоснованным основополагающее значение выделенных и рассмотренных нами элементов оперативно-разыскной характеристики взяточничества в сфере здравоохранения для выявления и документирования указанных преступлений.

Литература

1. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое исследование. М.: Норма: Инфра-М, 2010.
2. Архив Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края. Д. № 1- 371/2009.
3. Архив Федерального суда общей юрисдикции Болотнинского района Новосибирской области. Д. № 1- 739/2008.
4. Архив Алейского городского суда Алтайского края. Д. № 100271/2007.
5. Архив Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края. Д. № 1-75/2005.
6. Ахмедшин Р.Л. Изучение личности преступника в методике расследования преступлений. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.
7. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.
8. Гребельский Д.В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М.: Академия МВД СССР, 1977.
9. Ермаков С.В. Оперативно-разыскная характеристика взяточничества в сфере здравоохранения (понятия и элементы) // Алтайский юридический вестник. 2017. № 2 (18). С. 109-112.
10. Климов И.А., Синилов Г.К. Предмет, система, методология, история и перспективы развития теории оперативно-розыскной деятельности: курс лекций. М.: ЮИ МВД России, 1995. Вып. 1.
11. Лашко Н.Н. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования взяточничества и коррупции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

УДК 343.72:343.13(571.150)

Д.В. Ким, доктор юрид. наук, профессор
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: kimklo@mail.ru

ТИПИЧНЫЕ СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРАКТИКИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

В статье анализируются типичные способы противодействия уголовному преследованию по делам о мошенничестве в сфере сельскохозяйственного страхования, на основе которых предлагаются рекомендации органам предварительного расследования и государственному обвинителю.

Ключевые слова: противодействие уголовному преследованию, мошенничество в сфере сельскохозяйственного страхования, предварительное расследование.

D.V. Kim, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: kimklo@mail.ru

TYPICAL WAYS OF CRIMINAL PROSECUTION COUNTERACTION IN CRIMINAL CASES OF FRAUD IN AGRICULTURAL INSURANCE SPHERE (ON THE PRACTICE MATERIALS OF THE ALTAI TERRITORY)

The article analyzes typical ways of criminal prosecution counteraction in cases of agricultural insurance fraud, on the basis of which recommendations are offered to the bodies of preliminary investigation and the state prosecutor.

Key words: counteraction to criminal prosecution, fraud in the agricultural insurance sphere, preliminary investigation.

Изучение следственной и судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере страхования указывает на актуальность проблем криминалистического обеспечения противодействия преступной деятельности, связанной с хищениями бюджетных средств, направляемых на субсидирование страхования урожая производителями сельскохозяйственной продукции.

Острота проблемы мошенничества в данной сфере страхования обращает на себя особое внимание [2].

Так, Р.Н. Боровских в ходе изучения вопросов квалификации и расследования преступлений в сфере страхования в данном отношении отмечает, что инициатива хищения средств государственной поддержки, выделяемых аграриям при осуществле-

нии ими страхования от неурожая, может исходить как от страховщиков, так и от недобросовестных страхователей-аграриев, нередко действующих в сговоре с первыми [3, с. 96].

Опыт расследования и судебного разбирательства по уголовным делам о данных преступлениях, реализованный на территории Алтайского края, показывает, что в данном направлении региональная правоприменительная практика имеет определенные успехи. Имеются прецеденты эффективного уголовного преследования лиц, совершивших рассматриваемые преступления [4, 5].

Вместе с тем обобщение информации, получаемой в ходе регулярного обмена практическим опытом расследования и судебного разбирательства по данной категории уголовных дел, свидетельствует

о необходимости дальнейшего совершенствования методического инструментария по нейтрализации противодействия уголовному преследованию.

По результатам полученной информации, ее анализа представим далее основные доводы, которые используются подозреваемыми (обвиняемыми, подсудимыми) по уголовным делам рассматриваемой категории в противовес аргументам следствия, государственного обвинения и выводам суда.

Согласно типичной фабуле уголовного дела, преступные действия по заключению договоров страхования, займа и купли-продажи векселей, оформлению всех иных документов, а также совершению денежных манипуляций имеют целью хищение средств государственных субсидий, выделяемых сельхозпредприятиям на заключение договоров страхования, чтобы часть от этих денег получить в свое непосредственное распоряжение, а не на создание взаимных гражданских прав и обязанностей между страховыми компаниями и хозяйствами. Действия преступников лишь создают видимость движения денежных средств и видимость исполнения обязательств по договорам с сельскохозяйственными товаропроизводителями. Мнимость договоров страхования, используемых, по мнению следствия и суда, как прикрытие преступной деятельности, является одним из основных аргументов в пользу виновности осужденных по таким уголовным делам.

Соответственно, при обжаловании обвинительных приговоров по данным уголовным делам [1] осужденными и их защитниками прежде всего приводятся доводы, направленные на то, чтобы опровергнуть позицию обвинения и выводы суда о мнимости заключенных договоров страхования:

- приводятся ссылки на состоявшиеся судебные решения арбитражных судов по искам сельхозпроизводителей к страховой компании, которыми якобы подтверждается факт реальности договоров страхования, наличие реальных гражданских правоотношений и т.п.;

- предлагается принять во внимание показания свидетелей, которые в судебном заседании в суде первой инстанции указывали, что целью страхования было именно получение страховых выплат по страховому случаю, т.е. договоры не были фиктивными;

- приводятся заключение специалиста-аудитора по договорам займа, показания специалистов-страховщиков, показания свидетелей, указывающие, по мнению осужденных, на реальность и исполнение договоров страхования и займа;

- излагается довод о том, что осужденные требовали от руководителей хозяйств составление актов,

подтверждающих наступление страховых случаев, что свидетельствует о том, что осужденные воспринимали договоры страхования как реальные и законные;

- сторона защиты часто ссылается на то, что совершение сотрудниками страховой организации определенных действий, направленных на исполнение договоров: составление актов, расчетов, соглашений о взаимозачетах, ведение журнала заявленных убытков, свидетельствует о намерениях выполнять свои обязательства по страховому возмещению.

Еще одним типичным аргументом осужденных в пользу собственной невинности (отсутствия умысла на хищение и т.д.) является ссылка на исполнение ими своих служебных обязанностей. Якобы осужденные не выходили за рамки своих трудовых обязанностей, должностной инструкции и правил страхования, получали только заработную плату. Приводятся пояснения о том, что принятие руководителями филиалов страховых компаний решений о выплатах страхового возмещения сельхозтоваропроизводителям не находится в их компетенции, они лишь исполнители соответствующих решений. Осужденные также пытаются обосновать, что они не имеют отношения к принятию решений о выплате самой бюджетной субсидии и не могли влиять на принятие таких решений.

Весьма распространенным является такой способ противодействия уголовному преследованию, который связан с оспариванием юридического статуса похищенных денежных средств как бюджетных субсидий. Преступниками нередко приводится довод о том, что поскольку субсидии поступили на счета сельскохозяйственных предприятий, они утратили статус бюджетных средств и стали собственностью хозяйств, поэтому страховые компании, получив деньги от аграриев, не были получателями бюджетных средств.

Об отсутствии корыстной цели, по мнению осужденных, свидетельствуют следующие обстоятельства:

- осужденные получали только заработную плату, причем из головных офисов страховой компании;

- никаким имуществом, в т.ч. и денежными средствами, по которым можно было бы судить о противоправной деятельности, осужденные не владеют;

- денежные средства, поступившие на счета филиалов страховой компании от сельхозтоваропроизводителей, отражены в бухгалтерских документах, согласно которым осужденным денежным средств с банковских счетов не перечислялось;

- по делу не установлено доказательств того, чтобы иные лица, в т.ч. и фигуранты по делу, передавали бы осужденным денежные средства, снятые со счетов филиалов страховой компании.

Суммируя изложенное, необходимо прежде всего акцентировать внимание органов следствия на важность задачи установления и закрепления в ходе расследования фактических обстоятельств, которые позволили бы опровергнуть возможные аргументы подсудимых и осужденных из числа тех, кото-

рые представлены выше. Фактически речь идет об особенностях содержания предмета доказывания по уголовным делам соответствующей категории, а также о тактических особенностях расследования таких дел, его планировании. Учет соответствующих перспектив следует иметь в виду при составлении итоговых документов предварительного расследования. Тактика поддержания государственного обвинения также требует принятия во внимание изложенных выше обстоятельств.

Литература

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Алтайского краевого суда по делу № 22-3583/2013 от 13.08.2013 // Картоотека судебных решений «РосПравосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-altajskij-kraevoj-sud-altajskij-kraj-s/act-473022425> (дата обращения: 01.01.2017).

2. Афера со страхованием аграриев с подачи чиновников // Информационный портал «Сибкрай.ru». URL: http://sibkraj.ru/news/2/877219/?sphrase_id=594510 (дата обращения: 01.01.2016).

3. Боровских Р.Н. Криминологические, уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступлениям в сфере страхования: монография / под ред. Ю.П. Гармаева. Новосибирск: ООО «Альфа-Порте», 2016.

4. Приговор Новичихинского районного суда Алтайского края от 14.11.2011 в отношении С. // Картоотека судебных решений «РосПравосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-novichixinskij-rajonnyj-sud-altajskij-kraj-s/act-456358798> (дата обращения: 01.01.2017).

5. Приговор Центрального районного суда г. Барнаула № 1-21/2013 г. от 23.05.2013 в отношении К. и др. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/PewecEkTEFWv> (дата обращения: 01.01.2017).

УДК 343.985:343.575.4

А.В. Климачков

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: klimstyle@bk.ru

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ УЧАСТНИКОВ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В статье актуализируется значимость оперативно-разыскной характеристики преступлений для разработки методических рекомендаций, направленных на успешное выявление и документирование отдельных видов преступлений. Рассматриваются особенности организации и функционирования преступных групп, занимающихся незаконным сбытом наркотиков с использованием сети Интернет. Обобщаются данные о личности организатора, оператора, закладчика, входящих в указанные преступные группы.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскная характеристика, незаконный сбыт наркотических средств, интернет, личность преступника.

A.V. Klimachkov

a postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: klimstyle@bk.ru

OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE PERSONAL CHARACTERISTICS OF THE PARTICIPANTS OF THE ILLEGAL NARCOTIC DRUGS TRAFFICKING ACCOMPLISHED BY MEANS OF INTERNET NETWORK

The significance of operational and investigative characteristics of crimes is updated to develop methodological recommendations aimed at the successful identification and documentation of certain types of crimes. The article examines the specifics of the organization and functioning of criminal groups engaged in the illegal sale of drugs using the Internet. Data about the identity of the organizer, operator, and the mortgager who are members of the specified criminal groups are summarized.

Key words: operational and investigative activity, operational and investigative characteristic, illegal narcotic drugs trafficking, the Internet, the criminal identity.

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» [11] в качестве одного из условий обеспечения национальной безопасности и повышения качества жизни российских граждан обозначена борьба с организованной преступностью. Одним из основных видов организованной преступности является незаконный оборот наркотиков, который согласно «Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г.» характеризуется расширением своих масштабов [8].

Для современной преступности характерен криминальный профессионализм, поиск и применение новых способов совершения преступлений. В частности, нами отмечается, что механизм совершения незаконного сбыта наркотиков отличается своей динамичностью, появлением новых способов, связанных с различными ухищрениями, изощренными формами противодействия, что на практике вызывает трудности выявления и документирования указанных преступных действий оперативно-разыскными средствами и методами [5, с. 99]. Кроме того,

достаточно высока осведомленность большинства лиц, совершающих преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, о методах работы правоохранительных органов и тактике проведения оперативно-разыскных мероприятий, таких как проверочная закупка, оперативный эксперимент, снятие информации с технических каналов связи, прослушивание телефонных переговоров. Следствием этого является поиск ими адекватных способов противодействия деятельности сотрудников оперативных подразделений.

Анализ оперативно-разыскной и следственной практик раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного сбыта наркотиков в Алтайском крае свидетельствует об объективности выделения вышеуказанных особенностей. Согласно статистическим данным Главного управления Министерства внутренних дел по Алтайскому краю, в 2016 г. органами внутренних дел края расследовано 186 наркопреступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков, что на 28,3% больше, чем в 2015 г. Удельный вес расследованных фактов незаконного сбыта наркотиков вырос до 19,2% (в 2015 г. – 18,4%) [4].

подавляющее большинство рассматриваемых преступлений совершается бесконтактным способом, посредством использования мобильной связи, сети Интернет, различных электронных платежных систем. Такой способ позволяет сбытчику наркотических средств не встречаться с их покупателем лично, в результате чего потребитель наркотиков договаривается об их приобретении посредством мобильной связи или сети Интернет, расчеты за сделку производятся посредством различных электронных платежных систем. В связи с этим классическая методика выявления и документирования незаконного сбыта наркотиков утрачивает свою актуальность.

Причины повышенного интереса наркопреступности к киберпространству Интернета вполне понятны: в этой среде есть особые условия не только для обеспечения конспиративной коммуникации поставщиков и потребителей наркотических средств, но и для систематического решения иных широкомасштабных криминальных задач, таких, например, как координация деятельности транснациональных преступных формирований и реализация эффективных схем «отмывания денег» [10, с. 151].

Данные обстоятельства требуют разработки новых эффективных средств и методов выявления и документирования незаконного сбыта наркотических средств, совершаемого с использованием сети Интернет в той или иной оперативно-тактической ситуации¹.

¹ В контексте настоящей статьи под оперативно-разыскной ситуацией понимается складывающаяся по поводу

Основой формирования методики выявления и раскрытия любого вида преступлений является разработка характеристики соответствующего вида преступного деяния. Термин «характеристика» означает описание характерных, отличительных качеств, черт кого-нибудь, чего-нибудь [9, с. 848].

Соглашаясь с мнением В.Д. Ларичева о том, что оперативно-разыскная характеристика преступлений должна дать наглядное представление о том, какие могут быть проведены ОРМ, для чего и каким образом [6, с. 15], мы отмечаем, что наличие такого рода характеристики, безусловно, способствует использованию сил, средств и методов ОРД в борьбе с преступлениями, в т.ч. в борьбе с незаконным сбытом наркотиков. Полагаем, что без учета устойчивых и типичных признаков такой характеристики невозможно представить разработку эффективной методики и тактики выявления и раскрытия преступлений.

Мы считаем, что характеристика любого преступления должна содержать в себе все необходимые для его изучения элементы, а кроме того, содержание характеристики должно позволять наиболее действенно разрабатывать приемы и методы выявления и документирования преступлений, что в дальнейшем определяет успешность оперативно-разыскного обеспечения уголовного судопроизводства. Практическая значимость оперативно-разыскной характеристики заключается в том, что анализ ее содержания позволяет оперативным сотрудникам правильно и эффективно использовать оперативно-разыскные силы, средства и методы в борьбе с преступностью.

С.И. Давыдов отмечает, что система методических рекомендаций по раскрытию преступлений, как правило, состоит из двух частей – собственно методических рекомендаций и их обоснования [2, с. 153], в роли которого и выступает оперативно-разыскная характеристика.

Учитывая взаимосвязь оперативно-разыскной методики выявления и раскрытия однотипных видов или групп преступлений и их оперативно-разыскной характеристики, находим логичным считать началом процесса разработки оперативно-разыскной методики выявления и документирования бесконтактного сбыта наркотических средств обоб-

криминального поведения совокупность пространственно-временных и иных факторов, характеризующих ход, процесс оперативно-разыскной деятельности, условия, в которых она осуществляется, и одновременно оказывающих управляющее воздействие на ее организацию и тактику. См.: Давыдов С.И. Ситуационный подход в теории и практике оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2009. С. 109.

щение и анализ сведений о личности типичного преступника, совершающего указанные преступления.

Без учета личности нельзя разработать научно обоснованную методику и тактику проведения оперативно-разыскных мероприятий, которые в наибольшей степени способствуют успешному раскрытию преступления [14, с. 4]. При этом проблема личности преступника относится к одной из центральных не только в криминологии, но и в современной отечественной и зарубежной оперативно-разыскной деятельности [15, с. 73].

По нашему мнению, личность наркосбытчика является одним из наиболее специфичных элементов оперативно-разыскной характеристики незаконного сбыта наркотических средств, т.к. информированность об особенностях лиц, совершающих преступления, традиционно является непременным условием правильной организации оперативно-разыскной деятельности.

Личность преступника, являясь универсальным источником воспроизводства и накопления многообразной информации, выступает в качестве объекта изучения многих наук юридического профиля. Личность преступника, как правило, рассматривается как отдельный элемент оперативно-разыскной характеристики преступлений и лишь в достаточном ряде случаев обособленно от нее [3, с. 35].

Таким образом, личность наркосбытчиков является центральным элементом оперативно-разыскной характеристики незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием сети Интернет. Она имеет самостоятельное значение и свою структуру, представляющую собой научно разработанную систему обобщенных данных о типичных оперативно значимых признаках указанных лиц: социально-демографических данных, нравственно-психологических качествах, осведомленности о силах, средствах и методах оперативно-разыскной деятельности, поведенческих признаках, познание которых необходимо для решения задач оперативно-разыскной деятельности в борьбе с указанным видом преступлений.

Принимая во внимание то, что одним из самых важных элементов оперативно-разыскной характеристики рассматриваемых преступлений являются сведения о лицах, их совершающих, необходимо отметить, что в основном незаконный сбыт наркотических средств с использованием сети Интернет совершается преступными группами. Это обусловлено тем, что в одиночку совершать незаконные сбыты наркотиков рассматриваемым способом сложнее и опаснее. Кроме того, это позволяет увеличить сеть незаконного сбыта наркотиков, улучшить техниче-

скую базу, используя в своей деятельности средства электронной и мобильной связи, а также различные системы электронных платежей, найти пути коррупции и легализации преступных доходов.

В последнее время отличительной особенностью групп, занимающихся незаконным сбытом наркотических средств, становится межрегиональный и транснациональный характер их деятельности. Одни участники находятся в регионе, где осуществляется незаконный сбыт наркотиков, а другие – в ином регионе Российской Федерации, а также за ее пределами.

С учетом результатов анализа оперативно-разыскной и следственной практики, а также ряда научно-исследовательских работ по рассматриваемой тематике [1, 7, 12, 13] нами были выделены следующие категории участников преступных групп, занимающихся незаконным сбытом наркотиков с использованием сети Интернет:

Организатор является создателем интернет-ресурса, необходимого для рекламы и продажи наркотиков, и руководителем остальных членов группы, которых он подбирает и действия которых контролирует. Кроме того, организатор разрабатывает схемы по получению и перемещению денег. Как правило, для создания «виртуального магазина», где размещается информация о продаже наркотических средств, используются разные информационные ресурсы (например, популярные сайты-виртуины <http://legalrc.biz/>, <https://chemrc.biz/>, <http://www.narkop.org/>, <http://legalki.com/> и т.д.). Он имеет выход на канал поставки наркотических средств, осуществляет приобретение крупных партий и их фасовку. При этом приобретение наркотических средств зачастую происходит бесконтактным способом, большой партией через тайники-закладки или с помощью доставки курьерскими отправлениями. В настоящее время доступ к большинству сайтов, с помощью которых ведется реклама незаконного сбыта наркотических средств, запрещен, в связи с чем блокируется интернет-провайдерами¹. Но посредством использования средств и программ, позволяющих менять сведения об IP-адресе пользова-

¹ Об этом см.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»; Постановление Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 г. № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено"».

теля (например, распространенный в сети Интернет «Тог Browser» и др.), возможно обеспечить потребителям наркотиков доступ к этим запрещенным информационным ресурсам. Стоит отметить, что ряд сайтов имеет регистрацию на зарубежных доменах, что также усложняет процесс пресечения их работы.

Осуществляя подбор других участников группы, организатор, в т.ч. с помощью сети Интернет, привлекает к незаконному сбыту наркотических средств «операторов» и «закладчиков». Основными факторами эффективного привлечения новых участников незаконного сбыта наркотиков, совершенного с использованием сети Интернет, можно считать: быстрое получение высокой прибыли; возможность бесплатно получать наркотики для собственного потребления; доверие, вызванное участием в схемах родственников или друзей; высокую конспирацию; отсутствие возможности устроиться на высокооплачиваемую работу; удаленность от места совершения сделки; обезличенность или бесконтактность сделок; мнимую информацию о легальности подобной деятельности.

Оператор, являясь доверенным лицом организатора, ведет так называемую торговлю посредством виртуального магазина. Оператор занимается размещением рекламы на сайтах, осуществляет прием заказов, контролирует процесс оплаты и информирует заказчиков о местонахождении тайников. Он может осуществлять общение с потребителями напрямую с помощью программ «Skype», «ICQ», «Brosix» и самостоятельно решать, кого из них добавить или удалить из контактов. Структурно деятельность оператора включает следующие основные направления:

- размещение информации для потребителей, которая содержит сведения о видах наркотиков, эффектах от их употребления, цене товара и возможных способах оплаты;
- контроль поступивших денежных средств от потребителя наркотиков на электронный кошелек;
- направление потребителю информации с описанием места нахождения тайника.

Чаще всего оплата наркотиков происходит при помощи платежных сервисов, основным из которых является Qiwi Visa Wallet. Также оплата может производиться на абонентские номера сотовых телефонов и счета банковских карт. Для того чтобы убедиться в поступлении денежных средств и распознать покупателя, оператор требует от потребителей во время платежа добавлять комментарий со своим никнеймом, номером ICQ и т.д. Убедившись в поступлении денежных средств, оператор перечисляет их организатору,

используя различные способы перевода денежных средств.

Возможны следующие варианты движения денежных средств с электронного кошелька, созданного в платежном сервисе Visa Qiwi Wallet:

- на другой электронный платежный сервис («Юнистрим», «МОБИ.деньги», «Яндекс.Деньги», «Webmoney» и др.);
- на счет банковской карты;
- на банковский счет;
- на счет абонентского номера сим-карты сотового телефона;
- на оплату товаров и услуг в интернете.

Таким образом, основная роль оператора заключается в общении с потребителями с целью сбыта им наркотиков. Иногда такое общение возможно с помощью мобильной связи, посредством СМС-сообщений, но чаще всего оно происходит через сеть Интернет, посредством программ обмена мгновенными текстовыми сообщениями, отправляемыми при помощи Skype, ICQ, Brosix, Telegram, Jabber, Viber, WhatsApp Messenger.

Закладчик является низшей ступенью иерархии и занимается непосредственной доставкой и размещением наркотических средств в так называемые тайники, о расположении которых он в последующем сообщает оператору. Как правило, закладчики набираются из числа посетителей интернет-форумов, зачастую являющихся потребителями наркотиков и зарекомендовавших себя с положительной стороны. В процессе устройства на работу будущий закладчик посредством написания приватного сообщения связывается с организатором или оператором. Для устройства необходимо заполнить подробную анкету и предоставить фотографию паспорта. Также необходимым условием приема на работу является предоставление денежных средств в качестве залога за полученные для распространения наркотики.

Устроившись на работу, он получает от организатора или оператора информацию о местонахождении небольших партий наркотических средств и количестве закладок, которые ему необходимо сделать. Закладчик забирает наркотики в тайнике. При этом со временем партии наркотиков могут увеличиваться. Как правило, закладчик получает наркотики, которые уже расфасованы по дозам в прозрачные, непрозрачные или цветные пакеты из полимерного материала или металлизированной бумаги на рельсовой застежке. После чего закладывает указанные дозы в различные места и отправляет оператору текстовое описание с указанием точного адреса и расположения «закладки». В подавляющем большинстве случаев делаются фото тайников с обо-

значением мест нахождения наркотика. Данные действия закладчик выполняет еще до поступления заказа от приобретателя, что значительно осложняет работу по задержанию их с поличным.

Обозначенная нами структура преступных групп, занимающихся незаконным сбытом наркотиков с использованием сети Интернет, в зависимости от тех или иных обстоятельств может видоизменяться посредством создания в ней новых звеньев и вовлечения в нее новых участников.

Таким образом, как показало проведенное нами исследование, указанным преступным группам свойственна ступенчатая иерархия. В таких преступных группах все наделяются определенными обязанностями, при этом могут получать заработную плату фиксированно либо в зависимости от количества проданных наркотиков. Участники остаются анонимными по отношению друг к другу, что создает сложности документирования указанных преступлений. Каждый имеет подробные инструкции, которыми установлены правила осуществления преступной деятельности по незаконному сбыту наркотиков, правила общения внутри группы и с потребителями наркотиков, правила перевода денежных средств, а также определены действия при задержании сотрудниками полиции.

Изучение состава преступных групп, совершающих незаконный сбыт наркотиков с использованием сети Интернет, показало, что основными их участниками являются молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет, часто студенты, не имеющие работы и постоянного источника дохода, как правило, обладающие средним техническим, высшим или незаконченным высшим образованием. Зачастую они

обладают познаниями в области компьютерной техники и информационных технологий, а также активно используют их в процессе создания и работы интернет-сайтов с рекламой о продаже наркотиков. Данные лица разбираются в специфике движения денежных средств по счетам, вкладывают в банковской системе, способах безналичного расчета посредством электронных систем оплаты. Кроме того, закладчиками наркотиков часто становятся их потребители, зарекомендовавшие себя частыми покупателями, своими отзывами в интернете, соблюдением установленных правил приобретения, соблюдением конспирации.

Особенности организации и функционирования преступных групп и применяемый ими способ незаконного сбыта наркотиков посредством сети Интернет практически исключают применение оперативными сотрудниками отработанных на практике тактических оперативно-разыскных алгоритмов установления их участников, что непосредственно влияет на тактические основы документирования таких преступлений.

Выявленные особенности оперативно-разыскной характеристики крайне важны, поскольку выступают источником получения значимых сведений для решения оперативными подразделениями организационно-тактических задач по осуществлению борьбы с незаконным сбытом наркотических средств, совершаемым с использованием сети Интернет. Учет этих данных обеспечивает целенаправленное и наиболее эффективное использование сил, средств и методов оперативно-разыскной деятельности в борьбе с указанным видом преступной деятельности.

Литература

1. Адигамова Г.З., Ситдинов И.М. О некоторых проблемах организации расследования современных видов преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 241-243.
2. Давыдов С.И. Ситуационный подход в теории и практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2009. 264 с.
3. Ермаков С.В. Оперативно-розыскная характеристика личности взяточников в сфере здравоохранения // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 35-39.
4. Информационно-аналитические материалы к отчету начальника Главного управления МВД России по Алтайскому краю генерал-лейтенанта полиции Торубарова Олега Ивановича перед депутатами Алтайского краевого Законодательного Собрания. URL: <https://22.MBfl^ejatemoSt/otchnas> (дата обращения: 05.04.2017).
5. Климачков А.В. Оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства по делам о незаконном сбыте наркотических средств (постановка проблемы) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2015. № 1 (28). С. 98-100.
6. Ларичев В.Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: понятие и содержание // Оперативник (сыщик). 2009. № 1 (18). С. 11-16.
7. Морозов А.В. О проблемах борьбы с распространением новых синтетических наркотиков и новых психоактивных веществ // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2016. № 1 (37). С. 22-31.

8. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 24. Ст. 3015.

9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.

10. Осипенко А.Л., Миненко П.В. Оперативно-розыскное противодействие незаконному обороту наркотических средств, совершаемому с использованием телекоммуникационных устройств // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1. С. 151-155.

11. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1. Ст. 212.

12. Ошлыкова Е.А. Особенности расследования незаконного сбыта наркотических средств, совершенного бесконтактным способом с использованием сети Интернет // Гражданское общество и государство. 2015. № 2. С. 121-123.

13. Поляков В.В. Противодействие распространению наркотических средств в интернет-пространстве // Антинаркотическая безопасность. 2015. № 1 (4). С. 68-70.

14. Проблемы исследования личности преступника: научный доклад / В.Д. Ларичев, Э.А. Васильев, Ю.Г. Касперович, А.Я. Казаков. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2012. 72 с.

15. Фещук В.С. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия квартирных краж: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 176 с.

УДК 343.98:343.352

К.Ю. Комбаров

аспирант Кубанского государственного университета

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся возникновения и современного состояния концепции криминалистической характеристики. На основе анализа точек зрения ученых автор формулирует определение криминалистической характеристики коррупционных преступлений, совершаемых в сфере оказания медицинских услуг, выделяет ее структурные элементы и раскрывает их содержание.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая методика, криминалистическая характеристика, коррупция, медицинские услуги.

К. Yu. Kombarov

a postgraduate student of Kuban State University

THE CONCEPT AND STRUCTURE OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CORRUPTION CRIMES COMMITTED IN THE HEALTH CARE SERVICES PROVISION

The article considers issues, relating to the emergence and the modern state of the concept of criminalistic characteristics. On the basis of the analysis of scientists' viewpoints the author formulates the definition of criminalistic characteristics of corruption crimes committed in the health care services provision, identifies its structural elements and reveals their contents.

Key words: criminalistics, methods of crime investigation, corruption, health care services.

Выявление, раскрытие и расследование коррупционных преступлений, связанных с оказанием медицинских услуг, как правило, представляют немало сложностей для сотрудников правоохранительных органов. Существенную помощь в разработке криминалистической методики их расследования может оказать криминалистическая характеристика данной группы преступлений.

Первое упоминание о криминалистической характеристике преступлений содержится в работе А.Н. Колесниченко, который включил ее в общие положения частных методик конкретных видов преступлений, подчеркнув, что преступления имеют общие черты криминалистического характера [14, с. 16]. Впоследствии данная криминалистиче-

ская категория была подробно рассмотрена в трудах Л.А. Сергеева, С.П. Митричева, И.Ф. Герасимова, Н.А. Селиванова, В.К. Гавло, Н.П. Яблокова и многих других [4, 9, 10, 19, 24, 25, 30].

К настоящему моменту криминалистическая характеристика является неотъемлемым элементом практически любой криминалистической методики расследования преступлений. Однако так было далеко не всегда. За более чем 50-летнюю историю своего существования данная научная категория и идеализировалась, и критиковалась вплоть до утверждений о ее иллюзорности и бесполезности [4, с. 275; 5, с. 223].

Сегодня, по мнению большинства ученых-криминалистов, криминалистическая характеристика

является незаменимым средством определения направлений расследования в условиях дефицита информации о совершенном преступлении. Криминалистическая характеристика позволяет выдвинуть комплекс обоснованных общих и частных версий, являющихся основой плана расследования, и тем самым установить все эпизоды преступной деятельности и роль каждого из обвиняемых в совершении групповых преступлений.

А.Ю. Головин указывает, что «криминалистическая характеристика не только очерчивает основные типовые аспекты специфического криминалистического изучения любого вида преступной деятельности, не только накапливает, анализирует и актуализирует полученную в результате этого криминалистически значимую информацию о разных видах преступлений в виде научно-продуманного системно-элементного описания, но и содержит другую важную информацию» [11, с. 5].

Кроме того, помимо традиционных задач криминалистической характеристики, можно выделить также задачу разграничения определенных преступлений от иных правонарушений. Анализ судебно-следственной практики показал, что достаточно часто среди граждан, самих медицинских работников и даже порой сотрудников правоохранительных органов бытуют различные заблуждения относительно преступности или не преступности различных деяний, которые совершаются при оказании медицинских услуг. Изложенное связано с тем, что, во-первых, в правоприменительной практике существуют сложности в признании тех или иных медицинских работников должностными лицами. Во-вторых, занимаясь противоправной деятельностью, коррупционер стремится к достижению своей цели и, как правило, не обдумывает содержание всех своих действий (бездействия) с точки зрения нарушения той или иной отрасли права. В результате за совершенные им деяния может наступать уголовная, а также административная и дисциплинарная ответственность. Например, заведующий терапевтическим отделением получает от пациента денежное вознаграждение за успешно проведенное лечение (дисциплинарная ответственность), а также за отдельное денежное вознаграждение выдает медицинское заключение о якобы большей тяжести вреда здоровью пациента, полученного в результате травмы, являющейся страховым случаем (уголовная ответственность).

Таким образом, искусственное выделение из всей противоправной деятельности только преступлений и игнорирование тесно связанных с ними фактов иных правонарушений являются неверными. Полагаем, что в рамках криминалистической характеристики коррупционных преступлений, со-

вершаемых при оказании медицинских услуг, необходимо изучать весь спектр противоправной деятельности в данной сфере. При этом следует акцентировать внимание на методах анализа информации о противоправной деятельности того или иного медицинского работника и использовании ее в выявлении именно уголовно наказуемых деяний, совершаемых при оказании медицинских услуг. Представляется, что криминалистическая характеристика данной группы преступлений, сформированная посредством использования такого подхода, может стать эффективным инструментом в руках правоприменителей и применяться при выявлении, раскрытии и расследовании преступных действий (бездействия) коррупционной направленности в сфере оказания медицинских услуг.

С учетом выявления новых задач, которые могут быть успешно решены с использованием криминалистической характеристики преступлений, можно сделать вывод, что развитие данной криминалистической категории не закончено. Ученым-криминалистам еще только предстоит более детально конкретизировать структуру криминалистической характеристики, содержание ее элементов и ее предназначение. А.Ю. Головин важными направлениями в дальнейшем совершенствовании теоретической разработанности и практики применения криминалистической характеристики видит в «совершенствовании методической основы установления корреляционных зависимостей от ее отдельных и групп элементов, совершенствовании компьютерных программ автоматизированной обработки большого массива эмпирического материала» [11, с. 6]. Определенные исследования в данном направлении уже проводятся. Так, специалисты Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского создали компьютерную программу «Форвер», которая предназначена для генерации следственных версий по субъекту преступления [27]. В основе данной программы лежат знания о криминалистической характеристике преступлений. Кроме того, создатели «Форвера» применили основные положения теории вероятности, ряд математических и других методов. Эффективность использования этой и других подобных программ еще предстоит оценить. Однако полагаем, что данное русло научных исследований, безусловно, является крайне интересным, перспективным и привнесет существенный вклад в развитие криминалистической науки.

Традиционно формирование криминалистической характеристики преступлений осуществляется посредством анализа материалов судебно-следственной практики, изучения мнения правоприменителей по тем или иным значимым вопросам. Ис-

следование множества диссертаций, посвященных формированию криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений, показало, что основным источником построения криминалистической характеристики являются материалы уголовных дел и приговоры.

Однако коррупционные преступления в сфере оказания медицинских услуг в силу своей высокой латентности преимущественно находят свое отражение не столько в материалах уголовных дел, оконченных производством, сколько в материалах предварительной проверки, по которым принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела; в жалобах граждан; в памяти субъектов расследования. По этой причине мы полагаем, что источниками формирования криминалистической характеристики таких и других высоколатентных преступлений должны стать не только материалы уголовных дел, оконченных производством, но и нереализованные материалы (материалы предварительной проверки, по которым отказано в возбуждении уголовного дела, жалобы граждан, материалы проверки Генеральной прокуратуры РФ и др.), а также результаты экспертного опроса в форме интервью и анкетирования.

Переходя к анализу самого понятия криминалистической характеристики, отметим, что авторами предлагались различные ее определения. Так, первоначально многие ученые видели криминалистическую характеристику как систему (совокупность) признаков преступления [7, с. 6]. Дальнейшее развитие взглядов на данное понятие привело к тому, что разными авторами оно определялось как «научная категория, в которой описаны элементы преступления» [12, с. 11-18]; «научно разработанная система, характеризующая преступление» [3, с. 64]; «система сведений (информации), характеризующая преступления» [15, с. 16]; «система объективных данных, характеризующих преступление» [17, с. 61]; «научная абстракция, характеризующая преступление» [29, с. 41]; «информационная модель преступной деятельности» [18, с. 26]; «модель криминальных ситуаций и сопутствующих им обстоятельств» [20, с. 15].

По данному вопросу мы разделяем точку зрения И.А. Возрина, которая также поддерживается многими криминалистами. Он отмечает, что криминалистическая характеристика преступлений – это «система обобщенных фактических данных и основанных на них научных выводов и рекомендаций о наиболее типичных криминалистически значимых признаках преступлений, знание которых необходимо... для организации и осуществления их всестороннего, полного, объективного и быстрого раскры-

тия и расследования» [8, с. 139]. Полагаем, что данное определение наиболее емко и цельно отражает содержание анализируемой научной категории.

Вопрос, связанный с числом элементов криминалистической характеристики преступления и их названием и вариативностью, также является дискуссионным. Как представляется, прав И.А. Возрин, указывая, что это не случайная сумма элементов, никаким образом не связанных между собой, а система, обладающая целостной структурой. Это обобщенные фактические данные, закономерно отражающие криминалистически значимые признаки преступления; сведения и основанные на них научные выводы, которые способствуют раскрытию и расследованию преступлений; информация, выявленная в процессе обобщения практики расследования и судебного разбирательства; система сведений, необходимых следователям для успешного раскрытия и расследования уголовного дела [8, с. 139].

Е.А. Ануфриева, развивая эту мысль, отмечает, что определение криминалистической характеристики конкретного вида преступления должно содержать не простое перечисление криминалистически значимых признаков, а отражать наиболее существенные черты отдельных видов и групп преступлений [1, с. 135].

При этом хочется согласиться с мнением И.Ф. Герасимова о том, что «перечень элементов криминалистической характеристики преступления, который не является исчерпывающим и может дополняться в зависимости от вида преступления» [10, с. 93]. Таким образом, структура криминалистической характеристики того или иного вида (группы) преступлений может различаться, включая в себя только те элементы, которые отражают специфику таких преступлений и имеют значение для последующего их выявления, раскрытия и расследования.

Различные элементы криминалистической характеристики взаимосвязаны, причем проявление их связей подчинено определенным закономерностям, установление одного элемента позволяет с большей или меньшей степенью вероятности предположить наличие другого, причем вероятность тем выше, чем чаще совместная встречаемость элементов [24, с. 10].

Большинство исследователей, занимавшихся вопросами создания криминалистических методик расследования преступлений коррупционной направленности, в качестве элементов криминалистической характеристики таких преступлений выделяют: личность коррупционера, личность взяточника(подкуподателя), способы совершения преступления, обстановку совершения преступления,

механизм слеодообразования и предмет преступного посягательства [2, 13, 16, 26, 28]. Полагаем, что в криминалистической характеристике коррупционных преступлений, совершаемых в сфере оказания медицинских услуг, указанные элементы также будут являться значимыми, но не все будут обладать выраженной спецификой применительно именно к сфере оказания медицинских услуг.

Кроме того, мы согласны с А.Ю. Головиным относительно того, что криминалистическая характеристика «содержит (во всяком случае, качественная криминалистическая характеристика должна обязательно содержать) сведения о характере и жесткости закономерных корреляционных связей между отдельными и группами структурных элементов указанной характеристики» [11, с. 5-6]. То есть помимо простого указания на перечень составных элементов криминалистической характеристики, необходимо обращать особое внимание на корреляционные связи между ними. Итак, проанализируем структуру криминалистической характеристики коррупционных преступлений, совершаемых при оказании медицинских услуг, и содержание ее элементов:

1. Личность преступника – коррумпированного медицинского работника – имеет значительные особенности, которые прежде всего состоят в наличии у них профессиональных знаний в области медицины, что зачастую делает совершенные ими коррупционные преступления сложно выявляемыми или трудно доказуемыми (например, выдача фиктивного листка временной нетрудоспособности с указанием диагноза, который может быть установлен на основании субъективных жалоб больного, диагностика которого проблематична (ревматоидный артрит) либо симптомы которого скоротечны и по прошествии времени также не могут быть проверены клинически (ОРВИ)). Именно сведения о личности медицинского работника, а в первую очередь о занимаемой им должности позволяют предположить, какие именно коррупционные действия (бездействие) он может совершить, в какой обстановке, какая сумма взятки может быть им получена, какие следы может оставить совершенное им деяние.

Так, коррумпированные врачи-терапевты, как правило, неправоммерно выдают листы временной нетрудоспособности, справки на освобождение от занятий по физической подготовке и пр. Суммы передаваемого денежного вознаграждения чаще не слишком высоки и могут составлять от 500 до 2000 рублей за один трудовой день или справку.

Коррупционные преступления, совершаемые главным врачом больницы, чаще имеют более се-

рьезные масштабы. Например, оказание давления на подчиненных сотрудников с целью склонения их к коррупционной деятельности, в частности выдаче фиктивных листков временной нетрудоспособности, справок для получения водительского удостоверения и пр. Кроме того, именно медицинские сотрудники – руководители часто совершают коррупционные преступления в совокупности с иными преступлениями. Например, незаконное ограничение конкуренции при проведении государственных и муниципальных закупок при приобретении лекарственных средств, медицинских изделий, ремонта зданий больницы. Разумеется, и суммы, получаемые коррумпированным медицинским работником такого уровня, могут варьироваться от сотен и порой до миллионов рублей.

2. Способы подготовки, совершения и сокрытия коррупционных преступлений в сфере оказания медицинских услуг будут отличаться от иных коррупционных преступлений, вытекая из специфики такой медицинской деятельности. Способы подготовки, совершения и сокрытия медицинскими работниками коррупционных преступлений оказывают влияние на обстановку подготовки, совершения и сокрытия преступления, которая, как правило, подбирается из соображений более удобной и скрытной реализации преступного умысла. Можно выделить следующие основные способы совершения коррупционных преступлений медицинскими работниками: незаконная выдача или продление листков временной нетрудоспособности; заполнение санитарной книжки без фактического медицинского обследования; выдача различных справок без фактического медицинского обследования (например, справки формы 083\У-89, дающей возможность получить водительские удостоверения на право управления автотранспортными средствами различных категорий); введение пациентов в заблуждение относительно платности отдельных услуг и др.

Так, к хирургу одной из больниц г. Тольятти обратился пациент, который после дорожно-транспортного происшествия получил серьезные травмы лица и нуждался в проведении пластической операции. Хирургу было заведомо известно, что данная операция должна проводиться за счет средств фонда обязательного медицинского страхования, однако, имея умысел на неправоммерное получение денежных средств от пациента, сообщил последнему, что для проведения операции ему необходимо заплатить 20000 рублей. Впоследствии его действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 159 УК РФ [23].

3. Обстановка совершения коррупционных преступлений, совершаемых при оказании медицин-

ских услуг, отличается особыми установленными нормативно-правовыми актами и реально сложившимся порядком выполнения медицинскими работниками своих должностных полномочий. Как показывает анализ судебно-следственной практики, наиболее часто такие преступления так же, как и большинство коррупционных преступлений в иных сферах деятельности, совершаются в будние дни, в рабочее время, в рабочем кабинете коррумпированного медицинского работника либо реже в кафе, на улицах, в салонах автомобилей и пр.

4. Механизм слеодообразования при совершении преступлений исследуемой категории будет иметь специфику, отличную от иных коррупционных преступлений. В ходе раскрытия и расследования коррупционных преступлений, совершенных медицинскими работниками, деятельность правоохранительных органов должна быть направлена на поиск, фиксацию и исследование не только таких традиционных следов, как материальные (медицинские документы, следы пальцев рук, люминесцентного вещества и пр.), идеальные (показания коррумпированного медицинского работника; его коллег; лица, передавшего взятку и пр.), электронно-цифровые (данные в компьютере медицинского работника, в его телефоне, в электронных базах данных медицинского учреждения, аудио-, видеозаписи и пр.), но и такой разновидности материальных следов, как изменения в организме человека, связанные с совершением коррупционного преступления (например, наличие импортного кардиостимулятора и следы оперативного вмешательства, которое было сделано за незаконное денежное вознаграждение и др.).

Так, например, врач-хирург одной из районных поликлиник г. Борисоглебска в целях сокрытия необоснованной выдачи за взятку в размере 1500 рублей листка временной нетрудоспособности одному из пациентов П. скальпелем произвёл разрез в верхней трети его предплечья, ушил его хирургическими швами, создав тем самым основания для выдачи ему листка нетрудоспособности. Впоследствии одним из основных доказательств вины коррумпированного хирурга стали заключения судебно-медицинских экспертиз, согласно которым при обследовании П. обнаружен рубец на передней поверхности левого предплечья, который предположительно мог образоваться в результате заживления раны, причинённой хирургическим скальпелем при проведении хирургической манипуляции [22].

Такие элементы криминалистической характеристики, характерные для большинства коррупционных преступлений, как личность взятко(подкупо)дателя и предмет преступного посягательства, мы не

считаем целесообразным включать в структуру криминалистической характеристики коррупционных преступлений, совершаемых при оказании медицинских услуг. Признавая их безусловную значимость, тем не менее следует отметить, что в целом сведения о данных элементах криминалистической характеристики не имеют выраженных особенностей.

Так, личность взятко(подкупо)дателя по делам о коррупционных преступлениях, совершаемых в сфере оказания медицинских услуг, по большому счету яркой специфики не имеет и серьезно не отличается от личности взятко(подкупо)дателей по иным коррупционным преступлениям. Личность таких лиц также будет обусловлена личностью коррумпированного медицинского работника. То есть, например, председателю военно-врачебной комиссии взятку чаще предлагают молодые люди, подлежащие призыву на воинскую службу, а врачу-гинекологу – беременные женщины, желающие без наличия к тому оснований получить листок временной нетрудоспособности.

Предмет преступного посягательства по делам о коррупционных преступлениях, совершаемых в сфере оказания медицинских услуг, также не имеет особенностей и отличий от других коррупционных преступлений. Хотя качественные и количественные характеристики предмета подкупа находятся в прямой зависимости от личности коррумпированного медицинского работника и содержания тех действий (бездействия), которые он может совершить в пользу взятко(подкупо)дателя (например, за безосновательное продление листа временной нетрудоспособности пациент может «отблагодарить» врача, подарив подарочную карту в магазин косметики, а директор строительной компании может предложить главному врачу больницы в качестве «отката» за помощь в получении тендера на осуществление ремонтных работ в больнице до 50% от суммы, заложенной на выполнение заказа).

Таким образом, на основании вышеизложенного можем сформулировать определение криминалистической характеристики коррупционных преступлений, совершаемых в сфере оказания медицинских услуг, под которой следует понимать систему типичных криминалистически значимых признаков данной категории преступлений, проявляющуюся в корреляционных зависимостях между ее элементами, особенностях личности преступников (в первую очередь коррумпированных медицинских работников), способа подготовки, совершения и сокрытия ими коррупционных преступлений, механизма слеодообразования, обусловленных спецификой обстановки подготовки, совершения и сокрытия таких преступлений, детерминированной особым

порядком предоставления медицинских услуг в РФ, и имеющую своим назначением оптимизацию процесса раскрытия, расследования данной категории уголовных дел.

Подводя итог вышеизложенному и делая вывод о значении и перспективах использования криминалистической характеристики, необходимо без-

оговорочно согласиться с Н.П. Яблоковым, который считает, что «криминалистическая характеристика содержит в себе существенный научный и практический потенциал, еще не реализованный должным образом. В будущем же ее роль и значение в общей теории криминалистики и для решения практических задач еще более усилится» [30, с. 13].

Литература

1. Ануфриева Е.А. О некоторых особенностях криминалистической характеристики коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Вестник криминалистики. 2010. Вып. 2 (34). С. 133-140.
2. Ануфриева Е.А. Особенности методики предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками ОВД: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012. 215 с.
3. Артамонов И.И. Методологические аспекты криминалистической характеристики // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. трудов / под ред. В.В. Клочкова. М.: Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер по предупр. преступности, 1984. С. 63-70.
4. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М., 1999. 486 с.
5. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2000. 240 с.
6. Быков В.М. Преступная группа: криминалистические проблемы. Ташкент, 1991.
7. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984. 143 с.
8. Возгрин И.А. Введение в криминалистику. СПб., 2003. 475 с.
9. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск: Изд-во ТГУ, 1985. 333 с.
10. Герасимов И.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений в методике расследования // Методика расследования преступлений (общие положения): мат-лы науч.-практ. конф-ции. М., 1976. С. 93-97.
11. Головин А.Ю. Проблемы и пути совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений // Известия Тульского государственного университета. 2014. № 3-2. С. 5-6.
12. Драпкин Л.Я. Предмет доказывания и криминалистические характеристики преступлений // Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений. Свердловск, 1978. С. 11-18.
13. Казанцев Д.А. Особенности предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о коммерческом подкупе: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. 209 с.
14. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. 27 с.
15. Коновалова В.Е., Колесниченко А.Н. Теоретические проблемы криминалистической характеристики // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. / под ред. В.В. Клочкова. М.: Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер по предупр. преступности, 1984. С. 10-14.
16. Лашко Н.Н. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования взяточничества и коррупции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 218 с.
17. Ледащев В.А. Значение криминалистической характеристики преступлений для профилактической деятельности правоохранительных органов // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. трудов / под ред. В.В. Клочкова. М.: Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер по предупр. преступности, 1984. С. 61-63.
18. Лузгин И.М. Некоторые аспекты криминалистической характеристики преступления // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. трудов / под ред. В.В. Клочкова. М.: Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер по предупр. преступности, 1984. С. 25-30.
19. Митричев С.П. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1973.
20. Облаков А.Ф. Криминалистическая характеристика преступления и криминалистические ситуации: учебное пособие. Хабаровск: ХВШ МВД СССР, 1985.
21. Поляков В.В., Шебалин А.В. О необходимости криминалистической характеристики // Юридическая наука и образование в России и Азии. Методика преподавания права: мат-лы I Российско-Азиатского Правового Конгресса. 2014. С. 382-386.

22. Приговор Борисоглебского городского суда Воронежской области. Д. № 1-33/2012.
23. Приговор Центрального районного суда г.о. Тольятти Самарской области. URL: <https://rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyj-sud-g-tolyatti-samarskaya-oblast-s/act-100279541>.
24. Селиванов Н.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Социалистическая законность. 1977. № 2. С. 56.
25. Сергеев Л.А. Сущность и значение криминалистической характеристики преступлений: руководство для следователей. М., 1971.
26. Степаненко Р.А. Особенности методики расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 24 с.
27. Толстолуцкий В.Ю. Использование информационных технологий в раскрытии и расследовании убийств: электронное учебно-методическое пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2012. 151 с. URL: <http://www.unn.ru/pages/e-library/methodmaterial/files/Tolstolutsky.pdf>.
28. Халиков А.Н. Особенности расследования получения взяток должностными лицами правоохранительных органов: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2005. 238 с.
29. Шиканов В.И. О междисциплинарной характеристике отдельных видов преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. трудов / под ред. В.В. Клочкова. М.: Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер по предупр. преступности, 1984. С. 40-43.
30. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестник Московского ун-та. Серия 11: Право. 2000. № 2. С. 9-13.

УДК 343.132

Л.В. Черепанова, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: cherepanovalv@mail.ru

О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ОСМОТРА, КОПИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО СООБЩЕНИЯ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье рассматриваются вопросы, связанные с полномочиями лица, осуществляющего досудебное производство при получении (осмотре, копировании, изъятии, выемке) содержания электронного сообщения как источника доказательства на стадии возбуждения уголовного дела. По материалам уголовных дел о вымогательствах, связанных с угрозой распространения сведений, позорящих честь и достоинство, и совершенных в Алтайском крае через средства телекоммуникации, анализируются факты правовой неурегулированности процессуальной деятельности по получению электронного сообщения до возбуждения уголовного дела. Аргументируются предложения по совершенствованию процессуального порядка досудебного производства по уголовным делам.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные сети, электронно-цифровые следы преступления, электронное сообщение, осмотр, копирование, изъятие.

L.V. Cherepanova, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: cherepanovalv@mail.ru

ON PROCEDURAL PROBLEMS OF INSPECTION, COPYING AN ELECTRONIC MESSAGE PRIOR TO A CRIMINAL CASE INITIATION

The article deals with issues related to the powers of a person who performs pre-trial proceedings upon receipt (examination, copying, seizure) of the contents of the electronic message as a source of evidence at the stage of initiating a criminal case. Based on the materials of criminal cases of blackmail connected with the threat of dissemination of information that disgraces honor and dignity, and committed in the Altai Territory through telecommunications, the facts of the legal irregularities in the process of obtaining an electronic message before initiating a criminal case are analyzed. Proposals are given to improve the procedure of pre-trial settlement.

Key words: information and telecommunication networks, digimatic traces of crime, e-mail, inspection, copying, seizure.

Электронное сообщение, определяемое как информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети, включающая голосовую информацию, письменный текст, изображение, звуки, видео- и информацию в ином виде [5], все чаще представляет интерес в качестве источника доказательства по уголовному делу.

Например, при вымогательстве требование передачи чужого имущества или угроза примене-

ния насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а еще чаще угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, доводится до потерпевшего посредством электронных сообщений.

Если в 2014, 2015 гг. доля вымогательств, связанных с угрозой распространения через средства

телекоммуникации сведений, позорящих честь и достоинство, квалифицируемых по ч. 1 ст. 163 УК РФ, в Алтайском крае от общего количества расследуемых данной категории уголовных дел составляла около 4%, то в 2016 г. – уже 15%. Большинство этих преступлений остается нераскрытыми, дознание по уголовным делам о преступлениях данного вида приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Причины, вызывающие низкую эффективность досудебного производства, в данном случае связаны не только с тем, что лица, расследующие уголовные дела, испытывают затруднения при работе с информацией в электронном формате, поскольку не обладают достаточными знаниями в области компьютерных технологий в целом и автоматизированных информационных систем в частности [7, с. 136], но и с недостаточностью, неопределенностью правового регулирования сбора доказательств, источниками которых являются электронные сообщения, на этапе проверки сообщения о преступлении.

В рамках каких процессуальных действий возможно получение электронного сообщения до возбуждения уголовного дела? К какому виду доказательств оно относится? Каков процессуальный порядок его получения и обязательно ли участие специалиста при этом? Возможно ли получение (копирование, изъятие, выемка, осмотр) электронного сообщения без судебного решения? Это одни из наиболее острых вопросов, возникающих в правоприменении на сегодняшний день.

Информация о входящих-исходящих сообщениях, о данных записной книжки, заметках в календаре, содержании электронных сообщений, абоненте или пользователе, необходимая для определения наличия (отсутствия) оснований для возбуждения уголовного дела, раскрытия преступления по горячим следам, может быть получена дознавателем через оператора связи или непосредственно из мобильного устройства, программно-аппаратного средства компьютерной техники, обеспечивающих выход в телекоммуникационную сеть.

Получение сведений возможно методами оперативно-разыскной деятельности, при производстве таких оперативно-разыскных мероприятий, как наведение справок, исследование предметов и документов, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации.

Вместе с тем проведение оперативно-разыскных мероприятий, которые ограничивают консти-

туционные права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, допускается на основании судебного решения по уголовным делам и сообщениям о преступлениях, по которым производство предварительного следствия обязательно [6].

Если по уголовному делу производство предварительного следствия необязательно, то информация о сообщениях, передаваемых по электронным сетям, о пользователях, абонентах до возбуждения уголовного дела лицом, производящим предварительное расследование, может быть получена при производстве следственных действий, таких как осмотр места происшествия (ст. 176 УПК РФ), осмотр предмета (ч. 2 ст. 176 УПК РФ), производство экспертизы (ст. 195 УПК РФ).

В настоящее время на этапе проверки сообщения о преступлении электронные сообщения, доступ к которым предоставляется пострадавшим (заявителем), чаще изымаются органами предварительного расследования в ходе проведения осмотра места происшествия или осмотра предмета (ч. 1 ст. 144, ст. 176 УПК РФ). В качестве места происшествия осматривается сайт, страница в социальной сети, ящик электронной почты, в качестве предмета – мобильное устройство. Будет ли виртуальная информационная среда, сформировавшаяся в информационно-телекоммуникационных сетях и содержащая электронно-цифровые следы преступления, местом происшествия, или местом происшествия будут являться программно-аппаратные средства компьютерной техники, обеспечивающие выход в телекоммуникационную сеть? Считаем, что с учетом установленных обстоятельств уголовного дела местом происшествия могут являться и информационная среда, и ее сегмент (сайт, чат). Программно-аппаратное техническое средство, обеспечивающее выход в сеть, само по себе (без привязки к месту) может быть отнесено к предмету. Осмотр указанных объектов (места происшествия, предмета) производится в первую очередь в целях обнаружения следов преступления. Следы преступления в данном случае содержатся в электронных сообщениях.

Уголовно-процессуальный закон не конкретизирует тип передаваемых по сетям электросвязи сообщений, не делает различий между сетями телефонными, телеграфными, факсимильными, передачей данных, передачей газет, звуковым вещанием, цифровыми сетями интегрального обслуживания, долговременные это сети или оперативные. Применительно к одному из видов электронных сообщений (звуковому сообщению, сохраненному на

звуковом носителе, фонограмме) УПК РФ устанавливает порядок получения как для вещественного доказательства: осмотр и прослушивание с составлением протокола, приобщение к материалам уголовного дела на основании постановления (ч. 7, 8 ст. 186 УПК РФ). При осмотре и выемке почтово-телеграфных отправлений производится снятие копий (ч. 5 ст. 185 УПК РФ), при осмотре электронных сообщений в рамках этого следственного действия при необходимости может производиться их выемка (ч. 7 ст. 185 УПК РФ).

При осмотре места происшествия, осмотре предмета возможно изъятие предметов, в т.ч. и информационных следов, которые могут иметь отношение к уголовному делу (ч. 3, 4 ст. 177 УПК РФ). В данном случае полагаем, что существо выполняемых действий по собиранию доказательств в большей степени отражает такие действия, как осмотр и копирование. В соответствии с ч. 2 ст. 81 УПК РФ электронное сообщение должно быть осмотрено, признано вещественным доказательством и приобщено к уголовному делу.

Данный источник доказательства весьма специфичен, и с учетом этого, полагают исследователи современных проблем доказывания, возникает необходимость в самостоятельном следственном действии. Высказываются предложения по введению в УПК РФ нового следственного действия, которое позволило бы обеспечить законность получения сведений, содержащихся в информационной среде. За необходимость введения в уголовный процесс такого следственного действия, как электронное копирование информации и снятие информации с технических каналов связи, ратуют, например, С.В. Зуев, К.И. Сутягин, Д.В. Овсянников, В.А. Семенцов [2, с. 168-171]. Другие авторы предлагают это следственное действие определить по аналогии с оперативно-разыскным мероприятием «Получение компьютерной информации» или «Извлечение данных из электронных устройств» [1, с. 22-27].

Действительно, современная криминалистическая техника позволяет в короткие сроки получить важную, включая удаленную из памяти мобильных устройств, карт памяти, сим-карт, информацию, и для извлечения этой информации достаточно осмотра с участием специалиста, а для копирования доступной информации из электронной среды достаточно общих знаний на уровне пользователя электронных почтовых сервисов.

В рамках действующего правового регулирования осмотр, копирование, извлечение информации в ходе следственных действий дознавателем могут быть выполнены непосредственно, в т.ч. с участием

специалиста и посредством назначения и производства экспертизы.

Сохраняется неопределенность в вопросе участия специалиста в производстве следственного действия, в рамках которого происходит осмотр переписки (содержания электронных сообщений), извлечение, копирование сообщений. Участие специалиста обязательно при производстве изъятия электронных носителей информации при обыске и выемке, что касается самой информации (содержания переписки), ч. 5 ст. 185 УПК РФ, регламентирующая осмотр задержанных почтово-телеграфных отправлений, предоставляет возможность лицу, производящему расследование, если возникает необходимость, привлекать к производству данного следственного действия специалиста, а также переводчика. Применительно к осмотру электронных сообщений УПК РФ (ч. 7 ст. 185) особых требований не предъявляет. Закон позволяет дознавателю самостоятельно осмотреть содержание переписки, осуществляемой посредством программ (приложений, мессенджеров) для мгновенного обмена сообщениями между пользователями электронных почтовых сервисов. В протоколе осмотра контента, как правило, отражается: через какое устройство осуществлялся доступ (вход) в сеть, через какой браузер, какой сайт; адрес электронного ресурса, вводимого в диалоговую строку, вводимые логин и пароль; содержание загружившейся анкеты пользователя; результаты просмотра, список пользователей, с которыми осуществлялась переписка; содержание интересующей переписки, её период, история переписки. Выполняются снимки (скриншот) экрана компьютера (мобильного устройства). Эти действия фиксируются в протоколе. Копии приобщаются к протоколу осмотра в качестве приложений.

Обеспечиваются ли в данном случае конституционные права граждан, участников досудебного производства?

Осмотр и выемка сообщений, передаваемых по сетям электросвязи, осуществляются по судебному решению (ч. 7 ст. 185 УПК РФ). Согласно федеральному закону «О связи» сеть электросвязи включает сети связи для передачи информации при помощи электромагнитных систем. Это значит, что вне зависимости от категории пользователей (сети общего назначения или ведомственные (корпоративные)), от степени охвата (глобальные или региональные (зональные), локальные), от способа коммутации (сети с долговременной (кроссовой) коммутацией или сети с оперативной коммутацией, с коммутацией каналов, сообщений, пакетов, сети с гибридной коммутацией), от типа каналов связи (проводные

сети, радиосети, волоконно-оптические сети или спутниковые) осмотр и выемка сообщений, передаваемых по сетям электросвязи, должны производиться по судебному решению.

В практике досудебного производства в настоящее время, исходя из аналогии обеспечения права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и права на неприкосновенность жилища, положение об осмотре жилища с согласия проживающих в нем лиц (ч. 5 ст. 177 УПК РФ) переносится правоприменителем на осмотр электронных сообщений. Встречается и применение аналогии контроля и записи телефонных и иных переговоров при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц по письменному заявлению лиц в соответствии с ч. 2 ст. 186 УПК РФ. Осмотр личной страницы сайта (чата, электронного ящика) пользователя коммуникационного интернет-сервиса с личной перепиской, т.е. содержания электронных сообщений пользователей, направляемых или получаемых ими в рамках обмена данными с иными пользователями в сети Интернет, производится с согласия (по заявлению, разрешению) пользователя. Согласие оформляется в виде самостоятельной расписки (заявления, согласия, разрешения) лица, чья страница подлежит осмотру, фиксируется в протоколе осмотра. В части второй ст. 23 Конституции РФ речь идет об ограничении права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений по судебному решению, поэтому, полагают опрошенные респонденты (следователи, дознаватели ОВД), при добровольном предъявлении переписки (электронных сообщений) пострадавшим (потерпевшим), очевидцем (свидетелем) ограничения конституционного права не происходит.

Практика Верховного Суда РФ свидетельствует, что при извлечении информации о входящих-исходящих сообщениях (звонках), данных записной книжки, записок в календаре судебное решение не требуется. Выемка (изъятие, копирование) докумен-

тов (сведений), содержащих информацию только о входящих и исходящих сигналах соединений аппаратов, абонентов, пользователей, без их прослушивания, просмотра и фиксации тайну содержания переговоров (переписки) не нарушает, поскольку целью является только информация о входящих и исходящих звонках (сообщениях) [3].

Вместе с тем, если необходимо извлечь (осмотреть, изъять, скопировать, произвести выемку) содержание электронных сообщений, содержание личной переписки (коммуникации) посредством электронных сообщений в социальных сетях, содержания разговора, то необходимо обращаться с ходатайством в суд, на что указывают не только конституционные нормы, но и соответствующие статьи УПК РФ. Конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям, могут быть ограничены на основании судебного решения. Осмотр и выемка электронных или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений, содержащих сведения, имеющие значение для уголовного дела, проводятся по судебному решению (ч. 7 ст. 185 УПК РФ) [4]. Такое ходатайство возбуждается перед судом в рамках производства по уголовному делу.

Полагаем, что копирование информации через средства телекоммуникации может являться составной частью ряда следственных действий, в т.ч. производство которых допускается до возбуждения уголовного дела. Вместе с тем в рамках существующей системы досудебного производства, выдерживая баланс между обеспечением конституционных прав участников процесса и задачами раскрытия преступления, необходимо допустить возможность осмотра с копированием электронного сообщения как составной части уже существующих следственных действий до возбуждения уголовного дела по судебному решению или с согласия пользователя (абонента). Необходимость участия специалиста при осмотре и копировании электронного сообщения должна определяться лицом, производящим следственное действие.

Литература

1. Багмет А.М., Скобелин С.Ю. Извлечение данных из электронных устройств как самостоятельное следственное действие // Право и кибербезопасность. 2013. № 2.
2. Зуев С.В., Овсянников Д.В. Копирование электронной информации в теории и практике уголовного процесса // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11-2 (122).
3. Надзорное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 июня 2006 г. № 9-ДП06-10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 12.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ.

5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 19.12.2016; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Организация расследования хищений денежных средств, совершаемых с использованием компьютерных технологий: учебно-практическое пособие. М.: Академия управления МВД России, Следственный департамент МВД России, 2016. 199 с.

8. Стельмах В.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как следственное действие: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 22 с.

Гражданско-правовые отношения

УДК 343.296

А.В. Головизнин, канд. юрид. наук

Уральский государственный экономический университет

E-mail: A.Goloviznin@mail.ru

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА, ПРИЧИНЁННОГО ТРАНСПОРТНОМУ СРЕДСТВУ ПЕШЕХОДОМ В РЕЗУЛЬТАТЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

В статье рассматриваются вопросы возмещения вреда, причиненного транспортному средству по вине пешехода. Раскрываются особенности состава рассматриваемого деликта. Анализируется судебная практика возмещения вреда, причинённого транспортному средству пешеходом в результате дорожно-транспортного происшествия.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, возмещение вреда, правила дорожного движения, вина пешехода.

A.V. Goloviznin, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)

Ural State University of Economics

E-mail: A.Goloviznin@mail.ru

OBLIGATIONS TO COMPENSATE FOR DAMAGE CAUSED TO A VEHICLE BY A PEDESTRIAN AS A RESULT OF A TRAFFIC ACCIDENT

In the article the questions of restoration of damage caused to a vehicle by fault of a pedestrian are analyzed. Features of structure of the considered delict are revealed. Jurisprudence of the indemnification caused to a vehicle by a pedestrian as a result of the traffic accident is analyzed.

Key words: traffic accident, compensate for damage, traffic laws, fault of a pedestrian.

На страницах юридической литературы, как правило, проводятся исследования обязательств по возмещению вреда, причиненного таким источником повышенной опасности, как транспортное средство. Вместе с тем в результате дорожно-транспортных происшествий, произошедших по вине пешехода, может быть причинен вред самому транспортному средству. Например, это механические повреждения транспортного средства, причиненные в результате наезда на пешехода, переходив-

шего дорогу в неустановленном для этого месте. В данной ситуации обязательство, возникшее по поводу возмещения вреда, причиненного здоровью пешехода, не исключает права владельца транспортного средства требовать возмещения ущерба с виновника дорожно-транспортного происшествия, т.е. пешехода. Вместе с тем анализ судебной практики показывает, что подобные требования предъявляются крайне редко. Причиной этому является в том числе и правовая безграмотность. Владелец

транспортного средства, возмещающий причиненный вред пешеходу независимо от своей вины на основании ст. 1079 ГК РФ, не догадывается, что может предъявить обратные требования к пешеходу по возмещению вреда, причиненного транспортному средству, по общим основаниям ст. 1064 ГК РФ.

Данные вопросы были предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Так, в Конституционный Суд РФ была подана жалоба на проверку соответствия Конституции РФ положений ст. 1064 ГК РФ. Основанием для обращения послужило дорожно-транспортное происшествие, в котором водитель транспортного средства совершил наезд на несовершеннолетнего пешехода, который переходил дорогу в неположенном месте. В результате дорожно-транспортного происшествия вред был причинен как пешеходу, так и транспортному средству. Поскольку автомобиль был застрахован, причиненный ему ущерб был возмещен страховой организацией, которая в порядке суброгации предъявила иск к родителям несовершеннолетнего пешехода. Исковые требования страховой организации судом общей юрисдикции были удовлетворены. Вышестоящие инстанции данное решение оставили без изменения. Проверяя конституционность положений ГК РФ, Конституционный Суд РФ решил, что «положения ст. 1064 ГК РФ во взаимосвязи с другими положениями главы 59 ГК РФ не освобождают от ответственности потерпевшего, который одновременно сам виновен в неосторожном причинении вреда чужому имуществу, представляющему собой источник повышенной опасности, то есть не устанавливают для него исключений из общих правил об ответственности» [9]. В связи с этим было откано в принятии жалобы к рассмотрению.

В соответствии со ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Основаниями возникновения деликтного обязательства являются вред, противоправное поведение, причинная связь между противоправным поведением и наступившими последствиями в виде вреда, а также вина.

Под вредом понимается «умаление материального или нематериального блага» [5, с. 78; 15, с. 81] или «нарушение субъективных гражданских прав» [2, с. 705; 4, с. 370]. Таким образом, вред следует рассматривать в качестве единой категории, сочетающей в себе как имущественные, так и немущественные элементы [14, с. 54]. В рамках вреда, причиненного пешеходом транспортному средству, речь может идти о возмещении убытков, которые «традиционно рассматриваются как денежное вы-

ражение имущественного вреда и включают в себя в соответствии с п. 2 ст. 15 ГК реальный ущерб и упущенную выгоду» [11, с. 69]. Как указал Верховный Суд РФ в своем постановлении, реальный ущерб включает в себя стоимость восстановительного ремонта транспортного средства и запасных частей, а также утраченную товарную стоимость, которая выражается в уменьшении стоимости транспортного средства, вызванных преждевременным ухудшением товарного (внешнего) вида транспортного средства и его эксплуатационных качеств в результате снижения прочности и долговечности отдельных деталей, узлов и агрегатов, соединений и защитных покрытий вследствие дорожно-транспортного происшествия и последующего ремонта [7]. Также реальным ущербом являются и иные расходы, направленные на восстановление нарушенных прав владельца транспортного средства, а именно связанные с эвакуацией транспортного средства с места дорожно-транспортного происшествия, хранением поврежденного транспортного средства и т.д.

К реальному ущербу следует отнести и нарушение обязательственных прав. Так, гражданин С. обратился в суд с иском к гражданину О. с исковыми требованиями о возмещении вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия. Наряду с требованиями о компенсации морального вреда, причиненного здоровью, истец просил взыскать с ответчика расходы по аренде другого автомобиля, т.к. поврежденным автомобилем он владел на основании договора безвозмездного пользования. Исковые требования были удовлетворены в части, поскольку нижестоящие суды посчитали, что арендная плата за пользование автомобилем является упущенной выгодой, а истец не может быть субъектом правоотношений по возмещению упущенной выгоды. Вместе с тем Верховный Суд РФ, отменяя решения судов нижестоящих инстанций, посчитал, что по смыслу ст. 15 ГК РФ взыскание убытков может производиться для защиты любых субъективных гражданских прав, включая обязательственное право, в т.ч. и право безвозмездного пользования автомобилем [10]. Таким образом, расходы по оплате арендной платы за пользование другим автомобилем следует отнести к реальному ущербу.

По смыслу ст. 15 ГК РФ упущенной выгодой является доход, который мог бы получить лицо при нормальных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. Так, к упущенной выгоде следует отнести тот доход, который владелец транспортного средства мог бы получить, оказывая услуги по перевозке. Однако в суде не всегда имеется возможность предоставить точный расчет

упущенной выгоды, поскольку, как правило, ее размер может быть приблизительным и носить вероятностный характер. Следовательно, как отметил Верховный Суд РФ в своем одном из постановлений пленума, отсутствие точного расчета упущенной выгоды не может быть основанием для отказа в удовлетворении исковых требований [6].

Следующим основанием обязательства по возмещению вреда, причиненного пешеходом транспортному средству, выступает противоправное поведение. Относительно противоправности существуют различные точки зрения. Однако все трактовки этой категории сводятся либо к нарушению норм объективного права, либо к нарушению субъективных прав. В отношении подхода к категории «противоправность» в зависимости от ситуации по-разному решается вопрос о признании того или иного действия противоправным. Думается, что в цивилистике понятие «противоправное поведение» включает в себя органичное сочетание объективных и субъективных составляющих. Вред, появившийся в результате механических повреждений транспортного средства, свидетельствует о нарушении субъективных прав владельца транспортного средства, т.к. любое имущество может быть закреплено юридически за какими-либо лицами только при наличии субъективных прав. Субъективное право не может существовать самостоятельно без нормы объективного права, поскольку именно благодаря ей субъективное право возникает и приобретает правовую охрану. Нарушение же норм объективного права не всегда влечет противоправность как элемент гражданско-правового деликта. Иными словами, не любое нарушение Правил дорожного движения влечет за собой причинение вреда. Противоправным будет такое поведение пешехода, нарушающее Правила дорожного движения, которое привело к дорожно-транспортному происшествию, в результате чего были причинены повреждения автомобилю. Данный тезис подтверждается и Конституционным Судом РФ, который указал: «Нарушение Правил дорожного движения Российской Федерации образует основание административной, а не гражданской ответственности, и установление такого нарушения в деле об административном правонарушении само по себе не предрешает вывода о виновности лица в совершении гражданского деликта» [9].

В качестве следующего основания возникновения деликтного обязательства выступает причинная связь между противоправным поведением и наступившими неблагоприятными последствиями в виде вреда. Под причинной связью понимается такая связь между противоправным поведением и вредом, при которой вред является следствием

противоправного поведения. Причинная связь обладает следующими характеристиками: объективность, конкретность, непосредственность и хронологическая последовательность [3, с. 64-66]. При отсутствии вышеуказанных характеристик причинно-следственная связь отсутствует как одно из оснований деликтных обязательств. Таким образом, вред транспортному средству должен быть причинен вследствие нарушения пешеходом Правил дорожного движения, повлекшего конкретное дорожно-транспортное происшествие, избежать которого водителем транспортного средства не представлялось возможным.

Ну и заключительным основанием обязательств по возмещению вреда, причиненного пешеходом транспортному средству, является вина. Категория «вина» или «виновность» известна цивилистике начиная с истоков ее формирования. В частности, п. 3 ст. 1064 ГК РФ отсутствие вины причинителя вреда относит к основанию освобождения от обязательства по возмещению вреда. Однако, несмотря на распространенное использование категории вины в гражданском праве, действующее гражданское законодательство не закрепляет ее легальной дефиниции. В большинстве случаев понятие вины заимствуется из уголовного права и сводится к психическому отношению лица к своим противоправным действиям. Вина связывается с «...волевым (желание) и интеллектуальным (осознание, предвидение) моментом психики нарушителя» [1, с. 138]. Но, как правило, на практике не устанавливают интеллектуальные и волевые моменты, а соотносят действия лица с правомерным поведением. Н.А. Романова указывает, что для установления вины причинителя вреда используются не трудно устанавливаемые внутренние психические процессы, а «объективное проявление субъективного психического отношения лица к собственному поведению» [13, с. 15]. В частности, суд, удовлетворяя встречные требования владельца транспортного средства о возмещении ущерба, вызванного повреждением автомобиля в результате наезда на пешехода, в своем решении указал следующее: дорожно-транспортное происшествие произошло по причине нарушения пешеходом п. 4.3 Правил дорожного движения РФ, согласно которым пешеходы могут выходить на проезжую часть только после того, как оценят расстояние до приближающихся транспортных средств. В связи с этим был сделан вывод, что происшествие произошло по вине пешехода, который нарушил Правила дорожного движения, а водитель транспортного средства не имел технической возможности предотвратить наезд на пешехода путем торможения в данной дорожной обстановке [12]. Таким образом,

установление факта нарушения Правил дорожного движения позволило суду признать вину пешехода. Следует констатировать, что и Верховный Суд РФ в своем основополагающем акте, направленном на правильное и единообразное применение всеми судами законодательства о возмещении вреда, определяет такую форму вины, как умысел, через «противоправное поведение, при котором потерпевший не только предвидит, но и желает либо сознательно допускает наступление вредного результата» [8].

В качестве форм вины выделяют умысел и неосторожность, а последнюю, в свою очередь, подразделяют на простую и грубую. Формы вины пешехода имеют значение для возмещения ему вреда, причиненного транспортным средством. В соответствии со ст. 1083 ГК РФ умысел пешехода на причинение ему вреда является основанием для освобождения владельца транспортного средства от обязанности по возмещению вреда, а грубая неосторожность пешехода дает право суду уменьшить объем возмещения причиненного ему вреда. Однако формы вины пешехода не имеют значения для объема возмещения вреда, причиненного автомобилю в результате дорожно-транспортного происшествия. При этом следует предположить, что формы вины пешехода в случае совершения одного противоправного действия могут быть разными в зависимости от ракурса рассмотрения обязательства по возмещению вреда. Так, если пешеход умышленно бросается под автомобиль, например с целью вымогательства с водителя денежной суммы, то умысел потерпевшего будет в причинении вреда ему, но не транспортному средству. Причинения повреждений транспортному средству пешеход может вовсе не желать, и поэтому его вина будет в форме неосторожности и, скорее

всего, грубой. Поэтому в рассматриваемом случае в рамках одного противоправного действия у пешехода будут различные формы вины: вина в форме умысла будет у пешехода в причинении вреда ему, а в причинении вреда транспортному средству вина будет в форме грубой или простой неосторожности.

С учетом изложенного следует сделать вывод, что для установления вины недостаточно только факта объективно противоправного поведения, поскольку одно и то же действие может включать в себя вину как в форме умысла, так и неосторожности в зависимости от нарушаемых интересов. В качестве установления вины либо ее формы необходимо устанавливать направленность противоправного действия (бездействия), результатом которого является причиненный вред.

В заключение рассматриваемых вопросов хотелось бы отметить, что в последнее время в судебной практике все же наблюдается тенденция увеличения количества встречных исковых требований о возмещении вреда, причиненного транспортному средству по вине пешехода. В целом это соответствует основным принципам гражданского права. Камнем преткновения в таких ситуациях остается размер возмещения (компенсации) вреда, присуждаемый сторонам. Зачастую удовлетворенные судом убытки, понесенные владельцем в связи с ремонтом транспортного средства, оказываются гораздо выше удовлетворенных судом требований по возмещению вреда здоровью пешехода и компенсации ему морального вреда, что является не совсем справедливым. Представляется, что это противоречит конституционным принципам, провозгласившим жизнь и здоровье человека в качестве наивысших благ в нашем государстве.

Литература

1. Бельдина О.Г. Гражданско-правовая ответственность // Экономика, общество, человек: теория, методология, реальность: сборник научных публикаций: в 2 ч. Екатеринбург, 2015. С. 137-139.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения (Книга 1). М.: Статут, 2001. 847 с.
3. Внедоговорные охранительные обязательства: учебное пособие / под ред. А.В. Головизнина. М.: Юстицинформ, 2015. 238 с.
4. Гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 2003. Т. II. Полумтом 2. 544 с.
5. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. М.: Юридическая литература, 1970. 311 с.
6. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.01.2015 № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Райм Алексины Альбертовны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 № 1833-О. URL: www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx (дата обращения: 20.05.2017).

10. Определение Верховного Суда РФ от 04.12.2012 № 18-КГ12-70 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Прощалыгин Р.А. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органов предварительного следствия: монография / под ред. М.Н. Семякина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2013. 233 с.

12. Решение Первомайского районного суда г. Новосибирска по делу № 2-31/2010. URL: http://pervomaisky.nsk.sudrf.ru/modules.php?id=412&name=docum_sud (дата обращения: 20.05.2017).

13. Романова Н.А. К вопросу о дефинициях вины в гражданском праве // Научный журнал КубГАУ. 2008. № 41 (7). С. 3-23.

14. Филимонов Д.А., Чорновол Е.П. Гражданско-правовое регулирование возмещения вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости: монография. Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2006. 116 с.

15. Хохлова Г.В. Понятие гражданско-правовой ответственности // Проблемы гражданского права / под ред. В.В. Витрянского. М., 2002. С. 64-85.

УДК 349.2

Н.И. Минкина, канд. юрид. наук, доцент

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: natim1@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ РОЛЬ ЛОКАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ

Статья посвящена исследованию правового значения локальных нормативных актов. Сделан вывод об их современной роли и востребованности в защите интересов работников и работодателей. Наряду с законодательной регламентацией социально-трудовых отношений с целью конкретизации необходимо их сорегулирование на локальном уровне.

Ключевые слова: локальные нормативные акты, нормативные правовые акты, работодатель, трудовое законодательство.

N.I. Minkina, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
the Altai branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

E-mail: natim1@mail.ru

THE CONTEMPORARY ROLE OF LOCAL REGULATORY ACTS

The article is devoted to the study of the legal significance of local normative acts. The conclusion is made about their modern role and relevance in protecting interests of employees and employers. Along with the legislative regulation of social and labor relations for their concretization, their co-regulation at the local level is necessary.

Key words: local normative acts, normative legal acts, employer, labor legislation.

Согласно изменениям Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ), внесенным Федеральным законом от 03.07.2016 № 348-ФЗ, с 1 января 2017 г. работодатели – индивидуальные предприниматели и организации-микропредприятия – вправе полностью или в какой-либо части не принимать локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права (новая глава 48.1, ст. 309.2 ТК РФ). На практике встречается огромное разнообразие таких актов: правила внутреннего трудового распорядка, положение об оплате труда, положение о премировании, график сменности, график отпусков, положение об аттестации работников, положение о системе оплаты труда, положение об испытании работников, положение об охране труда, положение о работе с персональными данными работника, корпоративные и этические кодексы и т.д.

При этом под микропредприятия подпадают такие организации, численность которых не превы-

шает 15 человек и годовой доход не более 120 млн рублей (ст. 4 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» № 209-ФЗ от 24.07.2007 (в ред. 03.07.2016)).

Новшество ни в коей мере не обесценивает, как может показаться, локальные нормативные акты в регулировании отношений между работниками, работодателями и в целом в социально-трудовой сфере. Вероятнее всего, оно основано на целесообразности временных затрат по их подготовке в небольших организациях. Более того, по идее законодателя, в данном случае условия труда, предназначенные для регулирования локальными нормативными актами индивидуальных предпринимателей и микропредприятий, должны найти отражение в трудовых договорах с работниками в соответствии с утвержденной Постановлением Правительства РФ № 858 от 27.08.2016 типовой формой. Основной целью разработанного Правительством РФ типового трудового договора на микропредприятиях, как отмечается

Минтрудом России, является, с одной стороны, повышение уровня защиты прав работников, а с другой стороны, минимизация нарушений трудового законодательства и, соответственно, случаев привлечения работодателей к юридической ответственности.

При таком прочтении, на первый взгляд, нововведение упрощает жизнь работодателей в связи со «смягчением» в отношении указанных субъектов требований законодательства о труде. Однако одновременно с этим подводит обозначенную категорию работодателей к наиболее щепетильному подходу в разработке примерного по содержанию трудового договора, который будет заключаться с работниками как в условиях соблюдения норм трудового законодательства, так и с целью обеспечения собственной защиты.

Несмотря на законодательную возможность полного освобождения работодателя – микропредприятия от издания локальных нормативных актов, по справедливому мнению отдельных специалистов, от принятия некоторых актов отказываться не следует (например, по охране труда) в силу необходимости соблюдения требований закона [6, с. 61].

В ТК РФ законодатель концептуально заложил главное правило, характеризующее отрасль трудового права и выраженное в том, что на уровне законодательства предусматривается минимальный уровень государственных гарантий в трудовых отношениях и связанных с ними отношениях. В то время как на локальном уровне (в различных актах работодателя, соглашениях, коллективных и (или) трудовых договорах) положения трудового законодательства могут, по сути, дополняться и расширяться, конкретизироваться и детализироваться, но обязательно с соблюдением требования, определенного в ст. 8 и ст. 9 ТК РФ: указанные акты не могут содержать условия, которые будут ограничивать права работников или снижать уровень их гарантий по сравнению с положениями, установленными в нормах трудового права. А если же такие условия включены в перечисленные документы, то они не должны подлежать применению. Отношения в данной части фактически должны регулироваться трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права.

Кроме того, что интересно, при анализе норм ТК РФ обнаруживается порядка 50 позиций по разным институтам и вопросам, которые имеют отсылочный к локальным нормативным актам и коллективным договорам характер, например, по основаниям предоставления отпуска без сохранения заработной платы (ст. 128), по установлению системы оплаты труда (ст. 135), по месту и определению сроков выплаты заработной платы работникам (ст. 136) и др.

Тем самым, как видно, законодатель не стремится к полному регулированию социально-трудовой сферы. В этой связи важно, что конкретное применение установленных законодательством подобных требований во многом будет зависеть от их *сорегулирования на локальном уровне, которое потенциально может существенно дополнять нормы трудового законодательства РФ*.

А в отдельных случаях законодатель и вовсе таким образом регламентирует отношения, что их реальное воплощение в жизнь возможно только посредством принятия соответствующего локального нормативного акта. Наиболее наглядно это прослеживается в отношении следующих актов:

- правила внутреннего трудового распорядка (ст. 189, 190 ТК РФ и пр.);

- акт, в котором определяется порядок хранения и использования персональных данных работников (ст. 87 и положения Федерального закона № 152-ФЗ от 27.07.2006 (в ред. 22.02.2017) «О персональных данных»);

- штатное расписание (в определении должностей в соответствии с трудовыми функциями по штату и численности организации, индивидуального предпринимателя), руководствуясь ст. 57, 81 ТК РФ и письмом Федеральной службы по труду и занятости от 23.01.2013 № ПГ/409-6-1.

Следовательно, эти и другие акты при их аналогичной интерпретации справедливо можно отнести к разряду *обязательных локальных нормативных актов* [1, с. 29-30]. И это подтверждается разнообразной правоприменительной практикой. Решением Верховного Суда Республики Карелия от 11.04.2014 по делу № 21-153/2014 была подтверждена законность привлечения государственной инспекцией труда к административной ответственности работодателя за нарушение требований **ст. 87 ТК РФ**, согласно которым на локальном уровне должен быть разработан порядок хранения и использования персональных данных работников.

Другой пример: решением Октябрьского районного суда г. Архангельска № 12-162/2017 от 22.03.2017 привлечение работодателя по ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ признано правомерным. Среди прочих нарушений указывалось на несоблюдение нормы ст. 135 ТК РФ, в соответствии с которой заработная плата работнику устанавливается трудовым договором в соответствии с действующими у данного работодателя системами оплаты труда. У данного же работодателя не установлена локальным нормативным актом система оплаты труда, что в ходе проверки уполномоченным органом было оценено как нарушение.

Таким образом, можно предположить, что законодатель с определенной целью обязывает работо-

дателей к изданию подобного рода актов: *их существование является гарантом защиты трудовых прав работников.*

На основании изложенных обстоятельств вполне закономерно, что согласно положениям ст. 8 ТК РФ все работодатели, за исключением физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, принимают участие в нормотворчестве. При этом локальные нормативные акты действуют только в пределах конкретной организации или полномочий индивидуального предпринимателя. Видимо, по этой причине (т.е. распространение рассматриваемых актов на узкий, ограниченный пределами работодателя круг лиц) законодатель в их названии упустил слово «правовые», именуя их локальными нормативными актами и прямо не причисляя их к числу нормативных правовых актов, из которых состоит трудовое законодательство РФ.

Кроме того, в ст. 5 наряду с известными источниками трудового права законодатель упомянул в качестве *дополнительного регулятора отношений* коллективные договоры, соглашения и локальные нормативные акты. Порядок их разработки и принятия, в свою очередь, регулируется непосредственно нормами ТК РФ (ст. 8, 13, 371, 372 и др.).

Дискуссионность данного вопроса уже длительное время приводит учёных-трудовиков к разным высказываниям: какие акты относятся к числу локальных, имеются ли отличия между ними и кадровыми документами и, наконец, являются ли локальные нормативные акты источниками трудового права России. По последнему вопросу на сегодняшний день в доктрине трудового права можно проследить главным образом два кардинально противоположных мнения:

1) локальные нормативные акты находятся вне системы нормативных правовых актов [5, с. 128];

2) они являются «полноценными источниками трудового права» [3, с. 125] или, если сказать более осторожно, «специфическими источниками трудового права» [7, с. 45]. При отнесении локальных нормативных актов к числу источников права можно даже встретить в научном обороте принципиально новые позиции и терминологию. К примеру, в литературе упоминается о «локальном законодательстве» [4], а иногда «локальный правовой акт работодателя рассматривается как разновидность подзаконного нормативно-правового акта» [8, с. 166].

Не вдаваясь в подробности научного спора, независимо от содержания и обоснования того или иного мнения, следует отметить, что в любом случае трудно недооценить реальное правовое значение локальных нормативных актов при их наличии в организациях и у индивидуальных предпринимателей.

Однако, к сожалению, в правоприменительной деятельности можно встретить весьма противоречивые отношения к локальному нормотворчеству (как к процессу, так и его содержанию в итоговом документе). Одни работодатели не осознают юридическое значение анализируемых актов и достаточно формально реализуют свое полномочие по их принятию, не уделяя должного внимания содержанию актов и зачастую ограничиваясь лишь простым дублированием норм трудового законодательства РФ. К тому же не отслеживая дальнейшие законодательные изменения, влекущие, в свою очередь, необходимость внесения изменений и дополнений в уже существующие локальные нормативные акты.

Между тем некоторые работодатели используют потенциал таких актов с пользой для своего производства и развития кадровых ресурсов организации, устанавливая определенные корпоративные правила, с отражением специфики условий труда для работников. Так, к примеру, многие стандарты ОАО «НК "Роснефть"» представляются прогрессивными: в них не только регулярно (по новым версиям разработки) учитываются новшества современного законодательства РФ, но и новейшие нормы права получают свое дальнейшее эффективное в пределах организации развитие. Как правило, это направлено на решение ряда стратегических задач, в частности придание устойчивости организации на экономическом рынке, укрепление кадрового состава работников и т.д. Одним из ярких примеров таких стандартов указанной компании является «Оценка и развитие персонала по компетенциям», устанавливающая единые требования к организации и проведению оценки персонала с целью их использования при приеме на работу, переводах и перемещении в должности; планирования обучения (для развития компетенций), формирования кадрового резерва и экспертных сообществ. При анализе его содержания отдельный интерес вызвала дифференциация компетенций работников: на профессионально-технические, корпоративные и управленческие. Такие подходы особенно актуальны в контексте государственной политики в сфере труда и образования за последние годы и принятия ряда профессиональных стандартов в нашей стране. На самом деле, как верно утверждает Г.Г. Зайцева, появление профессиональных стандартов требует соответствующей корректировки локальных нормативных актов [2, с. 36].

Таким образом, при реализации управленческой и производственной (хозяйственной) функции работодателем локальное нормотворчество играет немаловажную роль. При адекватном использовании потенциала локальных нормативных актов с помо-

стью продуманного их содержания можно детально регулировать социально-трудовые отношения в организации, у индивидуального предпринимателя, отражая специфику производства и особенности условий труда, при этом своевременно следуя за развитием российского законодательства в соответствии с реалиями жизни и тем самым минимизируя риски быть привлеченным к юридической ответственности в ситуации незнания нового закона, принятого в контексте модернизации государственной политики по какому-либо из направлений.

В то же время, анализируя судебную практику по некоторым трудовым спорам, можно прийти к выводу о высокой значимости локальных нормативных актов в защите трудовых прав не только работника, но и самого работодателя. Так, решением Центрального районного суда г. Сочи № 2-561/2017 от 14.03.2017 установлено, что положениями локального нормативного акта подтверждается тот факт, что премии работникам не носят регулярный характер в отличие от заработной платы. Согласно действующему в организации Положению о премировании работников премии выплачиваются по результатам финансово-хозяйственной деятельности. Данное обстоятельство наряду с толкованием ст. 22 ТК РФ позволило суду сделать вывод об отказе в иске о взыскании премии.

Ограничимся приведением еще одного подобного примера. Верховный Суд РФ в своем определении СК по гражданским делам № 59-КГ16-22 от 31.10.2016 признал законным невыплату единовременного денежного вознаграждения по итогам календарного года работнику военкомата, уволенному по п. 7.1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ в связи с непредоставлением сведений о доходах супруга. Как было установлено судом, лишение работника данной выплаты в случае его увольнения за виновные действия было предусмотрено локальным нормативным актом, на основании чего соответствующие действия работодателя признаны судом правомерными. Кроме того, еще в определении № КАС05-126 от 07.04.2005 Верховным Судом РФ была высказана позиция о допустимости уменьшения или полного лишения премии за конкретный период в связи с нарушениями дисциплины, допущенными работником.

Следует сказать, что таких примеров на практике на самом деле немало. Нередко они касаются оценочных категорий и понятий, используемых законодателем. По этому поводу наглядным примером может служить понимание деловых качеств, которое является базовым для оценки результатов испытания работника и прохождения им аттестации, если таковая предусмотрена. В этой связи по причине минимального регулирования данного

вопроса на законодательном уровне раскрытие деловых качеств, отнесение к ним тех или иных составляющих, а также порядок и документальное сопровождение испытания и аттестации могут найти свое уместное отражение в локальных нормативных актах организации и при этом стать основой для принятия работодателем законного решения в перечисленных сферах по заранее установленным (прозрачным) критериям. В такой ситуации локальные нормативные акты служат средством защиты для работодателя. Хотя сами работодатели данному вопросу не всегда уделяют должное внимание.

Резюмируя изложенное в настоящей работе, хотелось бы отметить обоснованное триединое весомое значение локальных нормативных актов. При всей первоначальной банальности данного вывода следует заметить, что многочисленные научные труды, посвященные проблематике, связанным с локальными нормативными актами, в основном имеют узконаправленный характер, поскольку они преимущественно посвящены исследованию видов таких актов, в т.ч. в их системе, и сферам их применения.

Между тем их совокупное существование и приведенные практические примеры наглядно демонстрируют, как рассмотренные акты могут быть использованы в равной степени как для защиты прав и интересов работников, так и работодателей. Ключевую роль в этом вопросе будет играть непосредственное содержание локальных нормативных актов по его условиям. В то же время нужно справедливо отметить, что возможности локального нормотворчества ограничены определенными законодательными пределами.

В этом вопросе важны сбалансированные подходы при принятии локальных нормативных актов для достижения целей и задач трудового законодательства (ст. 1 ТК РФ). В этой связи неслучайно в кодифицированном акте о труде многие виды локальных нормативных актов утверждаются с учетом мнения представительного органа работников, с альтернативой их принятия при заключении коллективного договора, являясь приложением к нему (например, ст. 101, 103, 190).

Итак, локальные нормативные акты полезны и достойны своей адекватной востребованности в жизни, ими конкретизируются и расширяются нормы трудового законодательства РФ, а также закрепляются гарантии сторонам трудовых отношений, в т.ч. при перспективе судебной защиты трудовых прав. Более того, при таком сорегулировании социально-трудовых отношений локальные нормативные акты играют, по сути, роль механизма в реальной реализации нормативных правовых актов, сохраняющих нормы трудового права.

Литература

1. Давыдова Е.В. Локальные нормативные акты: требования законодательства // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. 2015. № 12. С. 29-40.
2. Зайцева Г.Г. Внедрение профессиональных стандартов в учреждении // Руководитель автономного учреждения. 2016. № 6. С. 32-40.
3. Иванова А.А. Роль локальных актов в управлении организацией // Менеджмент: теория и практика. 2015. № 1-2. С. 125-129.
4. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / под общ. ред. проф., к.ю.н. В.И. Шкатулы. 17-е изд., доп. постатейный. 2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Пестова Т.В. Локальные нормативные акты вне системы нормативных правовых актов // Молодой ученый. 2015. № 11-1 (91). С. 128-130.
6. Подкопаев М.В. Особенности трудового законодательства для микропредприятий // Бухгалтер Крыма. 2016. № 8. С. 59-61.
7. Томашевский К.Л. Коллективные договоры, соглашения и локальные нормативные акты в Белоруссии, России и Казахстане // Законодательство. 2016. № 7. С. 45-55.
8. Шукаева Е.С. Локальное правотворчество работодателя: о понятии, признаках и пределах // Труд и социальные отношения. 2016. № 6. С. 162-168.

УДК 347:341.9

О.Н. Раченкова

адъюнкт Нижегородской академии МВД России

E-mail: oksana_17.92@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОГЛАСОВАНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ АКТОВ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

В статье рассматриваются вопросы согласования юридических актов в частном праве. Предпринята попытка выделить виды согласования юридических актов на основании того, чей интерес оно обеспечивает.

Ключевые слова: юридический акт, согласование, частное право, интерес, гражданское право.

O.N. Rachenkova

a postgraduate student of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: oksana_17.92@mail.ru

ON THE ISSUE OF LEGAL ACTS COORDINATION IN PRIVATE LAW

The article deals with coordination of legal acts in private law. The attempt is taken to distinguish types of legal acts coordination on the basis of whose interest they provide.

Key words: legal act, coordination, private law, interest, civil law.

Широко признанным в юридической доктрине является деление права на публичное и частное. Родоначальниками указанного деления являются юристы Древнего Рима, в частности Ульпиан, который сформулировал ставший классическим юридический постулат: право публичное отражает интересы государства, а частное – относится к пользе отдельных (частных) лиц [1, с. 146]. В данном умозаключении действительно отражена ключевая идея, лежащая в основе деления права на публичное и частное, а именно чей интерес обеспечивает право. Между тем обозначенный постулат не есть проведение границы между черным и белым, здесь необходимо понимать, что признаваемая дихотомия права все же носит условный характер. Ведь на уровне отраслей права мы видим, что в частном праве публичный интерес не исключен, равно как и в публичном праве частный. Таким образом, на уровне доктрины отнесение отрасли права к частному или же публичному призвано показать, какие из

применяемых методов в реализации того или иного интереса являются приоритетными.

Среди методов правового регулирования признано выделять два главных: императивный метод (метод субординации, централизованное регулирование), при котором государство в целях придания общественным отношениям желательного развития оказывает необходимое воздействие на волевое поведение их участников преимущественно на властно-императивных началах; диспозитивный метод (метод координации, децентрализованное регулирование), при котором преобладает дозволительный характер нормирования, преимущественно основанный на диспозитивных началах. Между тем в зависимости от сферы общественных отношений возможно сочетание различных методов правового регулирования. Поэтому логично вести речь лишь о доминировании императивного метода в отраслях публичного права, а диспозитивного метода – в частном праве.

Концепция разделения права на частное и публичное, как верно отмечает А.М. Хужин, подтверждает нетождественность тех основных начал и категорий, которые присущи той или иной сфере правового регулирования [10, с. 82]. Следовательно, анализируя согласование юридических актов как общетеоретический феномен, необходимо иметь в виду, что данное правовое явление имеет свои особенности в зависимости от той отрасли права, в которой оно реализуется. В связи с этим считаем необходимым исследовать согласование юридических актов с позиций как публично-правовой, так и частноправовой доктрины.

В настоящей статье мы предпримем попытку выявить особенности согласования юридических актов, присущие данному правовому феномену в силу проявления его в системе частноправовых отношений.

Так как предметом рассматриваемого нами вида юридического согласования выступает юридический акт, следует указать, что мы понимаем под данной категорией в рамках настоящего исследования. Необходимость данной конкретизации детерминирована отсутствием единого общепризнанного представления о юридическом акте. В этой связи с целью упреждения не вполне полезной для целей нашего исследования полемики о понятии категории «юридический акт» считаем целесообразным обозначить, что речь идет о юридических актах как действиях, которые выделяются в рамках традиционной классификации юридических фактов в качестве основания движения правоотношения. Признак, позволяющий отграничить юридический акт от иных видов юридических фактов следующий: направленность воли лица на правовой результат.

Обратившись к определению понятия юридического факта в отечественной юридической доктрине, мы увидели пеструю палитру мнений по данному вопросу. Между тем исследователи преимущественно едины во мнении, что именно данный феномен является тем звеном правовой системы, которое опосредует ее связь с жизнью, с практикой [5, с. 8]. Для отраслей частного права характерно преобладание среди юридических фактов именно юридических актов. Например, значительная часть ученых-цивилистов склонна полагать, что среди широкого круга обстоятельств, выступающих основаниями возникновения, изменения или прекращения гражданских правоотношений, главными являются акты свободного волеизъявления их участников [3, с. 60-63].

Такое положение дел представляется нам вполне закономерным. Ведь правоотношения, скла-

дывающиеся в сфере частного права, направлены преимущественно на удовлетворение потребностей лиц за счет действий других субъектов права. В связи с этим субъекты права сами желают вступить в правоотношения, в результате чего приобрести права и обязанности, чтобы достичь своих целей, направленных прежде всего на устойчивое обеспечение собственной жизнедеятельности. Таким образом, действия их прямо направлены на достижение правового результата, и правовые отношения в большинстве своем возникают, изменяются и прекращаются на основании юридического акта.

В отраслях частного права правоотношения носят «горизонтальный» характер, государство находится на «одинаковом удалении» от каждого из субъектов права. Например, исходя из общих начал гражданского права, физические и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе (ч. 2 ст. 1 ГК РФ). Иначе говоря, участники гражданского правоотношения обладают автономией, независимой друг от друга волей [2, с. 28].

Между тем для получения правового результата на основании юридического акта не во всех случаях достаточно проявления воли только заинтересованного лица (лиц). Так, законодательством могут быть указаны случаи, когда для возникновения юридического акта требуется совершение дополнительных действий, в т.ч. со стороны субъектов права (одного или более), не являющихся участниками тех правоотношений, которые будут порождены данным юридическим актом. В частности, это действия по согласованию юридических актов.

Согласование юридических актов как самостоятельный феномен правовой действительности в отечественной юридической науке является малоизученным, несмотря на то, что имеет широкое применение фактически во всех фундаментальных отраслях современного российского права. В рамках проводимого нами исследования под согласованием юридических актов мы понимаем деятельность управомоченных субъектов права по установлению соответствия юридического акта определенным условиям с целью обеспечения интересов личности, общества и государства, а также результат этой деятельности, выраженный в определенной форме. Для предупреждения последующих неясностей в отношении используемой в нашем исследовании терминологии предлагаем субъекты деятельности по согласованию юридических актов поименовать следующим образом: инициатор согласования – лицо, испрашивающее согласие, адресат согласования – лицо, у которого испрашивается согласие.

Современное отечественное законодательство содержит весьма значительное число норм, заключающих в себе положения о согласии определенных лиц на совершение другими лицами юридически значимых действий. Необходимость согласования правомерных действий возникает не только при прямом указании на согласование, но и при «косвенном», т.е. посредством таких формулировок, как: «осуществляется по общему согласию», «требуется согласие», «допускается по согласию», «с согласия», «не подлежит возмещению без согласия» и иных. Считаем, что контекст употребления данных слов одинаков: подразумевает под собой согласование, неотъемлемой частью которого является согласие. В связи с этим мы полагаем, что законодатель неумышленно называет разными словесными формами одно и то же явление. На основании изложенного считаем, что при рассмотрении согласования юридических актов в частном праве следует говорить не только о тех юридических актах, в отношении которых законодатель прямо указывает на необходимость согласования, но и тех актов, для совершения которых должно быть испрошено согласие иных субъектов права.

Анализ норм частного права, содержащих указание на необходимость согласования юридических актов, показал, что последнее реализуется в двух аспектах: во-первых, как деятельность по нахождению общей точки соприкосновения интересов участников правоотношения (будущих участников); во-вторых, как деятельность по получению от конкретного субъекта права одобрения на совершение юридического акта. Разница заключается не только в составе лиц, участвующих в согласовании, но и в том, чей интерес (инициатора согласования, адресата согласования, иного заинтересованного лица/лиц) преимущественно обеспечивает предусмотренное согласование. Рассмотрим каждый из вариантов.

1. Согласование юридических актов обеспечивает интерес и инициатора, и адресата согласования.

В таком случае *инициатор и адресат согласования* являются субъектами права, которые либо планируют вступить друг с другом в правоотношение на основе совершения согласуемого ими юридического акта, либо уже находятся в этих отношениях, а согласуемый юридический акт может изменить их или прекратить. Поэтому *наступление согласуемого юридического акта* окажет непосредственное влияние на реализацию прав каждого из участников согласования. Так как согласуемый юридический акт соприкасается с интересами каждого из субъектов согласования, оно и их обеспечивает.

Наиболее ярко проявляет себя согласование на этапе вступления в частноправовые отношения. Например, в гражданском праве наиболее распространенным согласуемым юридическим актом является договор [6]. Так, ч. 3 ст. 154 ГК РФ гласит, что для заключения договора необходимо выражение согласованной воли двух или более сторон. Если нет лица, желающего стать субъектом гражданского правоотношения, то не будет и самого отношения, т.к. нет правомерных действий, влекущих его возникновение. В этой связи К.И. Скловский справедливо отмечает, что «исходным актом образования юридической связи является волеизъявление лица, берущего на себя обязательство по отношению к другому лицу и, таким образом, предоставляющего этому другому лицу соответствующее право требования» [9, с. 8]. Наиболее заметно это прослеживается в договорных отношениях, где лица не только обозначают свое желание на вступление в договорные отношения, но и определяют условия такого юридического акта (договора). Согласование имеет место как при заключении договора, так и при совершении определенных действий уже в рамках его исполнения. При наличии множественности лиц на какой-либо стороне договора возникает необходимость согласования правомерных действий между представителями этой множественности. В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 1044 ГК РФ при совместном ведении дел простым товариществом для совершения каждой сделки требуется согласие всех товарищей.

В силу того что лица, вступая в договорные отношения, преследуют собственные интересы, направленные на получение выгоды для себя (иных заинтересованных лиц), они должны согласовать условия договора таким образом, чтобы он устраивал каждую из сторон. Только согласованный договор позволит беспрепятственно достичь желаемого результата.

Таким образом, рассмотренный вид согласования юридического акта обеспечивает наиболее оптимальный способ удовлетворения правовыми средствами за счет действий другого лица собственных потребностей.

2. Согласование юридических актов обеспечивает интерес адресата согласования.

Иначе говоря, адресат согласования лично заинтересован в наступлении согласуемого юридического акта, т.к. он окажет непосредственное влияние на реализацию его прав, возможно, породит новые обязанности или прекратит существующие. Адресатом согласования может быть участник правоотношений, в рамках реализации которых испрашивается согласие. Так, перевод должником своего долга на

другое лицо допускается с согласия кредитора и при отсутствии такого согласия является ничтожным (ч. 2 ст. 391 ГК РФ). В указанном случае адресат согласования, т.е. кредитор заинтересован в надлежащем исполнении обязательства, давая согласие на перевод долга, он должен быть уверен, что новый должник исполнит существующее перед ним обязательство. Или другой пример из семейного права: по общему правилу при усыновлении ребенка необходимо получить согласие его родителей (ст. 129 СК РФ). Родитель усыновляемого имеет прямую заинтересованность в наступлении согласуемого юридического акта, т.к. после процедуры усыновления родитель утрачивает права и обязанности в отношении ребенка.

Таким образом, в данном случае согласование направлено на обеспечение личной заинтересованности лица, выражающего согласие, в силу того, что согласуемый юридический акт напрямую соприкасается с его интересами, порождает права, прекращает обязанности.

3. Согласование юридических актов обеспечивает интерес инициатора согласования.

Особенностью обозначенного вида согласования юридических актов является тот факт, что адресатом согласования выступает лицо, которое не является участником правоотношения, для «движения» которого необходимо согласование юридического акта. Вследствие этого цель получения согласия заключается прежде всего в защите интересов инициатора согласования, который намерен совершить согласуемый юридический акт, от злоупотреблений возможных со стороны контрагента, а также иных лиц, интересы которых могут быть затронуты при совершении согласуемого юридического акта. Например, согласование с законными представителями сделки, совершаемой несовершеннолетним в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, направлено в первую очередь на защиту интересов самого несовершеннолетнего (ч. 1 ст. 26 ГК РФ).

Преимущественно в цивилистике активно исследуются вопросы, касающиеся получения согласия на совершение сделок, которые являются наиболее распространенными юридическими актами в системе гражданских правоотношений. Между тем в рамках гражданских правоотношений, помимо сделок, существует необходимость согласовывать и иные юридические акты, например, такие как: использование имени (псевдонима) физического лица другими лицами в их творческой деятельности, предпринимательской или иной экономической деятельности способами, исключающими введение в заблуждение третьих лиц относительно тождества граждан, а также исключающими злоупотребление

правом в других формах (ч. 4 ст. 19 ГК РФ); объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным (ч. 1 ст. 27 ГК РФ); назначение опекуна, попечителя (ч. 3 ст. 35 ГК РФ); в случаях, установленных законом, реорганизация юридических лиц в форме слияния, присоединения или преобразования (ч. 3 ст. 57 ГК РФ); вступление наследника в полное товарищество в случае смерти участника полного товарищества (ч. 2 ст. 78 ГК РФ); обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (ч. 1 ст. 152.1 ГК РФ) и иные.

4. Согласование юридических актов обеспечивает интерес иных лиц, не являющихся субъектами согласования.

В таком случае адресатом согласования является властный субъект права, наделенный полномочиями по согласованию конкретных юридических актов, необходимость которого предусмотрена на законодательном уровне. Включение обязанности принимать решения о согласовании в компетенцию властного субъекта подчеркивает значимость согласуемого юридического акта не только для лица, которое обратилось за согласованием, но и для иных лиц, круг которых не всегда может быть установлен. Данный вид согласования реализуется преимущественно в таких отраслях частного права, как семейное и земельное право. Это обусловлено тем, что в сферу регулирования жилищных и земельных правоотношений наравне с ориентацией на реализацию частных интересов вторгается публично-правовой механизм охраны и защиты нарушенных прав. Так, ст. 39.15 ЗК РФ предусмотрено предварительное согласование предоставления земельного участка, под которым предлагается понимать «вынесение уполномоченным органом власти решения по промежуточному одобрению предоставления без проведения торгов земельного участка с конкретными характеристиками (адресные ориентиры, кадастровый номер, вид разрешенного использования, площадь, категорию земель) в случае, если земельный участок предстоит образовать либо границы существующего земельного участка подлежат уточнению» [4]. Положительное решение является основанием для предоставления земельного участка без проведения торгов или для проведения кадастровых работ в целях уточнения местоположения границ земельного участка.

В соответствии с ч. 1 ст. 26 ЖК РФ переустройство и (или) перепланировка жилого помещения проводятся с соблюдением требований законодательства по согласованию с органом местного самоуправления на основании принятого им решения. Процедуру согласования в данном случае следует рассматривать в качестве дополнительного контро-

ля со стороны органа местного самоуправления с целью обеспечения в первую очередь безопасного проведения данного действия. Ведь переустройство жилого помещения представляет собой установку, замену или перенос инженерных сетей, санитарно-технического, электрического или другого оборудования, требующие внесения изменения в технический паспорт жилого помещения, а перепланировка – изменение его конфигурации, требующее внесения изменения в технический паспорт жилого помещения (ст. 25 ЖК РФ). Орган местного самоуправления не должен допустить перепланировку (переустройство) жилого помещения, ухудшающую условия эксплуатации и проживания всех или отдельных граждан дома или квартиры [6].

В каждом из приведенных примеров из ЗК РФ и ЖК РФ процедура согласования в первую очередь направлена на установление условий совершения юридического акта. Адресат согласования, проверяя такие условия, должен прийти к выводу, каким образом он повлияет на интересы иных лиц. Если негативных последствий не будет выявлено, то юридический акт будет согласован, что даст возможность инициатору согласования его совершить.

Выше мы предприняли попытку обозначить виды согласования юридических актов в частном праве по такому критерию, как: чей преимущественно интерес обеспечивает данная деятельность. Кроме этого, все варианты согласования юридических актов можно условно поделить на две большие группы в зависимости от субъектного состава. А именно: во-первых, оба субъекта согласования являются участниками правоотношения, порождаемого согласуемым юридическим актом (например, при вступлении в договорные отношения); во-вторых, один из субъектов согласования (преимущественно адресат согласования) не является участником правоотношения, порождаемого согласуемым юридическим актом.

На необходимость согласования юридического акта с лицом, не являющимся участником правоотношения, порождаемого согласуемым юридическим актом, должно быть прямо указано в правовых актах как нормативного, так и ненормативного характера. Между тем такое указание может носить как императивный, так и диспозитивный характер. Как справедливо заметил Ю.С. Поваров, необходимость согласования юридического акта может быть: предусмотрена законом в императивном ключе, установлена диспозитивной нормой закона или же определена актом индивидуального (локального) регулирования [7, с. 4-9]. От того, в каком «ключе» предусмотрена необходимость согласования юридического акта, зависят и последствия его совершения в нарушение предписания о согласовании. Так, императивный характер нормы делает согласование обязательным, а юридический акт, совершенный в обход такого согласования, влечет соответствующие последствия. Например, перевод должником своего долга на другое лицо без согласования этого действия с кредитором влечет ничтожность такого перевода (п. 2 ст. 391 ГК РФ). В другом случае выявленные в процедуре банкротства дефекты воли субъекта согласования влекут признание сделки, заключенной с предпочтением или в интересах только отдельных кредиторов, недействительной, с изъятием всего полученного в конкурсную массу [11, с. 138], а в некоторых случаях также привлечение виновных к административной или уголовной ответственности [12, с. 161].

Таким образом, анализ правовых норм о согласовании, содержащихся в основополагающих отраслях частного права, показал нам, что согласование юридических актов имеет широкое применение в системе частноправовых отношений, выступая одним из неотъемлемых условий «движения» реализации субъективных прав, инструментом обеспечения частного интереса.

Литература

1. Азаркин Н.М. Всеобщая история юриспруденции. М., 2003. 608 с.
2. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под общ. ред. М.В. Карпычева, А.М. Хужина. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2016. Т. 1. 400 с.
3. Гражданское право: учебник: в 3 т. / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. М.: РГ «Пресс», 2010. Т. 1. 1675 с.
4. Железнов Д.С. Предоставление земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, гражданам и юридическим лицам [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Исаков В.Б. Юридические факты в российском праве: учебное пособие. М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 1998. 48 с.
6. Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда: постановление Госстроя РФ от 27 сентября 2003 г. № 170 // Российская газета. 2003. 23 окт.

7. Поваров Ю.С. Институт согласия на совершение сделки: новеллы гражданского законодательства // Право и экономика. 2013. № 10. С. 4-9.

8. Раченкова О.Н. О договоре как согласованном юридическом акте // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 333-336.

9. Скловский К.И. Сделка и недействительность сделки: основные положения обновленной главы Кодекса // Хозяйство и право. 2014. № 1. С. 3-18.

10. Хужин А.М. Невиновное поведение в праве: методология, теория, практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 336 с.

11. Хужин А.М., Чесноков А.А. К вопросу о совершенствовании процедуры наблюдения в конкурсном праве в части противодействия необоснованным банкротствам // Алтайский юридический вестник. 2016. № 14. С. 137-142.

12. Хужин А.М., Чесноков А.А. Некоторые вопросы совершенствования законодательства в сфере противодействия нарушениям со стороны арбитражного управляющего и иных лиц, участвующих в деле о банкротстве // Алтайский юридический вестник. 2016. № 15. С. 158-162.

УДК 34:33

А.М. Хужин, доктор юрид. наук, доцент

Нижегородская академия МВД России

E-mail: alfirhuzhin@mail.ru;

А.А. Чесноков, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: chesnokovaa@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

В статье рассматривается проблема формирования законодательных норм в отрыве от цивилизационных устоев общества, что снижает их эффективность, дается обоснование необходимости использования институционального подхода к анализу экономико-правовых явлений.

Ключевые слова: институт, правовая система, национальная идентичность, эффективность реализации права.

A.M. Khuzhin, Ph.D. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: alfirhuzhin@mail.ru;

A.A. Chesnokov, Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: chesnokovaa@mail.ru

ON THE USE OF THE INSTITUTIONAL APPROACH TO THE ANALYSIS OF ECONOMIC AND LEGAL PHENOMENA

The article considers the problem of the formation of legislative norms in isolation from the civilizational society foundations, which reduces their effectiveness, the rationale for the need to use the institutional approach to the analysis of economic and legal phenomena is provided.

Key words: institute, legal system, national identity, effectiveness of law implementation.

Сегодня, когда в России обновляются все сферы общественной жизни, происходит усиление режима законности, важное значение приобретает исследование вопросов реализации права, его ценностей и функций на основе учета положительного опыта государственного строительства, прежде всего отечественного.

При этом значительное количество исследований, способных помочь в анализе указанных процессов, носит узкоспециализированный характер, направлено на анализ экономических, политических или правовых процессов в отрыве не только друг от друга, но и от духовной составляющей социума. В результате возникает некая мозаичная кар-

тина, теоретические выкладки которой, часто обладая внутренней симметрией, малоприменимы для анализа и прогнозирования реальных общественных отношений.

Преобладающим на сегодняшний день выступает позитивистский подход к праву как к самодостаточному образованию. Анализ среды действия права подменяется здесь формальными комментариями, пересказами текстов закона. Это существенно снижает эффективность реализации правовых актов.

Естественно-правовой, философский подход еще более оторван от реальности, пытаясь «подтягивать» ее к умозрительным конструкциям, созданным в рамках западного мировоззрения.

Оба варианта если и применимы к отношениям субординации, то в сфере применения частного права могут даже вредить. Косвенным подтверждением этого выступает расширение практики применения ст. 10 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) в отношении фактов злоупотреблений гражданскими правами, формально осуществляемых в рамках закона, но с целью причинить вред другому лицу, воспользоваться необоснованными преимуществами, а также запрет действий в обход закона.

Показательным здесь стала легитимация использования ст. 10 ГК РФ судами общей юрисдикции (до 2016 г. на это осмеливались в основном арбитражные суды), что было последовательно закреплено в ряде определений и обзоров судебной практики Верховного Суда РФ (п. 5 Обзора № 1 за 2015 г., п. 8 Обзора № 3 за 2016 г., п. 6. Обзора № 4 за 2016 г., Определение от 20.09.2016 № 26-КГ16-12 и др.).

Поэтому наиболее перспективно выглядит рассмотрение социально-правовых систем в контексте взаимодействия различных институтов. Под институтами традиционно понимается совокупность ролей, играемых людьми и их объединениями в целях удовлетворения их потребностей, а также совокупность формальных и неформальных правил, определяющих стимулы и ограничения агентов социального воздействия. Государство при таком подходе выступает как система институтов власти и управления, а право как среда и рамки функционирования социальных институтов и надинститута – государства [2, с. 98].

Здесь близко проходит классическое понимание общественно-экономической формации как совокупности «экономического базиса», неразрывно связанной с ним «надстройки». При этом под экономическим базисом имеется в виду система отношений между людьми по поводу производства, обмена, обращения и потребления ценностей. Надстройка выступает здесь как система связей (и правил построения этих связей) между людьми в сфере культуры, политики, религии и пр. Базис здесь первичен, надстройка вторична и зависима от базиса в гораздо большей степени. Базис последовательно занимает несколько качественных позиций, отличающихся друг от друга развитием производительных сил и отношением.

Достаточно интересна позиция профессора В.Ю. Катасонова, который предлагает для получения реального представления о векторе развития человечества отойти от привычных формационных представлений, но не отвергать их, а поставить «с ног на голову» [3, с. 14]. Тогда базисом будет выступать *«общественно-духовная формация»*, а

надстройками – *все общественные отношения – экономические, политико-правовые, культурные, государство и иные общественные институты.*

С точки зрения правового регулирования системы социально-правовых, цивилизационных институтов нашего общества следует рассматривать как единый, исторически и территориально неразрывный массив. По мере становления и развития – от древнего к современному – он все более проявлял свою оригинальность.

Западная цивилизация (и соответствующая ей правовая система) прочно обосновалась на квази-религии, которая могла называться католицизмом, реформацией, иудаизмом, однако строилась на следующих догматах:

1. Накопление богатства (капитал) – главная цель и смысл жизни человека. Неспособность создать накопления, бедность – признак отверженности.
2. Указанная выше цель может достигаться любыми средствами («цель оправдывает средства»).
3. «Святость» и неприкосновенность частной собственности.
4. Гипериндивидуализм как принцип личной и общественной жизни.

Именно на этой почве создавалась западная концепция права и гражданского общества как средств защиты интересов граждан в войне всех против всех в условиях необходимости противостояния государству как главной угрозе частной собственности. Как отметил Ш. Монтескье, «гражданское общество – это общество вражды граждан друг с другом, которое для ее прекращения преобразуется в государство» [6, с. 154].

Именно здесь наметился существенный раскол путей формирования западной и российской правовых систем. Характерно, что «протестантская революция», начавшаяся в Европе в 1517 г., на Россию влияния практически не оказала. Не было у нас Ренессанса, не возникало на нашей земле концепций «свободной личности» и гражданского общества, как и не происходило «коммунальной революции», предпосылки перехода к буржуазной социально-экономической системе. В Европе же города стали добиваться вольности различными путями еще в XI-XII вв. [3, с. 270].

Заслуживает поддержки позиция З.Ф. Хусаинова об историческом приоритете двух взаимосвязанных процессах публичного регулирования экономических отношений в России [8, с. 97]:

1. «Сдаточные» отношения. Примером этого может выступать призыв первых русских князей служить позвавшим их племенам, а именно защищать и приумножать русскую землю. В качестве взаим-

ности славянские племена приняли обязанность платить дань для прокормления князя с его дружиной и при необходимости формировать ополчение. Изначально это были урок, дань, позднее появились формы сдачи в виде полюдья, повоза, оброка.

2. «Раздаточные отношения», в ходе которых государь передавал принадлежащую ему землю, а также часть собранной «сдачи» своим соратникам за службу. Объем «раздач» прямо зависел от срока и качества службы, а также происхождения, что являлось важнейшим стимулом государственной службы.

Таким образом, сформировался институт взаимоотношений правителя и его окружения по принципу «от каждого – подати, каждому – по чину». При этом указанный принцип сохранился многие столетия, проявляя себя и в Советском государстве, и частично в современной России.

З.Ф. Хусаинов обоснованно предполагает, что именно соотношение «сдачи-раздачи» использовалось для заселения новых территорий, освоения новых отраслей хозяйственной деятельности. Например, в XVI в. заселение монастырских земель шло значительно успешнее потому, что земельные пожалования соединялись с щедрыми податными льготами [8, с. 144]. Аналогичным образом советская и российская власть привлекали население на наиболее приоритетные проекты.

Институты «сдаточно-раздаточной» экономики значительно отличаются по своей природе от рыночной. Изначально понятие «деньги», «денга» означало не средство обмена, а дань. После татаро-монгольского ига деньги также понимались как синоним сборов (данные деньги, стрелецкие деньги, ямские деньги). Отношения сбора и распределения средств вплоть до начала XX в. носили во многом натуральный характер. В советский период натуральные раздачи приняли форму бесплатного жилья, образования, медицинской помощи. Организации получали раздачи в виде средств производства, земельных угодий, зданий. Управляемый масштаб цен обеспечивал требуемый переток ресурсов из одной отрасли в другую, минуя рыночные механизмы.

Конечно, постепенно денежные отношения как более удобные вытесняли натуральные. Это не мешало публичной власти, а не рынку выступать ядром социально-экономической системы.

Именно раздаточная экономика во многом определила специфику управленческих структур, развивавшихся от наказов к приказам, затем к ведомствам. Ведомственный принцип управления позволял эффективно регулировать потоки сдач и раздач, породил сложную управленческую иерархию, постепенно эволюционирующую в «табель о рангах»,

а позднее – в «номенклатуру». В результате ведомственная организация управления с четкой служебной иерархией, с последовательным движением от одной ступени к другой стала важной чертой национальной управленческой модели, присущей России на всех этапах ее развития.

Ведомственная организация публичного управления значительно зависит от качества обратной связи. На протяжении своего генезиса политико-правовая система России вырабатывала приемлемые формы обращения граждан, сигнальную и корректирующую систему информирования об отклонениях от нормальной жизнедеятельности. Свою эффективность здесь показал институт жалобы. Обращения населения позволяли выявлять деформации в потоках «сдач-раздач», выявлять массовые случаи недовольства, неэффективного управления. Челобитные и жалобы имели настолько повседневный характер на протяжении всей российской истории, что являются одним из важнейших исторических документов любой эпохи [4, с. 12].

В XX столетии Россия дала миру принципиально новый тип правовой системы – социалистическое право с присущими ему институтами демократического управления, социальной заботой о гражданах, особым статусом государственной собственности, переданной в оперативное управление и пр. Оно оказало существенное влияние на законодательство десятков государств мира. Воздействие культурного пласта, созданного в России, также трудно переоценить.

Современная правовая система находится в состоянии перманентного кризиса, преодолеть который возможно лишь посредством осознания и использования собственного пути развития.

Победив в мировой войне, мы проиграли в обычном противостоянии экономик и идеологий, чем оказали западному миру услугу, никем не оцененную (это воспринималось как контрибуция после «поражения в холодной войне»), устранив развалом СССР кризис ликвидности доллара – впитав значительную долю практически не обеспеченных реальными ценностями бумажек, устранили кризис перепроизводства, вобрав излишки самых низкосортных товаров, сгладили сырьевой кризис, за бесценку вывозя невосполнимые ресурсы. Понятно, что отказ от подобной политики через пятнадцать лет вызвал на Западе возмущение.

С конца 80-х гг. XX в. через проведение либеральных реформ была осуществлена попытка перехода к рыночной экономике, которая из-за ряда причин закончилась для страны катастрофой. Так, право на личные сбережения было попорчено государством; приватизация и ваучеризация, проведен-

ные с грубыми нарушениями, разрушили коллективную собственность в пользу незначительного числа лиц. Развал некогда мощной экономики, всей социальной структуры, значительный подрыв правоохранительной, финансовой, таможенной деятельности с каждым днем усугубляли обстановку, влекли большие экономические и социально-правовые потрясения.

Начиная с 1999 г. в связи с благоприятными внешнеэкономическими условиями, а также усилением государства и возвратом к его управлению важнейшими экономическими процессами началось постепенное восстановление социально-экономической и культурной сфер.

Сегодняшнее снижение темпов экономического роста свидетельствует не только о неблагоприятной обстановке вокруг страны, но и о кризисе институтов общественного управления. Поэтому становится актуальным культивирование в среде высокой правовой культуры деятельного человеческого капитала, институтов его реализации как единственно возможных ресурсов прогресса.

Следует отметить, что основным «драйвером» развития России исторически выступает формирование и развитие институтов на основе государственного сектора. Действительно, в связи с относительно слабыми экономическими связями, разнообразием географических характеристик и протяженностью страны именно государственно-правовые отношения выступили цементирующим институтом, а государство традиционно выступало осью развития экономических отношений. А самое главное – правовое регулирование рынка происходило не «снизу-вверх», как в странах Западной Европы, когда сформировавшиеся правила поведения закреплялись и охранялись государством, а чаще «сверху-вниз», когда органы власти «изобретали» институты, навязывали их обществу, и лишь длительная практика применения окончательно адаптировала их к действительности.

Так, достаточно анекдотично выглядит история создания системы организационно-правовых форм коммерческих организаций в современной России. За неимением отечественного опыта виды акционерных обществ как основы крупного бизнеса были скомпилированы с правовой системы США (Public Limited Company – Plc как аналог открытого акционерного общества и Private (Limited) Company – Ltd как образец для закрытого акционерного общества), а фундаментом среднего бизнеса (обществ с ограниченной и дополнительной ответственностью) выступили континентальные, в первую очередь германские, наработки (Gesellschaft mit beschränkter Haftung – GmbH).

Однако не были учтены различия в правопорядках. Это привело к тому, что закрытое акционерное общество как правовой институт заняло конкурирующую нишу по отношению к обществу с ограниченной ответственностью (количество участников – до 50, невозможность размещения долей (акций) на свободном рынке, ограничение возможности передачи долей (акций) только членам корпорации и пр.) и часто использовалось лишь как средство снижения ответственности учредителей без экономического обоснования.

А вот общество с дополнительной ответственностью оказалось мертворожденным образованием, граждане регистрировали его крайне редко. Причина проста – отличие ООО от ОДО (в праве ФРГ: Gesellschaft mit beschränkter Haftung & Co. Kommanditgesellschaft – GmbH & Co. KG) состояло в повышенном уровне ответственности учредителей и пониженном уровне налогообложения последнего. Однако были восприняты лишь гражданско-правовые нормы и проигнорированы финансовые, т.е. была скопирована лишь часть элементов сложившегося института. Не вызывает удивления, что в ходе реформы гражданского законодательства, продолжающейся с 2009 г., нормы о закрытом акционерном обществе и обществе с дополнительной ответственностью были изъяты из Гражданского кодекса РФ. Правда, на это потребовалось почти 20 лет юридической практики.

Иногда создается впечатление, что законы пишутся под «диктовку» крупных медиакорпораций. Абсолютно игнорируя интересы простых граждан и существующие отношения. Так, доходит до абсурда – ст. 146 Уголовного кодекса РФ устанавливает, что незаконное использование объектов авторского права на сумму, превышающую 100 тысяч рублей, является преступлением. Поэтому сегодня практически преступниками стали более 90% интернет-пользователей. Любой здравомыслящий человек в этой ситуации может указать на необходимость закрепления административной, но никак не уголовной ответственности за деяние, не осуждаемое общественной моралью и ставшее массовым.

Апогеем дисбаланса интересов населения и медиакорпораций в пользу последних стало принятие ст. 1244, 1245 Гражданского кодекса РФ, согласно которым возможна государственная аккредитация ограниченного числа организаций по управлению правами на коллективной основе. Новеллой здесь стала возможность взыскания вознаграждения за пользование и санкций за неправомерное пользование объектами авторских и смежных прав независимо от желания и информированности самих авторов (которые, впрочем, могут письменно отказаться от

этого). При этом механизм распределения взысканных средств между правообладателями крайне непрозрачен и, как правило, осуществляется при самостоятельном обращении этих правообладателей. Постановление Правительства РФ от 14.10.2010 № 829 «О вознаграждении за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях» конкретизировало порядок применения ст. 1245 ГК РФ, а Россохранкультура РФ аккредитовала Российский союз правообладателей на сбор авторских отчислений с производителей и импортеров техники и чистых носителей в размере 1% (Приказ Россохранкультуры от 24.09.2010 № 167 «О государственной аккредитации организации по управлению правами на коллективной основе на осуществление деятельности в сфере осуществления прав авторов, исполнителей, изготовителей фонограмм и аудиовизуальных произведений на получение вознаграждения за воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях»). Причем официальный сайт Российского союза правообладателей также не содержит вменяемого и общедоступного механизма распределения прибыли между самими правообладателями (<http://gr-union.ru/ru/pravo>).

С другой стороны, законодатель вынужден учитывать и интересы общества в этой сфере, что проявилось в ст. 1274, 1273, 1275, 1277, 1278 ГК РФ, а именно разрешены: свободное использование произведения в информационных, научных, учебных или культурных целях; свободное использование произведения библиотеками, архивами и образовательными организациями; свободное публичное исполнение музыкального произведения во время официальной или религиозной церемонии; свободное воспроизведение для целей правоприменения, в личных целях (но с рядом ограничений). Можно констатировать, что в общественно полезных сферах копирайт под давлением складывающихся общественных отношений постепенно уступает интересам граждан.

Выход из сложившейся ситуации мы видим в законодательном разграничении двух режимов пользования информацией как товаром: в сфере коммерции и в сфере личного потребления, и, соответственно, их последовательном разграничении в гражданском законодательстве.

Следует согласиться с В.Н. Синюковым, что иностранные правовые конструкции, оказавшись в чуждой им культурной и социальной среде России, могут порождать особое явление правовой аннигиляции, т.е. их поглощение традиционной средой, в результате чего происходят различные правовые мутации, превращения этих конструкций в квазию-

рические феномены, как произошло с институтом Президента СССР [7, с. 94-95]. Даже законы 12 таблиц не были «изобретены» публичными органами власти, а явились закреплением и санкционированием ранее сложившихся в результате многократного поведения действий участников правоотношений.

Именно поэтому институциональный подход к праву позволяет выявить среду и условия его эффективности, результативности и даже приемлемости. Институт рассматривается здесь как целостное явление само по себе и как структурный элемент цивилизации. При этом под системой традиционно понимается множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность [5, с. 1113]. Элементы системы образуют определенную структуру или совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его единство и тождественность самому себе, т.е. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях.

Поэтому любой институт, исходя из системного подхода, характеризуется следующими признаками:

- 1) наличие цели (целей);
- 2) наличие окружающей среды;
- 3) наличие структурной (морфологической) организации;
- 4) наличие самостоятельного функционального процесса (процесса функционирования);
- 5) наличие гомеостаза;
- 6) тенденция к улучшению характеристик и др. [1, с. 44].

Но здесь появляется ряд фундаментальных вопросов, требующих проработки: каковы границы конкретного института; в какой степени и формах он взаимодействует с иными институтами; каковы механизмы изменения института, воздействия на него; какие правовые инструменты, стимулы и ограничения окажутся эффективными; какая будет реакция на вновь организуемый институт и т.п.

На них могут ответить специальные исследования, которые, к сожалению, сегодня проводятся крайне редко.

Именно как единое целое следует рассматривать систему социально-правовых, цивилизационных институтов нашего общества. По мере становления и развития – от древнего к современному – оно все более проявляло свою оригинальность. Российская Федерация является преемником двух цивилизационных систем: Российской империи и СССР. Конечно, государственно-правовые институты России используют опыт и западных стран, но часто лишь в качестве дополнения к ранее существовавшим механизмам, игнорировать которые было бы крупной ошибкой законодателя и правоприменителя.

Литература

1. Анохин Ю.В. О теоретических основах структуры механизма государственно-правового обеспечения прав и свобод личности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2. С. 42-47.
2. Винокуров С.С. Институциональная экономика: учебное пособие. СПб.: Изд. СПбГЭУ, 2014. 125 с.
3. Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / науч. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 1072 с.
4. Марданов Р.А. Соотношение права и экономики в российской модели государственности (теоретико-методологический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 25 с.
5. Новый энциклопедический словарь. М., 2000. 1455 с.
6. Птушенко А.В. Системная парадигма права. М.: Московский издательский дом, 2004. 224 с.
7. Синюков В.Н., Григорьев Ф.А. Правовая система: вопросы правореализации: учеб. пособие. Саратов: СВШ МВД России, 1995. 155 с.
8. Хусаинов З.Ф. Экономическая функция российской государственности: вопросы теории и политико-правовой практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2008. 449 с.

Лицензионный договор № _____
о предоставлении права на использование материалов
(неисключительная лицензия)

г. Барнаул

«__» _____ 201 г.

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Барнаулский юридический институт МВД России», именуемое в дальнейшем «Издатель», в лице начальника института _____, действующего на основании Устава, с одной стороны, и _____, именуемый в дальнейшем «Автор», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона / Стороны», заключили настоящий договор о нижеследующем.

1. По настоящему договору Автор на безвозмездной основе обязуется предоставить Издателю неисключительные права на использование статьи

(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов)

именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.1. Автор гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Издателю Произведение.

1.2. Автор гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Издателю по настоящему Договору, является оригинальным произведением Автора.

1.3. Автор гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2. Автор предоставляет Издателю на весь срок действия исключительных прав на Произведение:

2.1. Право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения.

2.2. Право на распространение Произведения любым способом.

2.3. Право на внесение изменений в Произведение (редакционную правку), не представляющих собой его переработку.

2.4. Право на использование метаданных (название, имя Автора, аннотации, библиографические материалы и пр.) Произведения путем распространения и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации, а также включения в различные базы данных и информационные системы.

2.5. Право на доведение до всеобщего сведения.

2.6. Право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения.

2.7. Автор также предоставляет Издателю право хранения и обработки следующих своих персональных данных без ограничения по сроку:

- фамилия, имя, отчество;
- сведения об ученой степени;
- сведения об ученом звании;
- сведения о месте работы и занимаемой должности;
- контактная информация.

Персональные данные предоставляются для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения их в аналитические и статистические отчеты, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т.п.

3. Дата подписания Договора Сторонами является моментом передачи Издателю прав, указанных в настоящем Договоре.

4. Издатель обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Автора, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

5. Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

6. Автор и Издатель несут в соответствии с действующим законодательством РФ юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

6.1. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить причиненный реальный ущерб.

7. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

8. Все споры по Договору подлежат урегулированию путем переговоров, а в случае недостижения согласия в течение 30 рабочих дней споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

9. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и действует бессрочно.

10. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

11. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

12. Реквизиты Сторон:

Издатель

Автор

Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего
образования «Барнаульский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской
Федерации»
656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49

ФИО
Адрес
Паспортные данные

Дата рождения

НАЧАЛЬНИК

_____/_____/_____
м.п.

_____/_____/_____
